

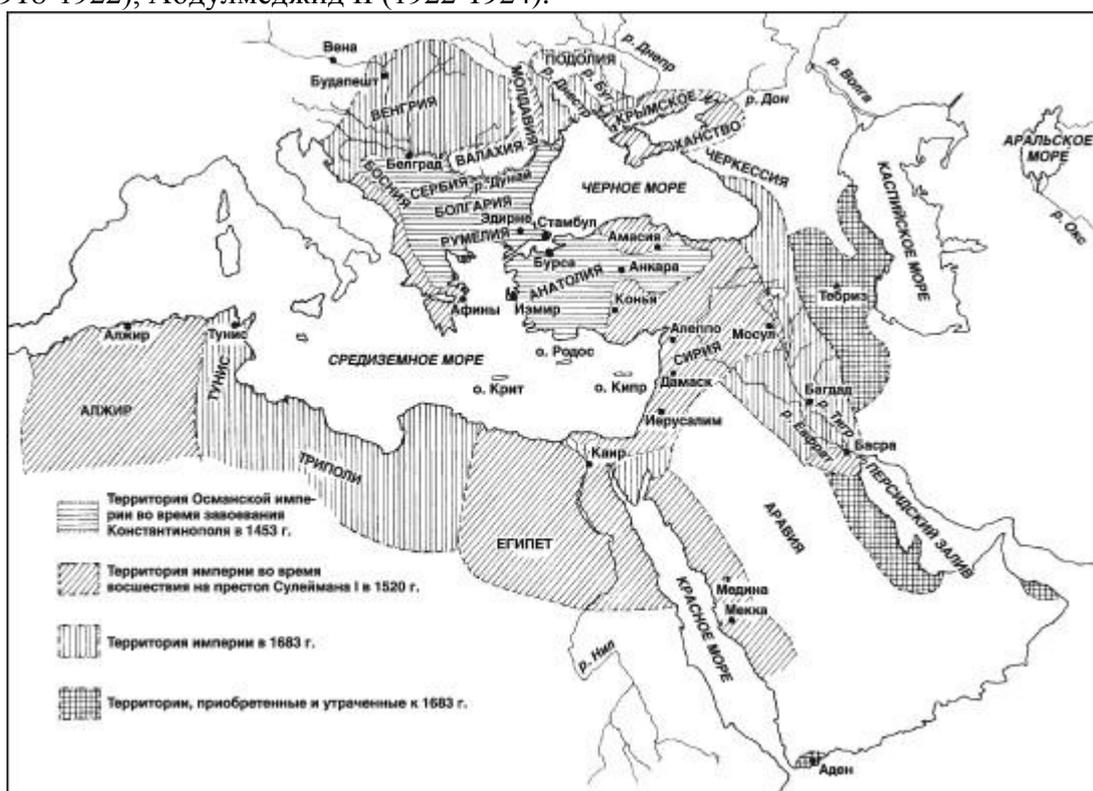
Рафаэла Льюис

Османская Турция. Быт, религия, культура

Посвящается моей семье

Султаны Османской империи

Осман I (1281-1324), Орхан (1324-1362), Мурал I (1362-1389), Баязет I (1389-1402), (Междоусарствие) Мехмет I (1413-1421), Мурал II (1421-1444), (1446-1451), Мехмет II (1444-1446), (1451-1481), Баязет II (1481-1512), Селим I (1512-1520), Сулейман I (1520-1566), Селим II (1566-1574), Мурад III (1574-1595), Мехмет III (1595-1603), Ахмед I (1603-1617), Мустафа I (1617-1618), (1622-1623), Осман II (1618-1622), Мурал IV (1623-1640), Ибрагим (1640-1648), Мехмет IV (1648-1687), Сулейман II (1687-1691), Ахмет II (1691-1695), Мустафа II (1695-1703), Ахмет III (1703-1730), Махмуд I (1730-1754), Осман III (1754-1757), Мустафа III (1757-1774), Абдулгамид I (1774-1789), Селим III (1789-1807), Мустафа IV (1807-1808), Махмуд II (1808-1839), Абдулмеджид (1839-1861), Абдулазиз (1861-1876), Мурад V (1876), Абдулгамид II (1876-1909), Мехмет V (1909-1918), Мехмет VI (1918-1922), Абдулмеджид II (1922-1924).



Карта Османской империи

Глава 1

ОСМАНСКАЯ ТУРЦИЯ, ЕЕ ИСТОРИЯ И НАРОДЫ

В VI веке тюрки помчались на конях со своей родины, расположенной к западу от Великой Китайской стены, на завоевания, которые позволили их потомкам владеть одной из величайших в истории империй. Первоначально тюрки придерживались анимизма, то есть почитали землю, небо, воду, однако с продвижением в Центральную Азию и Восточную Европу в разное время они попадали под влияние буддизма, манихейства, иудаизма и христианства. Завоевательные походы монголов заставили тюрков отклониться в сторону Арабского халифата, где они приняли ислам - веру, воодушевлявшую их в дальнейшем. Мусульманская религия породила образ жизни, который идеально подходил этим воинственным кочевникам, поскольку диктовал кодекс поведения, предусматривавший безоговорочное подчинение и ограниченную самостоятельность. Эта вера обещала большое вознаграждение при жизни и после нее воинам, сражавшимся и погибавшим в священной войне. Поскольку приверженность мусульманской вере обуславливала также автоматическое включение в обширное и процветающее сообщество, это производило сильное впечатление на завоевателей и покоренные народы, формируя их почти нерасторжимое единство. Приняв ислам, великолепные тюркские воины теперь получали такие важные стимулы к ведению войн, как территориальные захваты и религия. Под их ударами пали Персия, Месопотамия, Сирия и Анатолия.

Мощная экспансия тюрков совпала с упадком восточного христианства. Новая Римская империя со столицей в Константинополе ослабевала экономически - по мере того как уступала свои владения венецианцам, гуннам и совершающим набеги тюркам, и в военном отношении - по мере того как сокращалась армия империи и рушились ее оборонительные рубежи. Четвертый крестовый поход, сопровождавшийся захватом и разграблением столицы Византии Константинополя, подтвердил существование вражды между римско-католической церковью, приверженной папе, и греческой православной, патриарх которой подчинялся императору. Разнообразные факторы, раскалывавшие христианство, не позволяли организовать достаточно эффективный отпор мощной лавине хищных и решительных захватчиков с мусульманского Востока. Тюрки неумолимо надвигались.

Наиболее могущественными среди тех вождей, что руководили тюркскими набегами, были вожди сельджуков - кочевой орды, распространившейся на запад. Они сокрушили всех соперников, выдворили крестоносцев и объединили мусульманскую Азию. С 1037-го по 1300 год они успешно правили державой, простиравшейся в зените могущества от Афганистана до Средиземного моря. В конце концов они стали жертвами монгольских завоевателей и внутренней междоусобицы. Их упадок продолжался до тех пор, пока не сохранили свое господство одни лишь сельджуки Рума в Малой Азии. Но в то время как тюркская держава переживала упадок, небольшие воинственные группы племен утвердились в Анатолии. Среди них всегда существовали отряды гази - мусульманских воинов, которые, не довольствуясь завоеванными территориями, постоянно стремились к продолжению военных походов и расширению границ господства ислама. К XIII веку некоторое число кочевых отрядов гази обосновались в самостоятельных ханствах, почти свободных от власти сельджукских или монгольских вождей, правивших в глубине континента. Одной такой кочевой армией командовал Эртугрул, отец Османа - основателя Османской династии. Здесь смешиваются история и легенда и рождается следующее предание.

Эртугрул, великий полководец из тюркской знати, рожденный повелевать, вел отряд всадников численностью 400 человек через Анатолийское плато, выехав к месту битвы неравных соперников. С благородным рвением он поспешил на помощь меньшему по численности отряду сражавшихся воинов и вместе с ним выиграл битву. Предводителем отряда, которому помог Эртугрул, оказался не кто иной, как Алауддин Кайкобад, султан сельджуков Рума, который в знак благодарности подарил Эртугрулу земли, располагавшиеся вдоль границы с Византией на крайнем северо-западе своих владений. Эртугрула поставили предводителем пограничного войска, наделив его полномочиями защищать владения султана и по возможности расширять их.

Это предание, хотя и в несколько драматизированной форме, дает представление о способах, которыми небольшие воинственные кланы кочевников смогли утвердиться в Малой Азии, как потому, что они располагали определенной военной силой, так и потому, что клонившаяся к упадку сельджуцкая держава нуждалась в их помощи для отражения угрозы нападения монголов с востока и христиан с запада.

Но спасти последних сельджуков уже ничто не могло. Нашествие на Малую Азию монгольского завоевателя Чингисхана сделало их султана всего лишь данником победителей, а прибывшие новые тюркские племена, согнанные со своих земель монголами, усилили общий хаос до такой степени, что к концу XIII века эта территория оказалась в состоянии анархии. Власть в ней перешла в руки определенного числа фактически независимых племенных вождей. Одним из них был Осман. Его имя на арабском звучит как Оттоман - так его принято называть на Западе. В 1281 году Осман наследовал своему отцу Эртугрулу. Когда же в 1299 году он провозгласил свою независимость от султана сельджуков, то это было констатацией факта, который сельджуки не могли отрицать. С этого времени начался путь Османа как завоевателя. И хотя его ханство первоначально было одним из самых незначительных среди государственных образований, поделивших между собой державу сельджуков, династия Османа в течение сотни лет одолела большинство своих соперников и основала империю, носившую это знаменитое имя 600 лет.

Сын Османа Орхан, унаследовавший власть от отца, принял титул султана и стал чеканить турецкие деньги, заменившие денежные единицы сельджуков и Византии. Именно Орхан реорганизовал армию, которая теперь состояла из всадников-добровольцев, возвращавшихся в свои деревни по окончании военных походов. Он установил зависимость службы в кавалерии от земельных владений, так что владельцы земельных наделов с лошадьми и вооружением, соответствующими размерам их земельной собственности, были обязаны по первому зову принимать участие в войнах. В отличие от Западной Европы земельные наделы здесь не были наследственными - их даровал правитель.

Причину быстрого успеха и устойчивости власти османов определить нетрудно. Граница Византии, у которой осело племя Эртугрула, являлась наиболее уязвимым местом христианских владений, а постоянный приток газа, хлынувших со всех уголков Анатолии сражаться с врагами ислама, естественно, направлялся в расширяющееся государство османов, откуда они могли совершать набеги, грабить и, возможно, обращать в истинную веру балканские княжества неверных. Ханство османов служило воротами к этим княжествам. Османы предоставили им работу по душе и извлекали из этого выгоду. Оборона самой Византии становилась все слабее, а ее небольшая армия - численностью от 10 до 12 тысяч человек - была ненадежна. В конце же XIII - начале XIV века византийские провинции переживали социальный и экономический распад. Балканский полуостров, который раздирали борьба между претендентами на власть, вражда знати, далеко зашедшие социальные и религиозные распри, созрел для завоевания. Большая часть земель принадлежала монастырям и землевладельцам, жившим в городе на доходы с поместий, а когда турецкие завоеватели «освободили» полуостров и вернули его земли обездоленным крестьянам, их приветствовали как спасителей. Ликвидировав крупных землевладельцев, турки покончили на Балканах со старой моделью феодализма и открыли новые горизонты мелким землепользователям, которые с благодарностью приняли турецкое правление и платили своим благодетелям лояльностью. Богомильцы, которых преследовали как католики, так и православные, считали турок своими освободителями и приняли ислам.

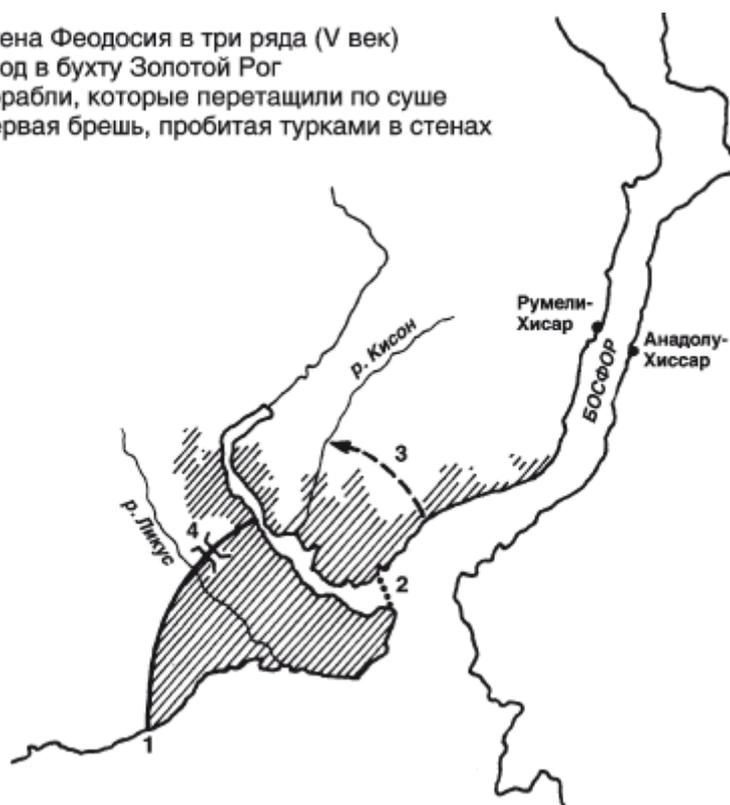
Когда османы поняли, насколько богата и разобщена Европа, они продолжили свои завоевания, постепенно установив господство над Фракией и Балканами. После закрепления власти турок на завоеванных территориях улемы - ведущие богословы - приняли меры для учреждения административных органов на новых территориях, тем самым способствуя укреплению порядка и установлению стабильности, что способствовало, в свою очередь, обустройству населения и упрочению власти турок. Фактически к концу XIV века Османская империя владела в Европе большей территорией, чем в Азии. Однако в 1390 году

султан Баязет начал завоевывать территории в Малой Азии. Его солдаты-мусульмане с неохотой сражались против единоверцев, которых они не могли грабить с чистой совестью, поэтому Баязет укрепил свою армию вассальными сербами и греками. Начав в первое десятилетие XV века активно завоевывать Малую Азию, в 1402 году он потерпел сокрушительное поражение близ Анкары от великого тюркского завоевателя Тимура. Это случилось за три четверти столетия до полного возвращения османами земель, которые они так быстро завоевали, но еще быстрее утратили.

Катастрофа при Анкаре, однако, существенно не отразилась на владениях османов в Европе, откуда в первой половине XV столетия они продолжили свое продвижение, но предстояло завоевать главный приз - Константинополь. Обессиленная потерей своих богатых провинций и соответственно налогов, лишенная возможности набирать солдат для армии из-за утраты Анатолии, Восточная Римская империя превратилась в жалкое государственное образование, окруженное могущественными и победоносными турками. Возможно, более всего империю ослабляли распри между католиками и православными, хотя в 1439 году император Иоанн VIII согласился признать верховенство папы и союз православной и католической церквей - он надеялся на помощь в отражении турок. Но византийское духовенство и набожные православные жители Константинополя яростно противились компромиссу с ненавистными католиками, считая это изменой православию. Даже накануне захвата города турками папа оставался главным врагом. В результате помощь христианских государей, направленная осажденному городу, оказалась абсолютно неадекватной. Когда в 1452 году Мехмет II завершил строительство крепости Румели Хисар, закрывшей доступ к Константинополю через Босфор, защитники города приготовились к своей последней битве. Мехмет II располагал первым в истории настоящим артиллерийским арсеналом - большим выбором бомбард и пушек - и, кроме того, огромной армией, включавшей рекрутов из Европы и Азии, 100 тысячами ополчения и сопровождения, в то время как население Константинополя составляло тогда около 60-70 тысяч человек, только 5 тысяч из которых были готовы сражаться. В ответ на отчаянную мольбу о помощи императора Константина папа направил к нему кардинала Исидора в сопровождении 200 солдат. Первое же упоминание кардиналом в соборе Святой Софии Декларации о Союзе и имени папы вызвало истошные крики прихожан: «Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара». Генуэзцы прислали 3 тысячи солдат, и Константин мужественно приготовился к отражению штурма. Однако численности его армии все еще не хватало, чтобы занять позиции по периметру стен города и восстановить их обрушение на ряде участков.

Город был обнесен тремя рядами стен со рвами между ними, заполненными водой, на стенах находились сторожевые башни, существовали широкие проходы для передвижения войск. Городские стены выдержали двадцать осад, но теперь войска были способны преодолеть их прочность. Вход в бухту Золотой Рог перегораживала большая цепь, протянувшаяся от берега к берегу. Ловким ходом Мехмета стала постройка деревянного настила, смазанного маслом, который тянулся от берега Босфора до речки, впадавшей в Золотой Рог. По настилу при помощи быков перетаскивали 70-80 турецких кораблей. Они прошли по речке в бухту, оказавшись по другую сторону от перегораживавшей ее цепи. Население Константинополя проснулось в пост на понедельник в 1453 году, чтобы увидеть жуткое зрелище передвижений вражеского флота уже у стен города.

1. Стена Феодосия в три ряда (V век)
2. Вход в бухту Золотой Рог
3. Корабли, которые перетаскивали по суше
4. Первая брешь, пробитая турками в стенах



Укрепления Константинополя во время завоевания города

Яростное сражение длилось несколько дней, но 29 мая Мехмет повелел начинать решающий штурм города с моря и суши. Наконец, в стенах были пробиты бреши, а император Константин погиб, защищая город. Греческие и итальянские солдаты, оставшиеся в запад-не между стенами, были перебиты, турки ворвались в город, где три дня занимались беспощадной резней и грабежами. Впрочем, их действия нанесли Константинополю меньший ущерб, чем его разорение крестоносцами. Затем Мехмет твердой рукой навел порядок и, к изумлению тех, кто ожидал, что город сровняют с землей, объявил о своем желании сделать Константинополь столицей империи.

Не следует думать, что турки во время захвата Константинополя выглядели дикими варварами: прекрасная столица Бурса свидетельствует об их незаурядных способностях в изящных искусствах и архитектуре. Нужно учесть также, что в течение целого столетия османы и византийцы соседствовали, между ними совершался культурный обмен и их объединяли матримониальные интересы, порой стороны оказывали друг другу военную помощь и вступали в союзы.

Одним из первых мероприятий Мехмета в новой столице, переименованной турками в Стамбул, стало возвращение в город населения. Многим беженцам гарантировали защиту имущества и свободу вероисповедания, тем не менее тысячи людей переселились в Адрианополь, Галлиполи и Анатолию. С другой стороны, тысячи людей переселили в город из Сербии, Албании и Греции, многих - в качестве рабов, иммигрантов, военнопленных и беженцев. Наибольшее число переселенцев составили анатолийские турки, которые были призваны стабилизировать здесь ситуацию. Эти турки расселились в городских районах, получивших названия от городов и деревень, из которых прибыли новые жители.

Мехмет отличался большой дальновидностью в государственных делах. Он следовал принципу византийских императоров и арабских халифов: разрешить различным религиозным общинам иметь своих собственных лидеров. Мехмет выбрал известного греческого священника на место патриарха греческой общины, освободил духовенство от налогов, даровал церкви полную автономию от государственной власти и свободу отправления религиозных обрядов. В Византии вся полнота власти над православными греками принадлежала императору, патриарх оставался его тенью. Эту традицию переняли и турки. Кро-

ме того, Мехмет позволил главному раввину вести гражданские и религиозные дела еврейской общины.

Завоевания продолжались. К турецким владениям прибавились Босния, Герцеговина и Албания, а к 1460 году пала вся Греция. Затем настала очередь Крыма и Румынии; постепенно султан Селим I захватил Сирию и Египет. Между 1520-м и 1566 годами его сын Сулейман Великолепный (бывший современником Карла I, Франциска I, Генриха VIII, Елизаветы I, Льва XX, Колумба, Кортеса, Ралея и Дрейка) завоевал Белград, Родос, Венгрию, часть Месопотамии и Армении, Йемен, Аден и побережье Северной Африки. Как уже отмечалось, «он располагал даровитыми советниками, которых умел держать своей волей в повиновении и использовать благодаря своей мудрости». Нам хочется рассказать об Османской Турции именно в ее золотой век. В этой книге в основном будет описываться жизнь османских турок именно в этот период, поскольку тогда она была наиболее обеспеченной и безопасной. Однако правление Сулеймана стало водоразделом между эпохами. С его окончанием начался закат Османской империи. Сулейман первым установил режим капитуляций, то есть разрешение иностранцам пользоваться привилегиями собственной юрисдикции в пределах империи. Первоначально привилегии предоставлялись торговым компаниям, позднее властям любой страны, подданные которой имели достаточно важные интересы во владениях Османской Турции. Благодаря привилегиям иностранцы не попадали под действие турецких законов и не платили налогов. Их дома и торговые предприятия пользовались иммунитетом, а аресты и высылки этих иностранцев могли осуществлять лишь послы соответствующих государств. Споры и конфликты между иностранцами разрешались их собственными консульскими судами по законам соответствующих стран. Немусульманские подданные Турции на службе у иностранцев могли получить аналогичный статус на основании консульских дипломов. На начальном этапе нарушения этих привилегий встречались крайне редко, поскольку землячества иностранцев были малочисленны и состояли главным образом из торговцев. Однако к середине XIX столетия этот режим капитуляций стал восприниматься как признак слабости Турции.

Может показаться невероятным, что империя клонилась к упадку почти четыре столетия. Причины этого заключались частью в том, что султаны мирились с крайне низким уровнем политического единства, с большим разнообразием социальной и религиозной практики, но частью и во внутренних проблемах, преобладании интереса к внешнеполитическим делам и в распрях соперничающих кланов в Османской империи. Как бы то ни было, контролировать такие обширные и разнородные владения было невозможно, и на окраинах огромной империи все больше утверждалась автономия. Но главная причина упадка заключалась в том, что империя представляла собой прежде всего военную машину. Начиная с Сулеймана султаны перестали быть завоевателями, а превратились в императоров. Теперь султаны в сопровождении своих визирей водили армию в сражение лишь в редких случаях. Армия вступила в эпоху, когда войны, за исключением оборонительных, велись редко, а это оборачивалось отсутствием новых рабов и богатых трофеев. Какое-то время империя пользовалась плодами завоеваний предшественников, затем ее слабости проявлялись все отчетливее. Армия становилась строптивой и неуправляемой, и, хотя предпринимались некоторые попытки реформировать ее по западной модели, они оказались безуспешными, преодолеть глубоко укоренившийся старый порядок было невозможно. Улемы тоже добивались для себя большей власти и вели себя почти так же своеобразно, как и янычары в армии. Легче становилось купить высокую должность, даже в больших городах не требовалось больших знаний и способностей, чтобы занять пост судьи, а медресе - религиозные школы - совершенно не интересовались делами за своими пределами. Тем временем султанский двор тоже переживал упадок и коррупционность.

Потребовались 12 лет непрерывной борьбы с братьями, чтобы Мехмет I почувствовал себя в безопасности на троне. Мураду II пришлось противостоять претендентам на султанат в лице его дяди и младшего брата. Когда Мехмет II включил в свой «Свод законов Ос-

манской династии», наряду с рутинными мелочными предписаниями о необходимости для придворных разбрасывать мелкие монеты во время выступления султана в военный поход или о смене ежеквартально облачения дворцовых пажей, одну жуткую статью, он руководствовался опытом правления своего отца и деда. Статья гласила: «После того как Аллах дарует одному из моих сыновей султанат, следует ради сохранения порядка в падишахстве умертвить его братьев. Большинство улемов объявили это допустимым. Соответственно надо и действовать».

В XVII веке этот закон братоубийства утратил силу. Вместо умерщвления братьев султана стали заключать в роскошных апартаментах дворца. Интриги наложниц султана, чтобы обеспечить наследование трона собственными сыновьями, стали еще одним источником слабости династии. Не стоит удивляться тому, что так много последних султанов оказались людьми аморальными и невежественными. Тем не менее они оставались стержнем империи, держали ее судьбу в своих руках.

Во властных учреждениях происходил торг должностями, так что повышение по службе становилось скорее следствием богатства, нежели способностей. Часто преданных слуг султана замещали на их постах те, кто могли покупать должности. Сбор налогов уступил место торговле правом взимать налоги с сопутствующими последствиями этого в виде вымогательства и коррупции. Экономика и торговля империи отставали от уровня индустриализации и механизации западных держав.

Это отражалось на снабжении армии, судостроении и системе образования. Из-за традиционной неприязни к Западу, выросшей из прежних веков военного превосходства, Османская империя долгое время отказывалась принять на вооружение новые виды военной техники и тактику. Видимо, именно это мусульманское пренебрежение к новациям, исходящим от неверных, заставляло турок неадекватно реагировать на народные восстания на Балканах, а соотношение сил в Восточной Европе в последнюю четверть XVII века изменилось не в их пользу. В 1774 году по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору русские добились не только территориальных приобретений, но также права судоходства в Черном море через проливы Босфор и Дарданеллы. Высадка мощного русского десанта на азиатский берег Босфора привела к заключению в июле 1833 года Хункарского договора, предоставившего русским свободу судоходства через Босфор и Дарданеллы, а также лишавшего этого права другие страны, если не получено одобрение России. Кроме того, русские добились права «ходатайствовать» перед султаном в пользу Молдавии и Валахии и выступать с представлениями по поводу необходимости постройки в Константинополе православной церкви. Это положило конец турецкому господству в Черном море. Была ограничена также власть над христианами империи, поскольку договор давал повод русским претендовать на покровительство всем подданным Турецкой империи, исповедовавшим православие.

В XVIII веке ослабла власть турок над Северной Африкой. Султаны перестали посылать своих пашей в Алжир, Тунис и Триполи, ограничившись лишь выдачей титула наследования для местных правителей. В Египте власть перешла к мамелюкам, а в конце XIX века Турция стала считаться «больной» в книгах по истории.

В зените могущества империи ее владения простирались от Будапешта на Дунае до Асуана на Ниле и от Евфрата почти до Гибралтара. В Европе Турецкая империя включала Балканский полуостров, Трансильванию, Молдавию, Валахию, большую часть Венгрии, Подолию, все северное побережье Черного моря, Крит, Кипр и острова Эгейского моря; в Азии - Малую Азию, Армению, большую часть Кавказа, долины Тигра и Евфрата, Персидский залив, все Восточное Средиземноморье и полосу побережья Аравийского полуострова до залива Адена; в Африке - Египет, Триполи, Тунис и Алжир. Население империи насчитывало около 50 миллионов человек. Оно состояло из мусульман: турок, татар, арабов, курдов, туркмен, берберов и черкесов. Определенное число боснийцев, албанцев и болгар было обращено в мусульманскую веру. Христианское население придерживалось в

основном православного вероисповедания. Оно включало греков, венгров, сербов, румын, армян, грузин и египетских коптов. Были также евреи и, кроме того, рабы из Германии, Польши, России, Греции, Италии, Франции и Испании.

Формат этой книги не позволит описать многообразие условий, сложившихся в империи за 600 лет, но своеобразная стабильность османского общества позволяет описать образ жизни, сохранявшийся частично или в целом в течение весьма продолжительного периода.

Необходимо разобраться в значении слов «турки» и «османы». В этой книге слово «турецкий» употребляется так, как принято на Западе, где не делается различия между Стамбулом и остальной страной, но Турция выделяется из империи, хотя в реальности такой географической целостности, как Турция, на карте Османской империи не существовало. Разумеется, были территории с населением, говорившим преимущественно на турецком языке, приблизительно соответствовавшие первоначальным захватам османами земель в Анатолии и Румелии, но их поделили на административные единицы, подчинявшиеся центральному правительству в Стамбуле, по тому же принципу, что и другие владения султана. Понятия тюркизма в национальном смысле попросту не существует, так же как не было такого понятия, как «Турецкая империя». В этом смысле даже понятие «султан» пришло с Запада. Суверен величался на этой территории падишахом - в переводе с персидского языка «император». Слово «турок» использовалось для обозначения крестьянина, и даже деревенщины. Так называли жителей Анатолии, говоривших на турецком языке. Правящий класс, в первую очередь суверен и государственные чиновники, считали себя османами и мусульманами, и, хотя имела место религиозная солидарность, образованные городские представители правящего класса считали людей, называвшихся турками, провинциальными мужланами и представителями «подлого» сословия. Каждый этнический турок, за исключением тех, что были представителями духовенства или нескольких выдающихся военных и государственных деятелей, получивших образование и добившихся высокого положения во власти, был накрепко привязан к своему месту в жесткой социальной иерархии. В его представлении, однако, это было прочное, уважаемое место под защитой системы.

Османы унаследовали некий гибрид турецкого языка. В нем содержался большой объем заимствований из персидского и арабского языков. На нем говорили богатые и знатные. Речь простых турок считалась ими «грубой». Язык османов использовался в государственных учреждениях, арабский - в сфере религии, персидский - в области культуры и литературы, особенно поэзии. Только дома, вдали от посторонних глаз и, возможно, от слуг, османы говорили на турецком - языке жителей Анатолии.

Глава 2

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ

Важно то обстоятельство, что османам удалось, учитывая размах их завоеваний и разнообразие культур и укладов, проявить недюжинный талант в государственном управлении. Фактически именно это, а не обширность их территориальных приобретений характеризует величие Османской империи и определяет качество жизни ее подданных. На такую одаренность осман указывают сочетание отлично организованной государственной службы, системы социальной справедливости, основанной на сакральных законах ислама и потому вызывающей к себе благочестивое отношение населения, и наличие жестокой, преданной и дисциплинированной армии. Все это вполне совмещалось с местными обычаями, укоренившимися столь глубоко, что их нарушение было либо опасным, либо невозможным. К этому следует добавить гуманность турок на моральном и бытовом уровнях, которая спо-

собствовала тому, что христианское население многих завоеванных территорий смирилось со своей судьбой. В самом деле, притом что большая часть населения многих провинций разительно отличалась в расовом и религиозном отношении от управлявших ими осман, социальный протест поражал своим незначительным масштабом. Даже во время войны правительственные силы поддержания порядка отвлекались на ведение боевых действий, оставляя горстку чиновников управлять подданными завоеванной провинции. В сложившихся обстоятельствах мусульманское население завоеванных территорий, воспитанное в традициях подчинения и неприятия перемен, за исключением некоторых непримиримых и разбойничьих племен, без особого труда управлялось османами. Благодаря взаимодействию многих факторов, сохранявших свое влияние в эпохи становления, расцвета и упадка Османской империи, она представляла собой внушительную силу в продолжение 600 лет, имея в качестве символа своего могущества и величия верховного правителя - султана.

Хотя Османская династия просуществовала тот же исторический срок, что и империя, наследование в ней монаршей власти старшим сыном происходило отнюдь не автоматически. В 14 лет или примерно в этом возрасте после церемонии обрезания юных принцев отсылали управлять различными провинциями Анатолии, откуда в столицу следовали отчеты о результатах их правления. Со временем правивший султан решал, какой из сыновей мог считаться его наследником, тому и предоставлялся важный административный пост близ столицы. Для того чтобы избежать заговоров враждующих группировок двора, поддерживающих разных претендентов на трон, как уже упоминалось, существовала практика умерщвления других братьев (и их сыновей). Их душили шелковой удавкой - такая казнь приберегалась для тех, пролитие благородной крови которых считалось делом нечестивым. Эта варварская практика воспринималась как недорогая плата за избавление от династических войн и гражданского противостояния: «Смерть принца менее прискорбна, чем потеря провинции».

Траур по случаю кончины самого султана не был слишком длительным, его гарем быстро удаляли в Старый дворец, а фаворитов и фавориток разгоняли. Новый султан немедленно вступал в должность, усевшись на троне перед Вратами счастья в Новом дворце, которые Мехмет Фатих (Завоеватель) построил на мысе, обращенном к входу в Босфор. Там ему присягал двор: знатные лица империи целовали край его одежды и клялись в преданности. За этим следовала церемония заседания его совета - дивана, - где объявлялось о назначении новых министров и раздавались подарки. На заседании дивана отдавались официальные повеления о чеканке новых монет, на которых были выгравированы имя, титулы и дата восшествия на престол. Каждый султан владел особой печатью - тугрой, которая использовалась как в качестве подписи, так и монаршего вензеля в форме замысловатой монограммы его имени. Оттиски этой тугры ставились на документах, султанских декретах - везде, где требовалась султанская печать, а позднее и на монетах. Через 5-15 дней наступало время Опоясывания - церемонии несколько мистического характера, проводившейся в узком кругу приближенных. Султан совершал морскую прогулку на барке по акватории бухты Золотой Рог к гробнице Эюба - соратника пророка Мухаммеда, который пал в сражении и был похоронен на месте гибели, а его мавзолей стал самой почитаемой мусульманской святыней в Европе. Там в торжественной обстановке султана опоясывали поясом с обнаженными мечами - иногда не одним, - которые изымали из сокровищницы. На церемонии присутствовали великий муфтий, олицетворявший духовную власть, главный меченосец, представлявший султанскую семью, а также небольшое число приближенных, находившихся в это время в особой милости, таких, как главы определенных дервишских орденов. После этой церемонии султан мчался верхом на коне в Стамбул, останавливаясь по пути у гробниц своих великих монархов-предшественников.

О том, что новый султан пришел к власти, оповещали все провинции империи и всех других государей. Он получал такие богатые подарки, что многие иностранные послы и посланники, наблюдавшие в Стамбуле величие этих подарков, впадали в уныние от

скудости собственных средств и невозможности преподнести султану дар такой же ценности. Они отсылали на родину отчеты, находясь в смущении и отчаянии от зрелища проходивших по улицам города верблюдов с грузами сокровищ из России, Китая и Индии.

По восшествии на престол султан становился абсолютным деспотом - вершиной системы правления, основанной на священном законе ислама. Это, наряду со строгими ограничениями, тем не менее наделяло его огромным авторитетом как верховного правителя, властителя, особенно с тех пор, как султан унаследовал сан халифа - преемника пророка. Он также становился административным, политическим и военным главой мусульманской общины. Однако для удостоверения того, что все политические действия султана соответствуют законам шариата, он при принятии важного политического решения получал благословение великого муфтия - высшей религиозной инстанции. Если случалось, что муфтий отказывал в благословении, султан оставлял свой проект. Если же у него было достаточно прочное положение, чтобы настаивать на своем решении, то добивался смещения муфтия и замены его более покладистым, способным найти религиозные обоснования решению государя. С другой стороны, слабый и непопулярный суверен мог ожидать, что грозный муфтий при поддержке мятежного населения осудит его как правителя, не способного применить религиозный закон. Тогда султана смещали и заменяли другим членом семьи, более заслуживающим такой чести. Обычно же султаны держали бразды правления в руках крепко, и в этом им помогало то, что администрация, отчасти и в армии, состояла фактически из рабов, жизнь и смерть которых зависела от государя. Сложилось это таким образом.

Численность рабов, рождавшихся в мусульманских владениях империи, все уменьшалась, по мере того как их господа в стремлении угодить Аллаху предоставляли им свободу или из-за того, что дети матерей-рабынь и господ-мусульман автоматически получали свободу. Это означало, что следовало пополнять количество рабов либо путем завоеваний, либо покупкой на чужих территориях. Из трофеев войны пятая часть поступала султану; в дальнейшем рабами султана становились в этой пропорции все пленные, захваченные в войнах с неверными, а наиболее пригодных из них делали солдатами. Однако с наступлением перерыва в войнах в Европе поток пленников-христиан иссяк, а поскольку священный закон запрещал обращать в рабство единоверцев-мусульман, азиатские завоевательные походы не давали новых рекрутов. Вот почему родился совершенно оригинальный замысел: периодически, в зависимости от потребностей, производился набор рекрутов из владений султана, населенных христианами, главным образом из Балканских стран. На воинскую службу отбирали холостых юношей в возрасте между 10 и 20 годами. В этом случае офицер-янычар с помощником объезжал подведомственные районы в христианских провинциях, таких, как Румелия, Албания, Греция и Сербия, имея в своем распоряжении удостоверяющий документ с подписью командующего янычарами, предписание с указаниями его полномочий и нарядом-заказом на воинскую форму. Глашатаи вызывали на просмотр детей, которые приходили вместе с отцами и деревенскими священниками. Те приносили свидетельства о рождении детей. Офицеры, ответственные за набор рекрутов, отбирали в присутствии местного судьи и богатых землевладельцев наиболее пригодных для службы юношей, то есть физически крепких, привлекательных, психически устойчивых, которые не знали турецкого языка и не владели никаким ремеслом, не состояли в браке, не проживали в городе и не были сиротами, вынужденными заботиться о себе. Отбирались только дети христиан, а также дети одной специфической народности - боснийцев-мусульман. Они должны были представлять собой чистый, простой, сырой материал, из которого следовало вылепить новые судьбы. Хотя отбору не подлежали сыновья, являвшиеся единственной опорой своих родителей, эта беспощадная рекрутская практика доставляла много горя и переживаний. Она явилась причиной многих ранних деревенских браков, при помощи которых юноши избегали неволи. Тем не менее, последующая подготовка юных рекрутов открывала для них такие необозримые перспективы продвижения по службе, что многие семьи смирились с такой системой набора и даже радовались расста-

ванию со своими сыновьями. За принятие юношей-немусульман на службу была предложена такая сумма взяток, сколько денег заплачено за покупку юношей-христиан. Молодых мусульман Боснии, уже подвергшихся обрезанию, охраняли по пути в столицу с особой бдительностью, чтобы в их среду не проникли юноши-турки. Чтобы избежать злоупотреблений, помощник, сопровождавший офицера-янычара, составлял документ, где указывались имена, происхождение, возраст и характеристика рекрутов, в двух экземплярах. Одна копия документа передавалась офицеру, другая - смотрителю, доставлявшему юношей в Стамбул. Такой набор рекрутов называли «девширме» - «сбор».

По прибытии в столицу рекруты официально принимали ислам, то есть поднимали правую руку и произносили: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк Его». Затем они подвергались обрезанию. Наиболее сообразительные и способные юноши отбирались для службы во дворце, остальные передавались внаем турецким семьям Малой Азии и Румелии для сельскохозяйственных работ, изучения турецкого языка и окончательной исламизации. Затем, когда освобождались вакансии, их брали на службу в элитное армейское подразделение - корпус янычар - или на какую-нибудь иную службу. В любом качестве они оставались рабами султана пожизненно, покорными его прихотям и повелениям, обязанными идти туда, куда их пошлют, выполнять то, что им поручат, и готовыми отдать свою жизнь в любое время. С другой стороны, в меру своих способностей и преданности они могли добиться, особенно на дворцовой службе, вершин власти и богатства, а титул раба султана считался почетным. Совершенно оторвавшись от прежней жизни и подвергнувшись суровой и всепоглощающей муштре, они одновременно полностью зависели от султана и обладали абсолютной компетентностью относительно требований своей службы. Многие из этих сыновей забытых и безграмотных родителей были настолько удачно отобраны и подготовлены к выполнению своих обязанностей, что становились высокообразованными и культурными, чрезвычайно одаренными людьми, на административном таланте которых держалась огромная и сложная империя.

Наиболее сообразительные юноши, отобранные для службы в столичном дворце, направлялись туда в качестве пажей под присмотр главного белого евнуха. Другие попадали в тот или иной из султанских дворцов в Бурсе и Эдирне или в специальные школы при дворце в Галате и Стамбуле. За ними осуществлялся хороший уход, но с соблюдением условий простоты быта и дисциплины, с явным акцентом на повиновение и хорошие манеры. Наказывали юношей строго, но не жестоко: не более раза в день наносили тонким прутом десять ударов по подошвам стоп. Обслуживая султанскую семью в качестве пажей, они проходили вместе с тем основательное обучение турецкому языку, чтению по-арабски, поскольку арабский - язык Корана, и по-персидски, поскольку персидский был языком литературы и поэзии, равно как истории, юриспруденции и религии. Для страховки от возможной безработицы или, вероятно, в качестве дани традиции, которой следовали даже султаны, каждого юношу обучали также какому-либо ремеслу, а кроме того, владению оружием, искусству верховой езды и военной стратегии. Обо всех достижениях учащихся докладывал по инстанции их главный наставник - евнух, опекавший группу из десяти человек денно и нощно. В соответствии со своими способностями ученики проходили различные ступени дворцовой службы. Наиболее способные прислуживали самому султану до 25-летнего возраста, когда считалось, что они готовы вступить в самостоятельную жизнь вне дворца. Из этих юношей отбирали назначенцев на должности губернаторов в провинциальные города. Некоторые поступали на службу в Почетную гвардию - ударный корпус специального назначения, однако большинство отправляли служить в кавалерию регулярной армии - Сипахи Порты. На торжественных церемониях выпуска учащихся присутствовал сам султан, он поздравлял каждого из них с получением назначения и дарил расшитый вышивкой френч, хорошего коня, а иногда и деньги.

Тех, кто поступил на государственную службу и кто доказал своей преданностью и способностями, что достоин занимать высокие должности, повышали по службе до тех пор, пока лучшие из них не возвращались во дворец на самые ответственные посты. Даже в

этом случае учебный процесс продолжался, поскольку Тайный совет тоже был своеобразной школой, где его члены усваивали опыт высокопоставленных сановников, обсуждали их идеи и демонстрировали способность занимать более высокие посты, и даже должность главы государственного аппарата - великого визиря. Он считался представителем султана, главным министром, ответственным за все назначения в армии, столичной и провинциальной администрации. Великий визирь командовал армией во время войны, если султан не брал эти обязанности на себя, нес ответственность за поддержание законности и порядка в столице. Его официальная резиденция, известная как «Баб-и-Али» - «Высокие ворота», которой европейцы дали более яркое название «Высокая Porta», - отождествлялась Западом с правительственной резиденцией Османской империи. Тем не менее этот назначенец был таким же рабом султана, как простой рекрут, и так же, как раб, подвергался суровым наказаниям, впад в немилость, в случае признания не соответствующим своему посту или вовсе ненужным.

Наряду с государственной службой, в которой руководителями могли быть как свободно рожденные мусульмане, так и рабы-христиане, властью обладали представители судебной системы и иерархии духовенства. Правовые нормы черпались в империи из четырех источников. Во-первых, из шариата - свода священных законов ислама, изменить который или не подчиниться ему не мог и сам султан; во-вторых, из канунов - законов, письменно декретированных султанами; в-третьих, из адата - устоявшихся обычаев, имеющих особое значение в отдаленных и отсталых районах, где посредством неписаных законов веками осуществлялось нечто похожее на правосудие; в-четвертых, из урфа - установлений правившего султана в письменной форме, становившихся канунами, но более важными, чем прежние кануны или нормы адата, противоречившие этим султанским установлениям.

Разумеется, первостепенную важность имел шариат. Он господствовал не только в правовой и религиозной сферах, но также в социальной, этической и экономической жизни людей. Это была вотчина улемов, то есть мусульманского духовенства разных рангов - от муллы самой захудалой сельской школы до высокообразованных людей, которые, следуя четко выработанному курсу преподавания, становились признанными авторитетами в сферах закона и религии. Свое образование они начинали в медресе и учебных заведениях при больших мечетях, где изучали грамматику, логику, философию, геометрию и астрономию. Помимо этих предметов, в медресе более высокого разряда, где обучение велось двенадцать лет, изучались Коран и шариат, в том числе теология, толкование священных книг и юриспруденция. Когда учащиеся завершали курс обучения, они приобретали достаточные знания для назначения на пост кадия - судьи одной из провинций. Более честолюбивые начинали преподавать в первом из списка двенадцати высших медресе, составленного по восходящему принципу. Молодые люди последовательно проходили очередные ступени и приобретали квалификацию для занятия более высокого поста. После того как они поработали в девяти медресе, завершая преподавание в одной из авторитетных школ при мечети Сулеймане в Стамбуле, перед ними открывалась перспектива назначения на самую высокую должность. Они могли благодаря приобретению высокой квалификации стать преподавателями трех главных медресе или кадиями в любом из двенадцати наиболее важных городов империи, самыми первыми из которых считались Мекка и Медина, или даже занять должность кадия Стамбула. Выше этой должности считался пост кадия-аскера Анатолии, то есть армейского судьи азиатских провинций, а еще выше был пост кадия-аскера Румелии - армейского судьи европейских территорий империи.

Наиболее значительным из всех назначений был пост муфтия Стамбула. Этот пост объединял строго религиозную и юридическую ветви, символизирующие нерасторжимость этих двух аспектов священного слова. Муфтий Стамбула носил титул шейх-уль-ислам. Обычно им становился получивший повышение кадий-аскер. Шейх-уль-ислам всегда играл большую роль в системе власти империи, хотя не оказывал влияния на светскую жизнь и воздерживался от активной деятельности. На нем, однако, лежала ответственность за объявление войны, которую собиралось начать государство, участие в которой

декларировалось как священный долг мусульманина. К нему обращались также за экспертной оценкой соответствия кануна, который хотел ввести в обиход султан, нормам шариата. Ведь шейх-уль-ислам был хранителем и главным толкователем священного закона, он был совестью султана и одновременно представлял собой духовный противовес великому визирю. Ни один из них не превосходил по значению другого, хотя шейх не призывался на заседания султанского дивана, где религиозный закон представляли кадии-аскеры Румелии и Анатолии. К другим религиозным деятелям высокого ранга относился ходжа - религиозный наставник султана. Он опекал монарха до его вступления на престол и, естественно, пользовался большим почетом. Далее шли два имама, ведущие богослужение в дворцовой часовне или в любой мечети, которую посещал султан по пятницам; главный лекарь дворца, обремененный невероятной ответственностью, главный астролог, основная функция которого состояла в начертании карт и календарей, указывающих на благоприятные обстоятельства для любых начинаний.

Все улемы оплачивались из фонда пожертвований верующих, средствами которого распоряжался специальный отдел казначейства. Фонд пополнялся за счет различных штрафов и подношений. Улемы не облагались налогами, их собственность не подлежала конфискации, и, в отличие от собственности рабов султана, она передавалась по наследству. Кроме того, они вершили правосудие. Это сочетание власти и привилегий обеспечивало улемам как высокий престиж, так и большое богатство.

Судьи подразделялись на кадиев и муфтиев. Кадии, от принципиальности, профессионализма и доброй воли которых зависело правосудие Османской империи, назначались на свои посты в Европе, Северной Африке и Крыму кадием-аскером Румелии, в Азии и Египте - кадием-аскером Анатолии. Оба ведомства не зависели друг от друга. Получив должность, кадий брал себе в помощники одного-двух наибов. Кроме разрешения юридических споров, кадии оформляли брачные договоры, выступали районными нотариусами, обеспечивали защиту сирот и инвалидов, присутствовали на брачных церемониях и занимались регистрацией актов гражданского состояния. Кроме того, к кадиям и муфтиям могли обращаться за рекомендацией высокопоставленные чиновники района.

При разбирательстве судебных дел кадий обращался прежде всего к шариату за руководством и толкованием. В этом ему могли оказать помощь муфтии. Затем судья использовал в качестве источника права кануны султана, регулировавшие области светского уголовного законодательства, которые не охватывал шариат, и устанавливавшие соответствующие штрафы и наказания. Кануны в целом были более суровы, чем нормы шариата, что, очевидно, не должно вызывать удивления. Кануны предусматривали более серьезные наказания, хотя приговоры требовали одобрения улемов, были тщательно сформулированы на ясном турецком языке или его диалекте и рассылались во все суды города. Их содержание надлежало довести до сведения народа. Кануны зачитывали в публичных местах громким голосом, и каждый житель имел право потребовать в суде или государственном учреждении копию свода законов, за которую взималась небольшая плата.

Наконец, кадий давал рекомендации по вопросам применения обычаев и права убежища, принятых в данной области, и употреблял свой опыт и здравый смысл при вынесении судебных решений. Хотя фетвы - правовые заключения великих муфтиев - записывались и распространялись для изучения, никакого учета в письменной форме разрешенных судебных дел не велось. В спорных ситуациях ссылки на прецеденты не использовались. Постановление суда было окончательным, апелляциям в другие инстанции не допускалось, поскольку все суды считались равными. Решение выносилось в краткой четкой формулировке и без малейших проволочек.

Между муфтиями, то есть юрисконсультами, существовали значительные расхождения в уровне подготовленности. Шейх-уль-ислам нес ответственность за назначения муфтиев в крупные города империи, где каждый из них становился помощником кадия. Перед этим муфтии обычно учились несколько лет в одном из медресе низшей категории. В небольших провинциальных городах муфтии отличались слабой подготовкой или вовсе ее отсут-

ствием, в деревнях же их роль играли представители местного духовенства, имамы, учителя медресе или даже просто умудренные опытом старики, приобретающие такой статус на основании прошения односельчан. Когда кадий или простой горожанин нуждался в разрешении правового вопроса, требовавшего обращения к нормам шариата, они шли за помощью к муфтию, в функции которого входило гипотетическое истолкование дела. Сторонам давали условные имена, такие, как Зейд, Амр или Бекир - для мужчин, и Хинд или Зейнаб - для женщин. В наиболее важных случаях муфтий мог воспользоваться соответствующими цитатами из Корана, пособий ханафитской правовой школы или ссылкой на предание. Заключительный ответ, называемый фетвой, как правило, давался в лаконичной форме, часто просто «да» или «нет». Обычно он сопровождался словами: «Аллах лучше знает». Вот типичные примеры:

Вопрос: Если во время борьбы Зейда с Амром Зейд поднимет Амра вверх и швырнет на землю, в результате чего левая рука Амра будет сломана и станет совершенно бесполезной, что возлагается на Зейда?

Ответ: Возлагается половина цены за кровь (то есть денежной компенсации за убийство).

Вопрос: Зейд и Амр - капитаны. Ведя корабли темной ночью, они не могли видеть друг друга, их корабли столкнулись и затонули. Если Бекир, находившийся на борту корабля Зейда, утонул, должны ли его наследники сказать Амру: «Бекир утонул из-за столкновения с твоим кораблем» - и взять с Амра половину цены крови?

Ответ: Нет.

Иногда фетва формулировалась подробно и представляла собой аргументированный ответ, подкрепленный цитатами из священных текстов. В больших городах ведомство муфтия состояло из нескольких отделов, занимавшихся приемом запросов, их толкованием со ссылками на соответствующие книги, вынесением фетвы и рассмотрением дела с позиции кадия. Фетва разрешала спорное дело и, как правило, носила окончательный характер. Таким образом, многие частные лица, которые обращались в ведомство муфтия, оплачивая его услуги, могли идти в суд, имея при себе постановление муфтия. Это, наряду с доступностью канунов, означало, что каждый человек мог детально ознакомиться с правовой ситуацией, в которой находился, и в значительной степени обеспечить справедливое решение своего дела. Это означало также, что многие дела можно было и вовсе не доводить до суда кадия, а решить приватным образом. В ряде обстоятельств это случалось часто. Например, каждая социальная группа - будь то городской цех ремесленников или деревенский совет - имела свою собственную организацию, которая разбирала внутренние споры и шейх которой отправлял правосудие. В тех регионах империи, где господствовала правовая система, отличная от ханафитской, пользовавшейся предпочтением осман, население, естественно, более склонялось к обращению со своими проблемами к местному муфтию, умудренному опытом и знающему местные условия. Наконец, имелись определенные нарушения обычаев, за которые следовало наказание без передачи дела в суд. Эта практика была особенно распространена среди кочевников, которые в случаях прелюбодеяния, неводержанности или кровавых драк применяли смертную казнь немедленно.

Те преступники, виновность которых была доказана судом кадия, подвергались различным наказаниям: от смертной казни до отрубания руки, порке или побиванию камнями, заключению в тюрьму или ссылке, денежным штрафам, публичному порицанию кадием и др. Между тем отношение к убогим, слабоумным и юродивым людям отличалось необыкновенной гуманностью: считалось, что они не могут нести уголовной ответственности. Быстрые и порой суровые наказания, эффективная деятельность стражи и коллективная ответственность социальных групп за преступления, совершаемые в их среде, способствовали большей частью соблюдению закона и чрезвычайно низкому уровню преступности. Видимо, правосудие в отношении простонародья осуществлялось с большей неотвратимостью, если не суровостью, чем в отношении знати. Когда же диван султана выполнял функции суда, разбирая преступление знатного человека, заслуживающее смертной казни,

это происходило обычно без ведома указанного лица. Если подсудимого признавали виновным, то направляли посыльного с приговором суда к сановнику, ближайшему по иерархической ступени к подсудимому, облакая его полномочиями привести приговор в исполнение. Осужденный быстро прощался с земными делами, примирялся с волей Аллаха и отправлялся на тот свет. Его отрубленная голова вручалась ожидавшему посыльному для передачи султану в качестве доказательства исполнения приговора. Утверждается, что ко двору Сулеймана Великолепного за один день доставлялось не менее сорока отрубленных голов.

Еще один способ уладить дело состоял в обращении к султану с петицией в надежде получить фирман - монарший указ - в свою пользу. Петиции и доклады, заслуживающие внимания суверена, зачитывали на заседаниях дивана, а в случае необходимости заслушивали и устные представления. О менее важных делах докладывали на заседаниях дивана под председательством великого визиря. После обсуждения принималось решение, о нем информировали чиновников менее высокого ранга, и оно служило основой для формулировки подлежащего публикации указа. Иногда указы составляли и отправляли подателю петиции немедленно. Это происходило в тех случаях, когда великий визирь или некоторые другие сановники имели полномочия принимать решение без согласования с вышестоящей инстанцией, но в этих случаях, как правило, составлялся проект указа, просматривавшийся и правившийся высокопоставленным чиновником, а в случае особой важности даже самим султаном. Независимо от того, принимал султан участие в их составлении или нет, такие указы формулировались в виде прямой речи монарха. Обычно они начинались с разъяснения ситуации, требовавшей урегулирования, далее следовало решение по ней султана, порой с выражением его отношения к ситуации и напоминанием о том, как следует поступить по справедливости и в соответствии с обычаями. Наконец, формулировалась декларация, подчеркивавшая важность вопроса и содержащая указание, что повеление должно быть выполнено без промедления с последующим уведомлением об исполнении. В указ включалась также угроза о наказании за нарушение его положений. Затем проект указа переписывали набело, сверху ставилась монаршая печать - тугра, после чего отсылали по адресу. Если султан был в отлучке, бланки с тугрой для составления указа выдавал великий визирь, оставленный управлять в Стамбуле. Таким образом, указы выходили без задержки, оригиналы размножались в качестве официального документа четко и по-деловому.

Не все указы касались частных нужд. Те, что относились к военной и государственной сферам: обеспечение общественной безопасности, подавление восстаний, набор на воинскую службу, мобилизация и развертывание войск, пожалование земельных наделов или назначение и оценка работы чиновников - адресовали генерал-губернаторам провинций или губернаторам областей. Указы по финансовым вопросам, особенно связанным с правительственными расходами, отсылали казначеям провинций или областей. Указы же, для исполнения которых требовались властные полномочия и знание закона - например, по таким вопросам, как захват, мятеж или преступления иного рода, а также определение статуса и местонахождения немусульманской святыни, - направлялись губернатору или судье области. Другие указы могли адресовать муфтиям, командирам воинских частей и любым чиновникам, наделенным соответствующими полномочиями. Все, кто получали указы, были обязаны их немедленно исполнить. Например, просьбу о расследовании незаконного установления труб и кранов с целью отвода воды из общественного водоема на частные нужды следовало отсылать главному смотрителю водоканала и кадию Стамбула; повеление о призывании к порядку браконьеров, удивших султанскую рыбу в водоеме близ Бурсы, направляли кадию этого города. Кадия Стамбула адресовалась жалоба на реквизиции для почтовых курьеров лошадей и мулов, принадлежавших гостям караван-сарая с присовокуплением, что это вселяет в покупателей лошадей страх потери доходов, и резким заключением: «Надо с этим кончать!» Генерал-губернатору Египта отослали декрет с повелени-

ем обеспечить 150 носильщиков для доставки камней и бревен с целью восстановления акведука, поврежденного наводнением 1564 года.

С течением времени происходил упадок во всех сферах правосудия. Повеления не всегда исполнялись, а судьи стали набивать карманы посредством взимания непомерных штрафов и взяток. Суровые наказания стали выносить скорее для острастки, чем в качестве возмездия за преступление. Возникла нужда в гребцах галер, и туда стали посылать многих преступников, заслуживавших другого наказания, таких, как бунтари в мятежных провинциях, которые еще не совершили преступлений, осуждаемых шариатом. Однако когда система в состоянии неотвратимого упадка допускала несправедливость и произвол, то это происходило скорее из-за деградации управленческих органов, чем из-за несовершенства самих законов. Институт права оставался одним из главных достижений империи.

Есть арабское изречение, авторство которого приписывают самому пророку: «Всемогущий Аллах говорит: у Меня есть армия воинов, которых Я назвал турками. Когда Я гневаюсь на людей, то напускаю на них турок». Репутация турецкой армии в течение столетий покоилась на традициях абсолютного бесстрашия и безоговорочного подчинения, и эти качества полностью относятся к двум, казалось бы, совершенно разным ее составным частям: феодальным формированиям свободных мусульман и корпусу янычар, состоявшему из рабов-христиан. В феодальное ополчение входили в основном латники и всадники - сипахи, которым были дарованы земельные наделы, обрабатывавшиеся крестьянами. Собственники владели последними по сеньориальному праву и собирали с них подати. Взамен землевладельцы должны были служить в армии либо по принципу чередования, либо когда их призывали идти в поход. Причем исходя из своего статуса и размера земельного владения они брали с собой одного или несколько дружинников, хорошо вооруженных и верхом на конях. Они сопровождали господина весь срок его службы. В мирное время некоторые из них привлекались к службе в страже. Ни один из этих дружинников не проходил основательного военного обучения, но они воспитывались в традициях умелого обращения с оружием, владения искусством верховой езды и отличались смелостью. Их земельные владения переходили к сыновьям. Даже если сын был несовершеннолетним, он все равно вступал в права владения землей и посылал служить вместо себя латников, пока не мог по малолетству явиться на службу лично. Иногда за выдающуюся храбрость или долгую верную службу даровались новые земельные наделы. Иногда землевладельцев лишали части земли временно или постоянно, если полагали, что их поведение заслуживает наказания. Часть земельного фонда предусматривалась не для награждения отдельных солдат, но для обеспечения средств на такие специфические цели, как поддержание и снабжение крепостей и их гарнизонов. Во время войны одному из десяти сипахи позволялось оставаться в своем имении, чтобы поддерживать порядок в сельской местности, а тем, которые участвовали в походе, разрешалось возвращаться домой, когда их воинская часть располагалась на зимовку. Отпуск предоставлялся им для того, чтобы они смогли собрать со своих крестьян десятины и подати - ведь урожай с земли, которой они владели, был единственным источником их дохода. За счет него они обеспечивали себя во время мира и войны.

Кроме того, в армии служили аскеры - солдаты, владевшие небольшими земельными наделами, которые сами же и обрабатывали. Призывался в армию только один из четырех-пяти таких землевладельцев, в то время как остальные обеспечивали его на время службы. Такие аскеры освобождались от налогов, а в армии выполняли вспомогательные функции. Кочевники - юрюки - в сельской местности платили пастушеский налог и привлекались наряду с аскерами к строительству дорог, рытью окопов, перевозке оружия и продовольствия, литью пушечных ядер. В феодальных формированиях служило определенное число добровольцев, часть из которых шла на войну ради грабежа, но были также христиане-отступники, которые, приняв ислам, сражались и продвигались по воинской службе до тех пор, пока их способности и беспощадность в отношении бывших братьев во Христе не

доставляли им высокого чина. В армии, не придававшей значения происхождению человека и открывавшей неограниченные возможности для карьеры по способностям, насчитывалось не менее двенадцати крупных военачальников и четырех прославленных адмиралов, которые были христианами - отступниками.

Другая категория военных - янычары - включала молодых людей, набранных путем девширме (набора) и признанных по своим физическим данным и склонностям пригодными для воинской службы. Их возвращали в Стамбул из Анатолии, где они, живя в турецких семьях, работали на крупных анатолийских землевладельцев, и испытывали на пригодность к выполнению других обязанностей. Часть из них брали на службу султану - в команды садовников или устроителей палаточного лагеря, а также в некоторые учреждения. Другие поступали в корпус оружейников, подразделения которого дислоцировались в столице и провинциях. В обязанности корпуса входило производство и ремонт оружия и снаряжения, охрана во время боевых действий армейских обозов и воинских складов. Третьи обеспечивали транспортировку артиллерийских орудий или служили артиллеристами. Их начальник материальной части заведовал арсеналом и пороховыми погребами. Некоторых одаренных молодых людей брали на службу в адмиралтейство, других, с более скромными способностями, нанимали на работы ко всякому, кто в них нуждался. Но больше всего молодежи поступало служить в грозный корпус янычар, наемных воинов, который являлся самым эффективным орудием султана. Корпусом командовал ага янычар, который одновременно служил главой стражи Стамбула и участвовал в заседаниях дивана. Он сопровождал султана в военных походах и командовал его войсками. Ему помогал совет из пяти высокопоставленных офицеров. Армия янычар состояла из определенного числа подразделений, каждое из которых во время войны располагало собственными казармами или большой палаткой с отличительным знаком: ключом, якорем, рыбой или флагом, а некоторые янычары делали соответствующую татуировку на руках или ногах. В казармах, включавших кладовки, кухни и спальные помещения, размещались также офицеры, писари и муллы. Такая казарма служила янычарам родным домом, их жизнь была накрепко связана с подразделениями, в которых они служили. С детства оторванные от своих семей, лишённые права жениться, заниматься торговлей - к чему они, собственно, и не были приспособлены, - янычары жили одной лишь войной, а в мирное время сторожевой службой. Они владели всеми видами оружия, проявляли особенное искусство в стрельбе из лука, а позднее - из стрелкового оружия. За поясом у них всегда был кривой кинжал.

Церемония принятия в корпус воспринималась новичками как чрезвычайно почетное мероприятие. Они строились в шеренгу и по сигналу мчались в штаб своего отряда, где юноша, прибежавший первым, назначался старшим группы набора соответствующего года. После вечерней молитвы происходил официальный прием в янычары: младшие офицеры надевали на головы новичков тюрбаны и укутывали их в плащи из грубой ткани. Затем каждый новичок шел целовать руку офицера, ответственного за казарму. Тот приветствовал его обращением «елдаш» - соратник. Если во время войны происходил поспешный прием, время церемонии несколько сокращалось: рекруты проходили перед агой янычар, а старший сержант записывал имя каждого новичка и, похлопывая его по затылку, говорил: «Ты направляешься в роту №...». Выше преданности султану была лишь верность товарищам, и воины, проживавшие в одной казарме, считали самым важным клятву на подносе с солью, Кораном и мечом. Даже больше, чем штандарты подразделений, почитались ими огромные медные котлы, по два-три на казарму, в которых варилась еда - рис и вокруг которых они сидели по вечерам. Если во время сражения хотя бы один из котлов был потерян, всех офицеров казармы с позором изгоняли и больше не принимали в это подразделение, а то и на армейскую службу вообще. Как обычно, звания имели мало отношения к исполнявшимся обязанностям: все офицеры, за исключением знаменосца, имели звания, связанные с обеспечением продовольствием. Старших офицеров называли столовыми, двух офицеров рангом ниже - поваром и главным поваренком, далее следовали старший казармы, квартирмейстер, водонос и черный поваренком. Военные повышались по службе в

соответствии с этими званиями. По мере того как росла численность янычар, они становились все более строптивыми и неуправляемыми. Когда янычары отказывались есть суп, приготовленный для них после сторожевой вахты у дворца, поддавали котлы ногами, власти понимали, что назревает бунт, и стремились успокоить янычар, прежде чем прорвется их недовольство. Янычары требовали права одобрять восшествие на престол каждого султана. Когда в 1481 году Баязет II купил их поддержку своих спорных претензий на трон, янычары расценили его «подношение» как прецедент и добивались таких даров от всех последующих султанов под угрозой отказа поддержать очередного монарха. Янычар так боялись, что каждое выражение их недовольства заканчивалось удовлетворением претензий.

В воинской форме янычара особенно выделялся головной убор. По преданию, первую группу рекрутов-христиан направили для благословения хаджи Бекташу, основателю ордена дервишей-бекташей. Когда хаджи возлагал длань на головы рекрутов, благословляя их, его рукав ниспадал с их шапок, поэтому янычары стали носить шапки, с которых свешивались длинные полосы ткани, имитирующие этот рукав. Янычарам, вызвавшимся выполнять особенно опасные задания и оставшимся после этого живыми, разрешалось носить особый тип головного убора, который свидетельствовал об их исключительной храбрости и давал дополнительный повод для важничанья. Когда группа таких наглых головорезов требовала не только еды и питья, но также «платы за зубы» - денежную компенсацию за износ зубов при пережевывании пищи, - от напуганных обывателей едва ли можно было ожидать сопротивления. Султан Сулейман был формально записан в первый полк янычар и получал вместе с ними в день зарплаты деньги от командира полка скорее в знак солидарности, чем из желания отождествить себя с ними.

Дервиши ордена бекташей, о связях которых с янычарами с давних пор ходят легенды, так прикипели к корпусу, что в 1591 году орден фактически стал филиалом 99-го тюмена, а шейх ордена получил звание столового. Восемь дервишей направили в казармы Стамбула сотни тюмена молиться за империю и ее армию. Они шествовали перед агой янычар во время парадов и церемоний в зеленых одеждах, и старший из них кричал: «Аллах керим» («Аллах милостив»). Другие же дервиши издавали голосами громкие и протяжные звуки: «Хууууууууу» («Хе»).

Поскольку янычары исключительно воевали и несли сторожевую службу, их обслуживали ремесленники, среди которых были сапожники и цирюльники, изготовители седел и луков, медных и оловянных дел мастера, свечники, кузнецы, башмачники, продавцы специально приготовленных овечьих голов и множество других специалистов. Многих ремесленников нанимало и оплачивало государство, а в случае объявления войны старший офицер-янычар подбирал определенное число ремесленников сопровождать войска и обеспечивать их необходимыми товарами и услугами.

Армии феодального ополчения и янычар даже среди врагов славились строгой дисциплиной и порядком в военных лагерях. Как только штандарты с конскими хвостами были установлены на равнинах Давуд-паши или у Ускудара, символизируя намерение совершать походы в Европу или Азию, а следовательно, призыв к оружию, турки «собирались сообща на войну, как будто их приглашали на свадьбу». Успеху турок в битвах способствовали упорядоченность и воздержанность во время жизни в военных лагерях, бережное отношение не только к солдатам, но и к лошадям, которые составляли гордость и значительную часть мощи армии. На марше и поле сражения солдат сопровождали команды водоносов и санитаров, не упускалось из виду ничего, что могло способствовать их бодрому настроению и высокому боевому духу, потому что это была профессиональная армия, и с самых первых дней существования империи вплоть до XVII века она ежегодно совершала военные походы. Султан, назначив каймакама - вице-губернатора - управлять столицей в свое отсутствие, отбывал из Стамбула и в сопровождении великого визиря и придворных скакал верхом впереди своей армии. Обычно план кампании заключался в том, чтобы выступить в поход поздней осенью и остановиться на зимовку там, откуда можно было нанес-

ти по противнику удар. За весенними сражениями следовали операции по зачистке захваченной территории от войск противника. Армия стремилась вернуться домой летом, к первому урожаю. Наиболее распространенным оружием для рукопашного боя служили заточенные с одного края сабли, искривленные к острому концу, полностью кривая сабля, ятаган в виде сабли, но сильно укороченной и заточенной с внутренней стороны на изгибе лезвия, рапиры и кинжалы. Вдобавок с обеих сторон луки седла всадников закреплялись боевые топоры и пики. К этому вооружению впоследствии прибавились ружья, пистолеты и карабины.

Флот, укрепившийся в лучшую пору империи - основа мощи армии, - оставался менее организованным. На раннем этапе существования империи жители подвластных султану приморских территорий занимались главным образом морской торговлей и пиратством, особенно в отношении кораблей неверных. Когда же султан, подобно многим правителям, решил, что империя нуждается в сильном флоте, и стал строить корабли за счет своей казны, опыт людей, поднаторевших в пиратстве, сослужил хорошую службу для укомплектования кораблей флота командами опытных моряков. Завоевание Стамбула и подчинение побережья Черного моря выявили задачи более важные, чем охрана прибрежной акватории. Флот высвободился для операций в Эгейском и Средиземном морях. Выучка экипажей кораблей и военно-морская мощь в целом возросли до такой степени, что в 1522 году стало возможным выдворить с острова Родос рыцарей ордена Святого Иоанна, откуда они много лет совершали нападения на турецкие корабли и набеги на малые прибрежные города. Примерно в это же время выдающийся корсар Барбаросса начал совершать свои успешные военные экспедиции, в одной из которых он с изумлением обнаружил, что завоевал Алжир. Корсар попросил у султана помощи, которая подоспела к нему вместе с титулом бейлербея - генерал-губернатора - провинции Алжир. Так провинция из рук Барбароссы перешла во владения султана. Вскоре к ним добавились еще две североафриканские провинции - Тунис и Триполи, затем был завоеван Кипр. Между тем другие османские корабли производили захваты в Индийском океане. Турки овладели большей частью Йемена, правда, их мощь в прилегающей акватории океана уступала мощи португальского флота, также совершавшего завоевания в этом регионе.

В 1533 году Барбароссу отозвали в Стамбул наблюдать за строительством кораблей большего водоизмещения на огромных судоверфях и создавать более организованный флот. В начале следующего года ему было присвоено звание капутан-паши и отданы во владение острова Эгейского и Средиземного морей, за то что он, в свою очередь, создал команду военно-морских сипахи и позднее предоставил оснащенный, в том числе и укомплектованный экипажем, военный корабль.

Корабли, которые турки классифицировали в соответствии с итальянской традицией морской державы - Генуи, представляли собой частью галеоны, частью галеасы с водоизмещением 1500-2000 тонн. Это были высокие, длинные судна. Жерла пушек торчали из бортовых отверстий над нижней и верхней палубами. Для управления такими кораблями, помимо мачт и парусов, использовалось несколько рядов весел, каждый из которых требовал определенного числа гребцов. Наиболее распространенными были галеры, которые тоже имели паруса, однако во время сражений поднимали их очень редко. Галеры представляли собой продолговатые, узкие и легкие судна с весьма низкими бортами. В носовой части устанавливалась одна пушка крупного калибра, а в средней - 2-4 пушки на платформе. Гребцы, прикованные цепями за ноги, сидели обычно по трое за одним веслом. С каждого борта судна гребли 26 веслами. Надсмотрщик с хлыстом держал в поле своего зрения первый ряд гребцов и задавал темп гребли. В ходе сражения корабль маневрировал при помощи весел таким образом, чтобы его острый, выступающий вперед нос мог протаранить другое судно либо развернуться так, чтобы матросы смогли перебраться на борт атакованного судна. Галеры были слишком легкими и имели слишком низкие борта для плаванья при штормовой погоде в бурном море, но они прекрасно преодолевали опасности мелководья или проникали в лагуны и реки. Многие города, расположенные по побе-

режью мелководных заливов, куда не могли войти большие военные корабли, ощущали себя в безопасности и не утруждались наблюдением за выкрашенными в черный цвет судами, стоявшими в море в дневные часы, поэтому нередко бывали застигнуты врасплох среди ночи внезапными атаками мародеров, которые после разграбления и разорения городов уходили в море, прежде чем горожане могли позвать на помощь своих солдат.

Талант некоторых выдающихся флотоводцев не подкреплялся, однако, хорошо обученными моряками. Природа войны того времени требовала большого числа гребцов и воинов, те же, что имелись в наличии, как правило, не отличались большим усердием. Гребля представляла собой тяжелое и неблагодарное занятие. Команды гребцов постоянно пополнялись за счет преступников, наказанных работой на галерах, и в первую очередь военнопленными, захваченными на кораблях противника. Воинов набирали отовсюду, и они редко подходили для выполнения поставленных задач. Прежде всего использовали греков, албанцев и далматинцев, но они оказывались ненадежными. Для морских десантов привлекали ополченцев и турецких кочевников, но они привыкали к службе в условиях моря с трудом, к тому же легко поддавались соблазну разбоя и грабежа. Постепенно стали использовать отряды янычар или сипахи из владений капутан-паши, хотя они никогда не достигали уровня организованности и надежности сухопутных сил. Но особая нужда ощущалась в хороших моряках, поднаторевших в навигации, умеющих пользоваться компасом и водить корабли при сложных метеорологических условиях, ориентируясь по звездам, преодолевая мелководье, и знающих о морских течениях. Немало кораблей выходили в море с совершенно неподготовленными экипажами, когда же в годы упадка назначение на должность капутан-паши стало прерогативой двора, а сам капутан-паша и его помощники стали подкупать придворных, флот почти перестал выходить в море. Ежегодные же летние походы кораблей зачастую вселяли страх в жителей портов и островов, которые посещал флот.

Время упадка дворцовой жизни и армии пришло, конечно, не сразу. Распад прежде упорядоченной и стабильной системы начался, видимо, после того, как султан утвердился во власти при довольно устойчивом государственном устройстве, и даже до того, как империя достигла наибольших территориальных владений. Распад происходил почти незаметно и так медленно, что самая сжатая его характеристика требует анализа исторического периода длительностью почти 400 лет. С постепенным прекращением девширме (набора рекрутов) дворцовые школы переходили на прием детей знати или сыновей отставных придворных сановников, даже сирот и детей бедняков, проявивших какие-либо способности. Все это были свободные мусульмане, они утратили, служа султану, чувство беззаветной преданности, которое отличало их предшественников. В городских условиях янычары, как правило, вели себя вызывающе и строптиво, но на полях сражений всегда проявляли отвагу и стойкость. Их дисциплина тоже пострадала от прекращения девширме, когда открылся прием турок в корпус янычар. Этому способствовали и другие новшества. Разрешение янычарам жениться, заниматься ремеслами и торговлей отвлекало их от военной службы. На службу в корпус стали отправлять мятежные элементы, чтобы лишить их возможности устраивать заговоры. В результате воинство, когда-то гордившееся боевым братством, опустилось до уровня дезорганизованной банды. Связь корпуса с армией выражалась лишь в предъявлении властям книжек учета зарплаты, которые янычары порой продавали или отдавали в залог. Власти во время мобилизации могли ожидать от них любого неприятного сюрприза.

О стабильности империи, продемонстрировавшей как гибкость в отношении человеческого фактора, так и прагматичность администрирования, свидетельствовал статус подневольных немусульман, то есть христиан и евреев. Исходя из принципа «повинную голову меч не сечет», мусульманам предписывалось щадить приверженцев монотеистических религий, предшествовавших исламу, при условии, что те будут платить подушный налог и не причинять беспокойства. Для немусульман были установлены определенные нормы,

главным образом имеющие целью предупредить их провокационное или агрессивное поведение в отношении мусульман и обеспечить быструю выплату податей. Взамен им предоставлялись гарантии безопасности жизни, неприкосновенности имущества, религиозной свободы. Эти религиозные общины, называвшиеся «просом», пользовались поразительной степенью автономии в своей деятельности. Общинами руководили их главы, опирались на собственные законы, поскольку нормы шариата к представителям этих общин не применялись, за исключением тех случаев, когда упомянутые законы вступали в противоречие с нормами шариата - тогда кадий прибегал к использованию именно этих норм. Главы общин несли ответственность перед турецкими властями за поведение своих единоверцев и за сбор налогов. Во главе православной церкви стоял патриарх, который для участия в церемониях получал звание паши, штандарт с тремя конскими хвостами и который использовал для управления своей паствой не только слово Божье, но и здания суда и тюрьмы в Стамбуле. Евреи, поставлявшие властям врачей, переводчиков и разного рода ученых, сплотились под руководством главного раввина. Евреи и армяне, представители небольших сект, исключались из девширме (набора рекрутов), который представлял единственный случай вмешательства турок в жизнь «проса». Иногда власти вмешивались для защиты членов общин от злоупотреблений их собственных пастырей. Бывали случаи также, когда власти считали необходимым напомнить некоторым представителям «проса» об их подчиненном статусе, хотя это не носило характера преследования, а предпринималось больше для успокоения некоторых ретивых и агрессивных групп мусульманской общины. В целом дела «проса» оставались во власти его глав, и это окупалось готовностью немусульманских народов к сотрудничеству и их послушанием.

Глава 3

РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ

Религия турок - ислам, который они приняли, продвигаясь на запад через завоеванные арабами территории. Чтобы стать мусульманином, то есть исповедовать религию ислама, нужно только произнести формулу: «Свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк Его». Чтобы оставаться верующим, надо соблюдать четыре дополнительных правила: выполнять пять ежедневных намазов (молитв), подавать милостыню бедным, соблюдать пост в священный месяц Рамадан и совершить по возможности паломничество в священный город Мекку в Аравии. В религиозном смысле ислам прост для восприятия: в нем отсутствует апостольская преемственность, любой человек может стать имамом или руководить молитвой верующих, не допускается священства, поскольку между Аллахом и верующим в Него не может быть посредника. Тем не менее, на жизнь мусульманина и его образ мыслей воздействует огромное количество религиозных установлений.

Священной книгой ислама является Коран, который открылся Мухаммеду (570-632 гг. н. э.). Эта книга наряду с собранием хадисов - преданий, кодифицированных в IX веке, представляет собой основу мусульманского права. Пользуясь этими религиозными источниками - хадисы призваны выразить точку зрения пророка на множество разнообразных вопросов, - правоведы и религиозные лидеры могли найти посредством аналогии или прецедента решение для возникавших правовых, социальных и религиозных проблем в соответствии с принципами четырех великих правовых школ, к которым они принадлежали. Таким образом, законы и обычаи, взращенные на религиозной почве, образовали определенный образ жизни, так что мусульманин в любое время и при любых обстоятельствах знал или мог узнать, что подпадает под такие категории, как «запрещено», «не одобряется», «разрешено», «рекомендуется», «обязательно».

К XVI веку основные предписания ислама представляли собой огромное число формул, регламентирующих поведение самым подробным образом. Пять ежедневных намазов могли совершаться где угодно, за исключением полуденного намаза в пятницу, требовавшего участия в коллективной молитве верующих. Большое число людей в это время ходило в мечеть, либо в небольшую местную, либо в большую соборную. Она представляла собой просторное, обычно под куполом, помещение, достаточное для того, чтобы вместить верующих всего квартала на полуденную пятничную молитву. В середине одной из стен мечети имелась ниша - михраб, указывающая направление на Мекку, а справа от нее располагался минбар - кафедра проповедника. Поскольку в процессе богослужения требовалось принять расprostертые положения на полу, в мечети отсутствовали сидячие места. Каждая мечеть имела один или несколько минаретов - тянущихся вверх башен с балконами, пробраться к которым позволяли внутренние лестницы. Во двореке был фонтан или, обычно, большой водоем, облицованный мрамором, с желобами для проточной воды.

В число служителей мечети входил имам - неофициальный глава местной мусульманской общины, в обязанности которого входило руководство пятничной молитвой. Далее следовали ваиз - проповедник; хафиз, читавший выдержки из священной книги; хатиб, обращавшийся с проповедью во время пятничной молитвы и с призывом к Аллаху защитить султана и его семью; муэдзин, обращавшийся с езаном - призывом к молитве, который разносился над крышами домов верующих. В небольшой мечети все эти функции выполнял один человек.

Пять раз в день, на рассвете, сразу после полудня, в середине промежутка между полуднем и вечером, сразу после заката и с наступлением темноты, муэдзин поднимался наверх по лестнице минарета и с галереи на четыре стороны света последовательно обращался с призывами к верующим четыре раза: «Аллах велик. Свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха. Свидетельствую: Мухаммед пророк Его. Идите к молитве. Идите к спасению. Нет Бога, кроме Аллаха». На заре муэдзин добавлял: «Молитва лучше сна». Услышав призыв муэдзина, верующий бросал все дела или поднимался с постели и, если не предпочитал молиться дома, отправлялся к фонтану мечети. Там он совершал ритуальное омовение. Верующий умывался, полоскал рот, промывал нос, уши, шею, руки, предплечья и ноги. После этого он направлялся к двери мечети, где снимал обувь и оставлял ее либо снаружи, либо аккуратно ставил ее рядом с обувью других верующих на полку внутренней стороны двери. (Немногие проступки считались более предосудительными, чем кража обуви у мечети.) Затем, повернувшись в сторону Мекки, мусульманин обязательно произносил предварительное заклинание о намерении молиться, начинал произносить выдержки по-арабски из священного текста и сопровождать это строго установленными движениями головой, руками и телом. Допускались лишь три небольшие вольности, такие, как кашель или некоторые неловкие действия. Кроме того, молитвы возобновлялись несколько раз и совершались в состоянии абсолютного благоговения. Во время определенных молитв лепестки 99 бутонов роз, первоначально использовавшихся для перечисления девяноста девяти имен Аллаха, пропускались сквозь пальцы. Женщинам не позволялось участвовать в коллективной молитве, их собрания проводились в отдельных галереях или за перегородками. В любом случае их укрывали от взглядов мужчин.

После молитвы наиболее важным долгом мусульманина считалась раздача милостыни. Ее размер зависел от того, что оставалось у человека после выплаты долгов, расходов на содержание семьи. Милостыня (благотворительность) включала дарение дома, мебели, одежды, рабов. Дарились также доспехи и оружие, книги, научный и медицинский инвентарь, ремесленные инструменты. Размер милостыни варьировался от одной пятой до сороковой доли имущества, в зависимости от того, представляло ли собой имущество плоды, возвращенные на земле, животных, на которых расходовался фураж, золото и серебро или какие-либо товары. В дополнение к этой форме взимания средств поощрялась щедрость мусульман в пожертвованиях денег. Они шли на содержание бедных, выкуп рабов, осво-

божжение должников, поддержку священнослужителей, оказание помощи путешественникам, финансирование священных войн и вознаграждение сборщиков милостыни.

Пост тоже строго соблюдался. Священный месяц Рамадан официально начинался с того момента, когда впервые замечено появление новой луны. Свидетельство какого-нибудь мусульманина-соседа о том, что он видел ее, считалось достаточным для провозглашения поста. Затем 29 дней все мусульмане, достигшие половозрелого возраста и находящиеся в добром здравии, должны были поститься весь день с рассвета - «времени, когда можно отличить белую нить от черной», - до заката. Действовал запрет на еду, питье, даже на произвольное глотание слюны, курение и всякий другой вид удовольствий. Поскольку мусульманский год исчислялся по лунному календарю, месяцы сдвигались на разные сезоны, и, когда Рамадан выпадал на жаркое лето, верующие особенно страдали от жажды.

Долг каждого мусульманина, если он был не слишком беден или болен, состоял в совершении паломничества, хотя допускалось, чтобы тот, кто не в состоянии этого сделать, посылал вместо себя и за свой счет другого человека, который обязался совершать свое паломничество в соответствии с пожеланиями спонсора. Порой богатые люди оплачивали расходы бедных паломников с целью духовного и материального приобщения к путешествию в святые места. Паломничество требовало присутствия пилигрима в Мекке в начале двенадцатого месяца. Оно начиналось в праздничной обстановке гораздо раньше этого срока, дата отбытия зависела от расстояния между местом проживания паломника и Меккой. Путники проходили через необитаемые, пустынные территории, через земли, населенные воинственными племенами, которые «не сеяли ни проса, ни пшеницы, ожидая прохождения паломников, чтобы собрать богатую добычу». Вот почему в целях удобства и безопасности путешественники ходили группами, стараясь примкнуть к другим, более внушительным группам и большим караванам из Египта, Сирии, Ирака и Йемена. Эти стекающиеся ручейки путников превращались в могучую реку, которая некоторое время пережидала на высотах, обращенных к святому городу, а затем устремлялась в долину, где он располагался.

По благополучном прибытии к цели своего опасного путешествия паломник совершал омовение и молился, затем надевал специальное облачение - ихрам, которое состояло из двух полотен хлопковой, холщовой или шерстяной ткани без орнамента. Одно полотно он оборачивал вокруг бедер и поясницы, другое перебрасывалось через левое плечо и проходило под правой подмышкой. Ступни были совершенно оголены, голова непокрыта. Женщины заворачивались в гладкую ткань, наглухо закрывая лицо. Затем паломник поворачивался лицом к Мекке, произносил заклинание о своих намерениях, которое предшествовало всем религиозным ритуалам, и спускался с высот в город с причитаниями и пением. Прежде всего паломник посещал Каабу - большое сооружение в форме куба, которое, по преданию, было воздвигнуто Адамом на том месте земли, которое находилось как раз под таким же сооружением на небесах. По другой версии, Каабу соорудил Аллах, построив вокруг Мекку, окружив затем город святой землей и, наконец, создав вокруг всего этого остальной мир. Кааба задрапирована тканью интенсивного черного цвета с орнаментом из золотистых полос и густой вязи стихов из Корана. В ее юго-восточном углу, рядом с дверью, установлен Черный камень, вероятно метеорит, который был объектом поклонения в доисламские времена, а теперь считается глазом Аллаха на Земле и Его рукой, которая благословляет каждого, кто к ней прикоснется. Паломник вступает за ограду вокруг Каабы правой ногой, движется вперед и целует Черный камень. Затем он семь раз проходит вокруг Каабы в направлении, противоположном движению часовой стрелки, останавливаясь для того, чтобы снова поцеловать камень. В Мекке совершаются несколько других обрядов. Некоторые из них весьма древние, но принятые мусульманством. Один из них - посещение колодца Земзем, который находится в мечети и вода которого обладает магическими свойствами. Затем паломник совершал шестичасовую прогулку на гору Арафат для обязательного присутствия на проповеди, читавшейся в полдень девятого дня месяца и являвшейся одним из самых торжественных этапов паломничества. Потом палом-

ник следовал в Мину, где снова, согласно древнему языческому обряду, бросал семь камней в каждый из трех столбов, один из которых назывался Большой дьявол.

Кульминацией паломничества становился праздник жертвоприношения. В это время животные - ягненок, козленок, теленок или верблюжонок, в зависимости от того, какое из них мог себе позволить паломник, - помещались на землю стреноженными передними ногами в сторону Мекки. Затем животному перерезали горло, верблюжонок закалывали ножом. Хотя этот обряд не считался обязательным, он стал неотъемлемой частью заключительного этапа паломничества, и в этот день, десятый день двенадцатого месяца, известный как Курбан-Байрам - праздник жертвоприношения, участник празднества, будь то паломник или мусульманин, находящийся в любом другом месте земли, использовал в качестве жертвы даже курицу, если не мог позволить себе ничего другого. На этом обрядовая часть завершалась, паломник обривал голову, переодевался в обычную одежду и продолжал свою обычную жизнь, поскольку период паломничества требовал строгого воздержания от всех удовольствий. Однако он получал компенсацию за воздержание в виде отпущения грехов на горе Арафат, в виде удовлетворения от выполненного религиозного долга, в виде радости общения с единоверцами из всех уголков исламского мира, солидарность которых служила к тому же мощной объединяющей политической силой. Наконец по возвращении домой паломник мог с гордостью носить зеленую чалму в знак того, что он стал хаджи - человеком, совершившим паломничество. Ведь несмотря на то, что хадж (паломничество) предписывался всем мусульманам, сравнительно немногие предпринимали трудное и опасное путешествие, а благополучное возвращение паломника домой становилось предметом радости и гордости всей мусульманской общины.

Эти пять требований, «столпов ислама», были расцвечены народным воображением, разнообразием всяческих верований и обрядов, придававших чрезвычайно суровой официальной религии колорит, человечность и обаяние мистики. Принципы мусульманской веры выражены двумя фразами откровения, но верующие населили мир духами, и высшими среди них были ангелы, которые доставляли все повеления Аллаха: Гавриил принес откровение Корана самому Мухаммеду. Между ангелами и людьми располагались джинны, могущественные по своему сверхъестественному влиянию. Джинны были созданы из огня, они могли принимать любую форму или быть невидимыми. Подобно людям, они могли есть, пить и даже постепенно приближаться к смерти. Некоторые из них искренне веровали в Бога. Но другие, шайтаны, были неверными - ими руководил дьявол Иблис, такой же падший ангел, как Люцифер. Злые джинны причиняли много неприятностей: от злонамеренной подмены предметов до погружения человека в состояние демонической одержимости. Для избавления от нее требовалось заклинание. Чтобы освободиться от наваждения джиннов, произносили заговоры и носили амулеты. Кроме того, эти духи испытывали особый страх перед железом, настолько сильный, что для острастки любого притаившегося бесенка, незримое присутствие которого подозревается, достаточно было произнести громко это слово.

Многие народные поверья связывали со смертью, поскольку мусульмане верили в бессмертие души, воскрешение и Страшный суд, вознаграждение раем и наказание адом. Существовало поверье, что, когда затихали последние звуки шагов похоронной процессии, в гробнице появлялись два демона, Мункар и Некир, и тело покойного временно воссоединялось с душой. Покойник садился и отвечал на вопросы демонов о своей вере. Если они не удовлетворялись ответами, то подвергали собеседника мучительным пыткам, если их убеждала искренность его веры, то собеседнику предоставлялась возможность упокоиться до последнего дня. В этот день совершался всеобщий сбор для Страшного суда. Когда же завершалась оценка добрых и злых поступков людей, представших перед Страшным судом, последние должны были пройти через мост, именуемый Сират - «более тонкий, чем волос, и острее, чем меч», - протянутый над адом и ведущий прямо в рай. Получившие благословение легко преодолевали путь верхом на баранах, которых принесли в жертву во

время празднования Курбан-Байрама. Грешники срывались и падали вниз в бездонную кипящую пропасть. Поскольку они были мусульмане, Аллах своей милостью постепенно освобождал их, но грешники других вероисповеданий осуждались на вечное пребывание в аду. Младенцы проходили прямо в рай, не давая отчета о своих поступках. То же относилось к шахидам, мученикам, то есть к каждому воину, кто погиб в битве за веру, к каждому невинному человеку, погибшему от руки убийцы, умершим от дизентерии или чумы при условии, что они не пытались спастись от болезней, к утопленным и погибшим от обрушения зданий. В раю их ожидали лишь счастье и радость, а также удовлетворение всех желаний. В раю мужчины и женщины получали самую высокую награду - лицемерие самого Аллаха.

Верили в то, что христианин мог обратиться после смерти в мусульманскую веру и что мусульманин, похороненный среди неверных, рискует утратить свою веру. Для перезахоронения таких покойников Аллах предоставляет 72 тысячи верблюдов, которые постоянно перевозят их тела в мусульманские могилы.

Заступничества Аллаха следовало добиваться молитвой, особенно повторением Фатихи (первой, начальной главы Корана): «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Слава Аллаху, Господу миров, держащему в Своем распоряжении день суда! Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи: веди нас путем прямым, путем тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, которые под гневом, не тех, которые блуждают». Заступничество Господа достигалось также посредством установки горящих свечей на могиле святого или подновления гробницы, создания фондов для молитвенных учреждений, жертвоприношения, для успеха которого требовалось пролитие крови. Кроме жертвоприношений в празднование Курбан-Байрама, пожертвования делали в связи с началом или окончанием рискованного предприятия, такого, как военный поход или путешествие, на случай таких важных моментов в жизни, как обрезание или приход невесты в дом жениха. Пожертвования делали для страховки от несчастного случая или болезни, во избежание опасности, пожара или чумы, против исполнения зловещих снов, по случаю постройки нового дома, коронации и в честь почетных гостей, во время кризисов или в знак благодарности.

Существовал, однако, еще один религиозный институт, влияющий на жизнь людей, - ордены дервишей. Большинство из них были созданы в XII-XIII веках мистиками, стремившимися приблизиться к Богу. Они образовывали братства с целью распространения того, что называли «тайными учениями» Мухаммеда, поскольку толкование этих учений наделяло особым авторитетом, в отличие от толкования хадисов, которое было доступно всем мусульманам. Тайные учения стали основой организации и ритуалов различных орденов, а унылая безликость официального ислама, проповедовавшего всего лишь подчинение далекому и деспотичному божеству, способствовала пополнению верующими этих религиозных сообществ, основанных на близких, товарищеских отношениях. Являясь чем-то средним между сектой, клубом и тайным обществом, ордена привлекали огромное число приверженцев, особенно из беднейших слоев населения. В самом деле, духовные лидеры орденов были святыми дервишами-покровителями многих цехов ремесленников. Популярность орденов была столь велика, что их называли «религией в религии» и «государством в государстве».

В обязанности членов ордена входило, прежде всего, беспрекословное подчинение шейху, главе ордена. За этим следовали обеты секретности и солидарности, присутствия на тайных собраниях, материальной поддержки ордена, ведения благочестивой жизни. В результате духовное и социальное влияние орденов достигало такого уровня, что некоторые из них становились потенциально важными союзниками, а еще чаще опасными соперниками как светской власти, так и официальных религиозных учреждений. Считается, что в ордена дервишей были вовлечены не менее 10 процентов мусульман, хотя в городах их число могло быть и намного выше. Примерно из 200 орденов, распространившихся во время расцвета этого религиозного движения в кварталах Стамбула, а также Медины и

Мекки, одним из наиболее влиятельных считался орден Кадири, терпимость и блестящие проповеди приверженцев которого обратили в исламскую веру немало христиан и евреев. Выделялись также орден Рифаи, дервиши которого могли в состоянии транса ходить по раскаленным углям, глотать змей, а также протыкать и сечь себя холодным оружием без причинения увечий, поскольку слюна их шейха залечивала все раны; орден Каландари, дервиши которого бродили босиком как монахи нищенствующего ордена; орден Мавляви - самый аристократичный и интеллектуальный орден, приверженцы которого приходили в состояние экстаза, танцуя под музыку свирелей и удары бубнов, они пользовались таким авторитетом и уважением, что порой их приглашали на церемонию Опоясывания мечом султана. Но наиболее популярным среди турок считался орден Бекташи - буйный, энергичный орден, который допускал множество неортодоксальных послаблений, привлекательных как для христиан, так и для мусульман. Правила ордена разрешали употребление вина и других алкогольных напитков, в его собраниях участвовали женщины, не носящие чадры, на условиях абсолютного равноправия. Новобранцы ордена принадлежали к текке - ложе, в рамках которой проводились не только религиозные церемонии, но и общественные собрания в обстановке всеобщего ликования и свободы, резко критиковавшиеся за свою моральную распущенность. Тем не менее, орден получил широкое распространение, он пользовался сильным влиянием как среди всех категорий ремесленников, так и в корпусе янычар.

Все святые и бродячие дервиши весьма почитались не только суеверным населением, но самим султаном из политических соображений и в угоду общественным настроениям. Дервишей допускали даже на заседания дивана, там они свободно давали свои благословения и рекомендации. Во время Рамадана и в другие священные дни дервиши входили в любой дом и по традиции везде встречали гостеприимство.

Кроме того, в жизни простых людей издавна важную роль играли народные верования. Многие места паломничества и поклонения, считавшиеся святыми с давних времен, по-прежнему посещаются как христианами, так и мусульманами. Некоторые из этих мест отличаются какой-нибудь природной особенностью: горным пиком, деревом, скалой необычной формы или горным ключом; другие - древними следами человеческой деятельности, такими, как архитектурные колонны, каменные барельефы или могильные курганы. Последние имели то общее с третьей и наиболее обширной группой памятников - гробницами, что все они считались могилами неких святых-чудотворцев. Некоторые из этих могил принадлежали еврейским пророкам, таким, как Ной, Иисус или Даниил, другие - святым из Корана, таким, как Хизр или Семь спящих отроков, третьи - древним племенным божествам, четвертые - основателям религиозных орденов. И то, что несколько гробниц приписывалось одному святому, не подрывало веру в подлинность каждой из них. Помимо этого существовали гробницы святых иного рода. К ним принадлежали проповедники, духовные учителя, отшельники, жившие уединенной созерцательной жизнью, а также воины, павшие в битвах за веру, дервиши, вдохновлявшие на бой войска и совершавшие необыкновенные подвиги - сражавшиеся с врагами деревянными мечами или побеждавшие недругов просто силой духа, люди, жившие в таком единении с природой, что к ним приходили подкормиться дикие олени, порой даже предлагая себя в жертву.

Связь с чудотворцем для обеспечения его заступничества и исполнения своих желаний достигалась различными способами: установкой горящих свечей, забиванием гвоздей, привязыванием лоскутов ткани к веткам ближайших деревьев или оконным решеткам, употреблением земли или воды из святого места. Предпочтительнее был прямой контакт со святым, и хотя он был невозможен для живого человека, но любой предмет, оставленный на могиле святого, приобретал магическую силу. Смотрители гробниц неплохо зарабатывали на том, что брали деньги за разрешение посетителям оставлять там на ночь небольшие вещицы, посидеть в святой пещере, искупаться в святой воде, а также за продажу горстей земли, которые страждущие ели, чтобы излечиться от эпилепсии, паралича или

малярии. Некоторые паломники молились о получении хорошей работы, об обильном урожае и об исполнении других своих желаний. В гробнице Коюн-Деде выдавалось лампадное масло, и, пока оно горело, дети жертвователей находились в добром здравии. В гробнице Халвайи-Баба бесплодные женщины расстилали хлопковую ткань большими кругами, молясь о даровании им детей. Одновременно они обязывались принести много сладкой халвы, если их желание исполнится. Халва, принесенная теми женщинами, чьи желания осуществились, распределялась среди других молельщиков. Считалось, что она обладает магическими свойствами. Моления о помощи подкреплялись не только денежными пожертвованиями, но и приношениями в святые места веников, лампадного масла, свечей, расшитых платочков, молельных ковриков и книг Корана. Смотрителем святого места почти всегда был дервиш какого-нибудь ордена.

Святость греческих аязмас - священных колодцев - почти всегда предшествовала их сакрализации христианами, и эти колодцы продолжали тревожить воображение простых людей всех вероисповеданий. Многие христианские гробницы, даже часовни и церкви, становились местами обрядов и поклонения мусульманам. Первые святые, которым посвящались эти культовые сооружения, становились героями мусульманских легенд. Ведь если греческая церковь требовала связи святых мест со святыми официального церковного календаря либо освящения епископом или патриархом как могилы нового мученика, в исламе любая такая гробница объявлялась священной по одному лишь народному поверью, при условии, что она хранила тайну.

Помимо могил мусульманских святых и священных мест, унаследованных от христианской и дохристианской эпох, возникало много специально огороженных мест в память безымянных святых, известных только как баба - отец или деде - дед, но эти захоронения настолько всеми почитались, что некоторые бедняки оставляли там на хранение свои пожитки. В сельской местности нередко можно было увидеть беспорядочную кучу узелков и мешков, лежащую без присмотра в каком-нибудь заброшенном уголке гробницы.

Турки также воспринимали определенные христианские обычаи, «в случаях если они приносили пользу или содержали в себе какое-нибудь благо». Перед тем как отправиться в морское путешествие в начале года, турки Стамбула справлялись, благословил ли православный священник по весне морскую воду. Некоторые мусульмане крестили своих детей в купелях с водой не во благо их душ, но ради телесной чистоты. Этот ритуал рассматривался как особенно эффективная профилактика против проказы. Некоторые мусульмане даже верили, будто христианская реликвия защитит их в сражении с христианами. Но, как правило, сугубо христианский ритуал, отличный от общепринятой религиозной практики, которая часто совмещала элементы обеих религий, рассматривался как враждебный исламу и способный пробудить такие сверхъестественные силы, с которыми пришлось бы бороться и либо нейтрализовать их, либо смириться с ними. После завоевания Византии по меньшей мере одна церковь в каждом городе была превращена в мечеть. Когда, например, рушился минарет из-за постройки на скорую руку или от удара молнии либо умирал муэдзин, либо замечалось действие злых духов, это случалось, по представлениям местных христиан - в результате действия чудотворных сил, а в представлении мусульман - в результате черной магии. Тогда сооружение обычно закрывали или больше в культовых целях не использовали. Распятая считались чрезвычайно опасными и, как правило, уничтожались не столько по злему умыслу, сколько из желания избавиться от действия враждебных сил. Религиозные статуи, пока они оставались в первозданном виде, также считались обителью дьявола и источником зла. Глаза святых, изображенных на стенах церквей, тщательно соскабливали, и это опять же не было проявлением вандализма, а только из соображений самозащиты.

Многие поверья, которые когда-то коренились в религии, укрепились как суеверия. Рукопись любого содержания на арабском языке, первоначально почитавшаяся неграмотными из-за того, что могла оказаться Кораном, или написанная тем же почерком, что и Библия, становилась амулетом большой магической силы. Самым лучшим талисманом счита-

лась копия Корана, иногда это был потрепанный экземпляр небольшого формата в чехле из тисненой кожи или бархата. Чехол носили на шелковом шнурке, переброшенном через левое плечо, на правом боку. Весьма действенным талисманом считались также 99 имен Аллаха. И многие другие амулеты на основе письменного текста содержали имена святых и ангелов, магические квадраты, диаграммы, комбинации цифр; иногда заклинания вставляли между стихами Фатихи (первой, начальной, главы Корана). Амулет носили взрослые и дети, его привязывали к колыбелям, обвязывали вокруг шеи, прикрепляли на лоб животного, развешивали в домах и торговых лавках. Фактически обереги использовались повсюду. Талисманы с письменным текстом использовались в сочетании с различными магическими формулами, ритуалами для отпугивания всякого рода злых сил. В качестве приворота их сворачивали в трубочки и использовали как фитили для керосиновых ламп, зажигавшихся в комнате возлюбленного, или складывали в несколько раз и клали внутрь лужковины, которую затем медленно разогревали в печи, пока холодное сердце не зажигалось страстью. Такие амулеты прятали также на пороге дома, в постели или в одежде. Другие талисманы использовались для охлаждения пыла тех, кто становился не мил, или для разлучения пары влюбленных. С помощью талисмана можно было вернуть уехавшего далеко возлюбленного, беглого раба и утерянные вещи, вылечить от всякой болезни, от болтливости, сонливости, привычки поколачивать жену и детей и даже разоблачать воров. Умением правильно использовать эти магические средства владели знахари, и мужчины и женщины; каждая община имела по крайней мере одного такого знахаря. Он играл значительную роль в жизни сообщества: к нему обращались за советом относительно выбора благоприятного времени и подходящего партнера для брака, он умел заговаривать хвори и готовить противоядия.

Существовало много других средств чародейства: вода из святого колодца Земзем, лоскуты черной парчи, покрывающей Каабу, и лепешки грязи с гробницы пророка с вытисненными на них заклинаниями, которые либо носили, либо развешивали в качестве амулетов, либо смешивали с водой для питья. Никакая постройка не могла считаться надежной без надписи на плитках или на скульптуре: «Йа, Аллах. Йа, Хафиз» («О, Аллах. О, Защитник»). Значительно повышалась эффективность лекарств, подаваемых в кубках и чашах с соответствующими надписями.

Однако самый страшный из всех недугов вызывал дурной глаз, который, как утверждалось, «опустошал дворцы и наполнял могилы». Для защиты от него изобретали различные магические средства. Невозможно переоценить силу дурного глаза и степень его влияния на мысли и слова. Любая собственность, сколь бы она ни была мала и ничтожна, могла привлечь внимание кого-то менее состоятельного, так что никто не мог считать себя защищенным от сглаза. Возникла необходимость скрывать или умять все, что могло подвергнуться сглазу, и использовать все средства, чтобы предотвратить его. Именно по этой причине восхищение прекрасным младенцем или ценной вещью не было принято выражать открыто и восторженно, обычно похвала произносилась осторожно: «Машалла» («Так угодно Аллаху»), подразумевая, что на создание и защиту такого чуда распространяется власть Аллаха.

Будучи редкими в этих регионах, голубые глаза считались особенно опасными, по этой же причине полагали, что френки - общее название европейцев - обладали особой склонностью к сглазу. Лучшим средством против этого был голубой глаз, который как бы возвращал негативный импульс, исходивший из источника сглаза. Вот почему наиболее распространенный из всех амулетов был сделан наподобие голубого стеклянного шара, порой с подрисованным желтым или черным «глазом». Амулеты могли различаться от маленькой голубой стеклянной бусинки, которая прикалывалась к одежде ребенка, до тщательно обработанного драгоценного камня в золотой оправе величиной с куриное яйцо. В продолжение развития формы, если не цвета, использовались шары с резьбой или орнаментом, которые вывешивались в подъезде дома или на наружной стороне стен. Для этого могли использоваться даже ядра вражеских пушек, и они действительно мистическим образом

удваивали силы. Яйца страуса, которые приносили паломники, возвращаясь домой из дальних странствий, были на самом деле эффективны, но какой бы формы ни был оберег, требовалась постоянная бдительность.

Жизнь сопровождалась массой других, менее значительных суеверий, порой весьма докучливых. Как это было повсеместно и во все времена, они были свойственны лишь наиболее легковерным людям, другие же воспринимали их как курьезы, а людьми рассудочными и решительными отвергались как предрассудки туземцев.

Глава 4

ГОРОД

Главным городом считался Стамбул. Когда зимой 1457/58 года султан переместил правительство из Эдирне в новую столицу, Стамбул стал политическим и культурным центром империи, экспансия которой служила росту престижа и расцвету города. Стамбул был средоточием красоты, роскоши и многообразия. Любое назначение в другой город, даже губернатором провинции, воспринималось как нечто вроде ссылки. Высокопоставленные чиновники провинций в государственной или правовой сферах получали профессиональную подготовку в одних и тех же высших административных или религиозных учреждениях Стамбула. Вот почему их образ жизни становился эталоном для всей знати империи. Ему подражали даже представители низших сословий, насколько это позволяли их возможности. Государственные чиновники разного ранга, получившие традиционную подготовку, были пропитаны духом столичной жизни и при новом назначении приносили эти ценности в свою частную и общественную жизнь. Кроме того, центрами власти, богатства и культуры оставались прежние столицы - Бурса и Эдирне. Наиболее знаменитым из 260 портов Османской империи и крупнейшим коммерческим центром Малой Азии был Измир; между тем большие города Анатолии, куда направлялись для обучения государственному управлению сыновья султана, приобретали, как следствие, большой блеск. Стало быть, все города, как бы они ни отличались от Стамбула по величине, богатству и разнообразию, некоторыми особенностями своей жизни напоминали столицу. Города или кварталы с населением, преимущественно христианским, оставались в прежнем состоянии, однако приспособлялись, насколько возможно, к турецкому стилю жизни, предусматривавшему строительство крепостных стен, опоясывающих город, колодцев и каналов, разбивку огородов для выращивания овощей, идущих на продажу, цветников и виноградников.

Стамбул занимал исключительно выгодное стратегическое положение: контролировал проход между Черным и Эгейским морями. Он служил мостом между Европой и Азией. В Черное море впадали воды Дуная, Днестра, Буга, Днепра и Дона, открывая доступ на Балканы и в Восточную Европу, равно как и в Южную Россию. Господство на южном побережье было ключом к контролю над Тигром и Евфратом, а с выходом к Каспийскому морю открывались пути к верховьям Волги, к Амударье и далее в Индию. Эгейское море и за ним Средиземноморье вели в Грецию, Европу и Африку. В городе сходились торговые пути с Востока и Запада: из Брюсселя, Занзибара, Киева, Самарканда - любой населенный пункт, способный чем-то торговать, находился на пути в Стамбул. Возможно, космополитизм и был главной отличительной чертой города, помимо его политического и административного значения как центра власти по отношению к другим городам империи. Кроме иноземных торговцев, ремесленников и путешественников, которых влекли в город его богатство, слава и возможности, там проживали христиане и евреи, оставшиеся со времен существования Византии либо переселившиеся туда во время миграций. Вдобавок здесь проживали зарубежные послы со своим дипломатическим корпусом. Пригород Галата,

располагавшийся на восточном берегу бухты Золотой Рог, был населен главным образом европейцами; большинство жителей этого пригорода, а также и Пера, составляли венецианцы, французы, англичане и генуэзцы, которые селились там как купцы или как представители других профессий, особенно ценились хирурги из Франции. В 1477 году, почти через четверть века после падения Византии, население Стамбула исчислялось 60-70 тысячами человек, три пятых которого составляли турки.

В нижеследующем списке того времени приведено число семей разных национальностей, из расчета, что каждая из них состоит из 4-5 человек: турецких - 9753, греческих - 3743, еврейских - 1647, армянских - 818, крымских христиан - 267, цыган-мусульман - 31.

Кроме того, имелось 3667 торговых лавок, в них, согласно обычаям того времени, никто не проживал постоянно. Через сто лет общее население города выросло до 500 тысяч, 58 процентов которого составляли мусульмане и 42 процента - неверные, то есть христиане и евреи.

Средоточием жизни Стамбула являлся дворец султана - сераль, - хотя он и располагался поодаль от города. За его стенами были правительственные учреждения, суд и апартаменты семьи султана. Внутреннее пространство дворцового комплекса делилось на несколько отдельных секций с воротами и стражей при каждой. В секции помещалось несколько павильонов и одно-двухэтажных зданий с двориками и садами. Весь дворцовый комплекс занимал огромное пространство и был огорожен высокой стеной.

У входа во дворец располагался двор янычар, через который проходили тысячи людей разного звания на заседания дивана или для встречи с султаном. Там проходили также вереницы верблюдов с грузами оружия и продовольствия для дворцовых нужд, а также с ценностями - налогами, собранными чиновниками для султанской сокровищницы. Во дворе росло громадное дерево, под кроной которого стояли два небольших столба, предназначенные для казни приговоренных к смерти через отсечение головы. Как устрашающее напоминание о судьбе всех врагов султана их трупы выставляли на обозрение, иногда в знак особых провинностей голова жертвы помещалась между ее ног.

Двор вел в огороженное место, где помещались официальные учреждения и кабинеты. Там заседали государственные советники, султанский диван, который собирался ежедневно с субботы до вторника. Когда султан направлялся на заседание дивана, по обе стороны на протяжении его пути стояли люди, громко окликая монарха и потрясая над головой своими прошениями. Время от времени султан останавливался и давал знак сопровождавшему его дворецкому, который принимал аккуратно сложенный лист бумаги у счастливец и опускал его в свою шелковую сумку. Позднее прошение рассматривали и по нему выносили решение. В этом месте помещалась также Площадь собраний, где под широким навесом галереи стоял трон для государственных церемоний, таких, как восшествие на престол, официальное приветствие по случаю религиозного праздника, или происходила подача прошений и жалоб. Галерея подчеркивала роль городских собраний на площади, перед шатром султана, во время войны и давала возможность увидеть монаршую особу, хотя позднее подданные редко видели султана, исключая дни, когда проводились большие общегосударственные мероприятия.

Между внешним и внутренним дворами помещались двойные средние ворота, в небольшом пространстве между которыми совершались казни тех, кого приговаривали к смерти путем удушения или удара кинжала. Тайный ход вел от этого места в помещение дивана, так что повеления о казни могли доставляться очень быстро, и четверо безгласных палачей стояли в проемах ворот, чтобы привести в исполнение приговор суда.

В дворцовом комплексе располагались мечети и школы, больницы, библиотеки, казармы, бани и фонтаны, охотничьи вольеры и спортивные площадки, кухни, сады. Все это было необходимо для поддержания соответствующего уровня жизни монарха, называемого «Властителем века». Общественные и частные здания в соответствии с традициями османской архитектуры снаружи выглядели простыми и строгими, богатство декора прибегалось для внутренней отделки помещений. Легкие просторные летние павильоны, куда

перемещался двор в жаркую погоду, были приподняты над землей и доступны для освежающего ветра с моря, оттуда открывались великолепные виды на море и побережье Босфора. Интерьеры султанских комнат представляли собой шедевры декоративного искусства, но рядом с этой красотой и роскошью помещались ремесленные мастерские и конюшни, кухня, угольный склад и арсенал. Фактически в серале осуществлялись бесчисленные виды работ, что делало его городом в городе. Неудивительно, что в дворцовой кухне трудилась тысяча поваров и помощников, которые готовили пищу 5-10 тысячам человек ежедневно. Они потребляли в год 30 тысяч кур, 22 500 овец и баранов, рассолы, сладости и шербеты потреблялись в количествах, которые казались современникам непомерными.

Наиболее интимным помещением дворца, наглухо отгороженным от других, был гарем, в котором жили в уединении наложницы султана. Единственный вход в гарем был через две двери, железную и медную. Каждый вечер главный евнух получал ключи от стражников, которым возвращал их, когда те заступали на вахту утром. Помимо султана и евнухов, позволялось изредка посещать гарем «самым ближайшим» родственникам наложниц, таким, как отец или брат, и то под строгим наблюдением. Это был довольно замкнутый мир, тщательно охраняемый отрядом балтаджи - алебардчиков, функции которого выходили далеко за пределы официальных обязанностей. Одним из подразделений командовал главный евнух, другое - возглавляемое командиром - славилось своим усердием и отличалось своеобразными головными уборами с длинными кисточками, служившими шорами. Казармы отряда, существовавшие по принципу самообеспечения - со спальнями, общими комнатами, арсеналом, камерой хранения личных вещей, мечетью и баней, - располагались недалеко от стен гарема. За пределами этих помещений, куда входили через Врата счастья, никто не мог без соизволения султана, считавшегося почти божеством, вымолвить слово или посмотреть на него. Наиболее влиятельными женщинами в гареме были мать султана и четыре главные наложницы, поскольку немногие султаны официально регистрировали брак. Все они располагали отдельными апартаментами, своими слугами и редко виделись друг с другом. В гареме обитали четыре категории рабов: те, кто обслуживали самого султана, те, кто обслуживали женщин гарема, те, кто недавно поступили на службу и готовились подняться после обучения до двух вышеупомянутых категорий, и, наконец, те, кто выполняли самую черную работу. Кроме того, в гареме служили смотрительницы, ответственные за дисциплину и финансы, а также охранники-евнухи, через которых женщины поддерживали связь с внешним миром. Большинство наложниц являлись иноземными рабынями, которых купили в возрасте 10-11 лет для службы во дворце, или же они прибыли туда вполне обученными в качестве дара от богатых чиновников или губернаторов. Многие из них постепенно получали свободу и затем готовились выйти замуж и в самом деле считались желанными невестами, поскольку, помимо своей изысканности, шарма и красоты, за которую их и выбрали для дворцовой службы, они обладали связями с двором и благодаря этому возможностями влияния.

Рабов-евнухов либо покупали, либо доставляли в качестве дара султану от губернаторов Египта и других провинций. Рабов кастрировали в Судане египетские христиане во время ежегодных переходов караванов из Дарфура в Сеннар, поскольку закон запрещал мусульманам заниматься этим. Их обучали и воспитывали так же, как и дворцовых пажей, и до поступления на службу они жили вне гарема. На службе рабы-евнухи могли делать карьеру, проходя четыре ступени. Самые высокопоставленные из евнухов приобретали большую власть и престиж, главный евнух постепенно становился одним из основных должностных лиц империи. В апартаментах основной секции дворца служили также немало евнухов, которые вместе с пажами, готовившимися к государственной службе, подносили кофе, раскуривали трубки, хранили тюрбаны, выполняли функции парикмахеров и музыкантов. Это были представители внутренней службы дворца, которая включала весь обслуживающий персонал султанских покоев и всех жилых зданий.

Внешняя служба дворца не занималась исключительно дворцовыми делами, поскольку состояла из чиновников, напрямую связанных с армией и государственными службами.

Именно благодаря этой службе рабы приобретали высокий статус. Такие традиционные титулы, как главный носитель штандарта, главный смотритель конюшен, главный сокольничий и начальник службы водоснабжения, носили люди, занимавшие весьма почетные посты. Например, главный садовник был в некотором отношении наиболее влиятельным должностным лицом во дворце, поскольку под его началом было 2000 человек, из которых садоводством занимались немногие. В его распоряжении были сторожа, стража у ворот и на различных площадках, его люди патрулировали небольшие порты вокруг залива Золотой Рог и на Босфоре, он командовал почетным караулом султана, повелевал официантами, конюхами и барочниками. Он отвечал за доставку и приготовление к султанскому столу мяса животных и птиц, уборку мусора и отходов из дворцового комплекса, за дисциплинированность сказителей, акробатов и прочих людей, развлекавших обитателей дворца. Именно под его руководством проводились допросы и казни провинившихся придворных.

Помимо алебардчиков гарема за безопасность дворца отвечали четыре отряда лучников, набравшихся из янычар, блестящая личная гвардия султана, воины, служившие посыльными, охранниками и солдатами эскорта, а также гвардия знати.

Город за пределами дворца состоял из определенного числа кварталов - махалля, обычно окружавших мечеть, а также церковь или синагогу, - если эти кварталы были заселены преимущественно немусульманскими жителями. В каждом квартале имелись торговые лавки, баня и открытый рынок. Названия некоторых махалля отражали главную достопримечательность квартала. Так, название Кагитхане происходило от бумажной фабрики, бравшей из источника воду, которая прославилась способностью отмывать вещи без применения мыла. Купцы, привозившие по пыльным дорогам тюки дорогих шалей из Индии, погружали их в источник. Вода не только отлично очищала их от пыли, но и восстанавливала цвет. Название Тупхане происходило от мастерской по литью пушек. Одна из них выстрелом ежедневно оповещала о восходе и заходе солнца, о рождении ребенка у султана или о смерти казненного - важного государственного преступника, об отъезде султана из города или его возвращении, о начале и окончании Рамадана и других священных дней, о военных победах или прибытии в период войны ужасных грузов - отрезанных ушей и носов, которые складывали у ворот сераля. Другие кварталы носили названия, взятые от дня работы рынка на главной улице, например, Салипазари - рынок во вторник, или же от наименования анатолийских и балканских населенных пунктов, откуда родом были жители квартала, например, Йенимахалля, обитатели которого происходили из Йенишехира. Большинство махалля отличались вполне определенной репутацией. Например, грозные дубильщики Стамбула, которые принадлежали к одному из старейших и влиятельных цехов, поселились после завоевания Византии в Йеди-Кале, Семи башнях, и захватили там карантинный лагерь. Там путников, проходивших через районы эпидемий, изолировали на семь дней, прежде чем им разрешалось войти в Стамбул. Дубильщики превратили лагерь в ряды лавок, своих и мясников, - коллективное предприятие. Вскоре это место стало густонаселенным, неряшливым и шумным пригородом холостяков, потому что в нем из-за неприятного запаха не смели показываться сколько-нибудь респектабельные женщины. Стражники редко искали в этом квартале воров и убийц, скрывавшихся от закона, - сами дубильщики ловили преступников и заставляли их собирать собачьи экскременты - необходимый компонент технологии дубления. Поскольку всем дубильщикам в период обучения ремеслу приходилось этим заниматься, их затея, хотя и непривлекательная, не была лишена смысла: в ряде случаев преступники совершенствовались в ремесле и становились в этом жестоком, неуправляемом сообществе подлинными мастерами дубления. Во время войны дубильщики были обязаны поставлять 5 тысяч стойких воинов, а в мирное время сумели заслужить репутацию самых преданных султану людей, с которыми побаивались встречаться в бою даже янычары.

С другой стороны, богатый квартал Эюб, у вершины бухты Золотой Рог, славился своей красотой и спокойствием. Там находилась самая важная святыня мусульман в Европе - за-

хоронение одного из сподвижников пророка Мухаммеда, Эюб аль-Ансари, павшего там в битве с неверными. Вокруг его гробницы с прекрасным куполом, объекта паломничества, вырос комплекс мечетей и медресе, бань и богаделен, караван-сараев и базаров. Все постройки выполнены в благородном и привлекательном стиле традиционной османской архитектуры. Вокруг гнездились на куполах и свободно расхаживали аисты, а у подножия холмов, среди кипарисов, были гробницы тех, кто с приходом последнего часа выбрал место захоронения рядом с гробницей святого воина. В квартале Терсане (судоверфь) содержались султанские барки и их экипажи, а вокруг них располагалась стража: в Касимпаша размещались арсенал и тюрьмы - мрачное соседство для жителей района. В цыганском квартале Балатмахалля проживали потомки цыган, переселившихся из Балата, они по традиции занимались изготовлением плетеных корзин, предсказаниями судьбы и коневодством. В Кагитхане на лугах с сочной травой пасли султанских коней, а возле находившейся здесь знаменитой протоки жители города любили устраивать пикники. На азиатском берегу Босфора располагался Ускюдар, через который проходили все путники из Анатолии, Аравии, Персии и Индии, перед тем как перебраться на другой берег в центр города. Этот район славился одиннадцатью своими гостиницами. В одной из них, построенной Михримах, дочерью Сулеймана Великолепного, путник мог отдохнуть и обдумать свои дела. Во время трехдневного пребывания он получал свободные апартаменты, двухразовое питание, свечу на ночь, фураж для своей лошади или мула. В Ускюдаре же от других путников отделяли прокаженных и помещали в общий номер гостиницы за городом.

Узкие, немощеные переулки, взбегавшие вверх и сходявшие вниз по склонам холмов, на которых стоял город, превращавшиеся в грязное месиво зимой и пыльные летом, с кучами мусора и лужами помоев, тянулись к основным мощеным улицам, содержавшимся городской службой в чистоте. Вдоль них располагались здания важных учреждений. Некоторые улицы не имели названий, но распознавались по каким-нибудь значительным объектам поблизости или по знаменательным событиям прошлого, хорошо известным всем, живущим в этом городе, а пришлому приходилось искать улицу, расспрашивая о ней местных жителей.

Наиболее заметной в каждом районе была мечеть с комплексом зданий, обычно выстроенных вокруг нее. Их обеспечение, строительство и содержание финансировалось типично мусульманским способом, принятым во всем исламском мире. Поскольку пожертвование - одна из важнейших добродетелей мусульманина, все строительство, можно сказать, осуществлялось за счет доходов частных благотворительных фондов, называемых вакфами. Эти фонды пополнялись посредством прямого дарения людьми либо при жизни, либо после их смерти по завещанию земли, торговых заведений или другой недвижимости, приносящей постоянный доход. Деньги и драгоценности не принимались, поскольку считались несовместимыми с характерной особенностью вакфа как фонда наследования. Состоявшийся акт дарения считался окончательным, дальнейшая смена владельцев собственности не допускалась, хотя бывали случаи отступления от этого принципа, когда ремонт или реконструкция дарованного здания требовала больших средств. Тогда с разрешения кадия сдавались в постоянный наем вакуфные земли в обмен на обязательство арендатора платить авансом ренту. Если арендатор умирал, то при отсутствии наследников его имущество поступало в распоряжение вакфа.

Доходы фонда тратились на конкретные цели в соответствии с пожеланиями спонсоров. Купец, например, захотел построить в своем квартале фонтан с питьевой водой - тогда он завещал вакфу плодоносный виноградник, и с доходов от него строили фонтан, мраморную облицовку которого чистили, видимо, раз в год, а сам фонтан по необходимости ремонтировали. Спонсор имел право назначить опекуна - члена своей семьи или кого-либо еще, чтобы быть уверенным в использовании его дара согласно оговоренным условиям. Он мог поручить фонду назначить для этого своего администратора. Легко представить себе, что дар султана на строительство и содержание соборных мечетей требовал огромных средств фонда. Хуррам Султан - супруга Сулеймана Великолепного - выделила на

создание общественной кухни озеро и все земли вокруг города Тиберия, включая заводы для рыбы и минеральные источники с целебными свойствами.

Денежными доходами вакфов заведовало специальное ведомство, независимое от султанского казначейства и возглавлявшееся главным евнухом. Ведомство назначало своего уполномоченного в каждый вакф - по желанию спонсора, члена его семьи, который нес ответственность за сбор доходов, а также смотрителя, обычно государственного чиновника или религиозного авторитетного человека, который следил за тем, чтобы соблюдались условия функционирования фонда. Например, в вакуфной больнице возникала необходимость в кадрах соответствующей квалификации - и ведомство назначало их в нужном количестве, от главного врача до уборщиков, последним приходилось не только убирать помещения, но и смывать со стен больницы озорные надписи. Ведомство устанавливало размер жалования каждому сотруднику, вплоть до служащего, следившего за освещением, и уборщика туалетов. Порой, однако, назначение было просто синекурой, и, если пожертвование было щедрым, сами уполномоченные чрезвычайно обогащались.

Цели, на которые шли деньги вакфов, можно перечислять бесконечно. Ведь они требовались не только для содержания мечетей и медресе, библиотек и школ, бань и больниц, гостиниц, общественных столовых и прачечных, мостов и фонтанов. Кроме того, требовались средства на приданое для девушек-сирот, оплату долгов заключенных, захоронение покойников из бедных семей, приобретение одежды для стариков, риса для птиц, на весенний отдых детей, помощь солдатам и их семьям, сооружение и содержание крепостей и кораблей, защищавших владения ислама. Если объект, ради которого был образован вакф, прекращал свое существование из-за пожара, землетрясения, необходимости перестройки квартала или по любой другой обоснованной причине, ведомство использовало доходы упомянутого вакфа на другие благотворительные цели. Неверным также разрешалось основывать вакфы, если их деятельность не противоречила принципам ислама. Так, они имели право опекать сиротские учреждения, но не церкви. Хотя вакф должен был иметь объект благотворительности, его функции могли быть распространены на формирование семейного фонда, в котором оставались средства после всех трат на объект благотворительности, для нужд потомков спонсора. Фактически это служило средством уклонения от налогов как компенсация за пожертвование в интересах общества.

Естественно, размеры мечетей, строившихся в городах в большом количестве, зависели от средств фондов, которые их курировали. Небольшая мечеть квартала обычно была устроена просто: тростниковые циновки на полу, скромные украшения, имам, выполняющий одновременно функции муэдзина. Между тем тринадцать больших соборных мечетей были архитектурными шедеврами империи, и особенно лучшая в Стамбуле мечеть, построенная по повелению Сулеймана Великолепного великим архитектором Синаном. Поблизости от таких монументальных сооружений из камня были расположены государственные учреждения и невысокие постройки, над которыми возвышалась величественная соборная мечеть. Достаточно было взглянуть на купола, увенчанные золотой символикой, и парящие в небе минареты, чтобы составить представление об искусности мастеров, о сложности такого сооружения. Оказавшись во внутреннем дворе мечети, проникаешься спокойствием и величием обстановки, хотя очень часто там толпилась масса людей, а порой даже раскидывали лагерь солдаты. Там находились небольшие палатки, где продавали четки и другие предметы религиозного культа, а также киоски с товарами мелких торговцев. В уголке на низкую скамейку садился уличный писарь с чернильницей из ярко начищенной меди и ручкой. Он умел не только грамотно написать письмо, но и составлять контракты и прошения; он в первую очередь и считался составителем прошений.

У стены стоял нищий, предлагая купить у него какой-нибудь пустяк: лимон, свечу или несколько гвоздей, что, как правило, не вызывало интереса у раздающих милостыню. Отчаянно нуждающихся было немного - ведь существовало множество благотворительных организаций, опекающих бедняков. Да и турецкие традиции гостеприимства, равно как и общественные кухни, исключали наличие голодающих. Кроме того, всегда можно было

найти какую-нибудь работу, а общество не могло не обеспечить даже прирожденного попрошайку.

Перед молитвой происходило степенное движение вокруг большого камня или фонтана из мрамора, под широкой крышей, с карнизом и железной решеткой с орнаментом.

Вдоль фасада мечети тянулась длинная, уходящая вглубь галерея из колонн и арок, а иногда огороженная каменными плитами светлого и темного тонов или из цветного мрамора, искусно уложенными вперемежку. Внутри галереи люди встречались друг с другом, разговаривали и отдыхали в тени. Дверь мечети имела монументальный вид, она была облицована панелями с искусно вырезанным геометрическим орнаментом, а иногда с инкрустацией перламутром. Дверь всегда была закрыта. В одной из панелей вырезали вход более скромного размера, который часто перекрывали занавесом из кожи, свешивавшимся с перемычки. С одной стороны от дверного прохода или непосредственно внутри мечети стояла каменная колонна высотой 6-8 футов, которая свободно проворачивалась в специальном углублении. Иногда какое-нибудь слабое землетрясение могло сместить колонну с оси, в этом случае все сооружение внимательно осматривали с целью обнаружения трещин или выхода из строя крепежного устройства.

Интерьер мечети, как, впрочем, и всех построек Османской эпохи, выглядел гораздо красивее, чем внешний вид здания. Огромное впечатление производили простор и царящее в ней спокойствие, большие купола мечети как бы парили вверх. Небольшие купола по боковым сторонам помещения покоились на каменных опорах. От созерцания удивительного сочетания колонн и столбиков, полукуполов, арок и ниш мы переключаемся на детали. Стены украшали кафельными плитками, переливающимися разными оттенками голубого и зеленого цветов, резко контрастировал с ними темно-красный цвет необыкновенной глубины. Иногда плитки укладывали рядом, чтобы воспроизвести на стене каллиграфическую надпись, сделать орнамент из тюльпанов, гвоздик или цветущих ветвей фруктовых деревьев. Наверху на стенах находились лепные гипсовые стрельчатые окна, украшенные типично турецким орнаментом. Крохотные кусочки цветного стекла глубоко погружали в лепные узоры под такими углами, что цвета можно было различить, лишь заняв определенную позицию у окна. С очень близкого расстояния или слишком далекого это выглядело как каменная панель с причудливым узором. Нижний ряд больших светлых окон с резными деревянными ставнями располагался почти на уровне пола. В их глубоких нишах, скрестив ноги, сидели перед своими подставками для Корана студенты-богословы, произнося нараспев слова, которые выучили наизусть.

Высоко под куполом, в центре, висела длинная цепь, к которой крепился огромный железный обруч, почти равный окружности купола. На обруч подвешивались масляные лампы, освещавшие мечеть по ночам, а иногда и страусовые яйца, принесенные паломниками, или небольшие связки сухих стеблей - первый или последний пучок жатвы. Лампы висели на высоте приблизительно 8 футов от земли и создавали полное впечатление потолка, поскольку ничто не проникало в великолепные полые своды, разве только случайно залетал голубь. Пол мечети укрывался ковриками и коврами, подаренными состоятельными верующими или группами лиц, объединившихся, чтобы сделать подарок мечети в святой день или по случаю памятной даты. В мечети не было никакой мебели, чтобы помещение казалось просторнее. Рядом с михрабом, указывавшим направление Мекки, располагался минбар, узкая лестница которого вела к небольшой кафедре под крышей конической формы, богато декорированная изразцами или инкрустацией. С кафедры произносилась проповедь. Стенки, скрывавшие лестницу, были либо деревянными с резными узорами, либо мраморными. Ниша и минбар были действительно выдающимися произведениями декоративного искусства, что определялось их ролью в богослужении. В самых больших мечетях имелась также платформа на столбиках, где сидели муэдзины, руководившие певческими хорами в святые дни. В задней части главного помещения или сбоку ставилась плетеная деревянная решетка, которая полностью скрывала молящихся женщин, на верхней же галерее помещалась богато украшенная султанская ложа, тоже отчасти закрытая. В ней на-

ходил монарх со свитой во время участия в пятничной молитве. Служители каждой мечети назначались и оплачивались уполномоченными вакфов, финансирующих мечети, это не относилось к проповедникам соборных мечетей, которые назначались шейх-уль-исламом.

Немусульманам не разрешалось посещение мечетей, за исключением тех случаев, когда они были переодеты мусульманами и находились на богослужении с молчаливого согласия мусульманских семей. Такая ситуация возникала, когда, например, дипломат желал ознакомиться с интерьером мечети и заслуживал доверие своим знанием мусульманских обычаев. Но присутствовать на молитве не разрешали до тех пор, пока человек не продемонстрировал умение совершать все ракяты - положения тела при молитве.

Вокруг огороженной территории мечети располагался ряд учреждений, иногда в строгом геометрическом порядке, предусмотренном планом городского архитектора, но часто и без всякого порядка. В основном это были медресе, центры религиозного образования. В архитектурном плане они представляли собой ряды купольных зданий. Они декорировались цветными кафельными плитками, глазурованными кирпичами, мрамором, украшались колоннадами, стрельчатыми входными арками, что придавало им изящный и достойный вид. Когда вокруг мечети выстраивали несколько таких медресе, они напоминали небольшой университетский городок. Студентам предоставляли бесплатный пансион и ежемесячную стипендию, в их кельях были стенные шкафы и печки - все это вместе с комнатами для занятий, учительской, часовой, библиотекой и санузлами размещалось в одно или двухэтажном строении. В кухне нужды не было, поскольку учителя и студенты питались в пристройке к мечети - общественной кухне. Сюда ежедневно приходили бедняки квартала, чтобы наполнить едой свои кастрюли и унести пищу домой, в свои семьи, ее хватало на обед, оставалось и на ужин. Медресе, где изучали курс медицины, соседствовали с больницами и часто с психбольницами. Высшее медицинское училище, основанное султаном Баязетом II (1481-1512) во второй столице Эдирне, включало психбольницу с отдельными комнатами для каждого пациента и просторный шестиугольный общий зал с прекрасной акустикой, посреди которого располагался фонтан под открытым куполом, - звук льющейся воды оказывал на больных психотерапевтический эффект. В конце зала была сооружена платформа, где сидели и играли музыканты, чтобы оказать благоприятное психологическое воздействие на меланхолических пациентов. Для неверных в большинстве городов существовали отдельные больницы, укомплектованные искусными, хорошо обученными врачами. Как правило, больничное меню отличалось разнообразием. Если больничная столовая готовила еды недостаточно, то ее доставляли из общественных кухонь.

Вблизи мечетей находились также библиотеки, на полках которых хранились лежащие плашмя книги в переплетах, а в сундуках - связки не сшитых листов рукописей. Названия книг надписывались на обложке, но не на корешках переплета, текст писали тростниковым пером на глянцевой бумаге, а не на пергаменте. Иногда книгу «одевали» в суперобложку, иногда вся книга помещалась в защитную обертку. Пол библиотеки был покрыт циновками, на которых, скрестив ноги, сидели посетители, погруженные в чтение, и только в дневное время, поскольку во избежание пожара запрещалось зажигать свечи и курить.

Одним из излюбленных времяпрепровождений считались общественные бани, которые по своему устройству напоминали простейшую мечеть. Над ней возвышался центральный большой купол в окружении нескольких малых. Некоторые из крупных бань, особенно те из них, которые строились на целебных источниках, имели женские и мужские отделения. Правда, женщины допускались лишь в определенные дни недели. Тогда на двери вывешивалось полотно, предупреждавшее мужчин о необходимости держаться подальше. Другие бани строились исключительно для людей одного пола. В бане имелась раздевалка, большие и богатые бани предусматривали также отдельные комнаты, а порой мраморный пол и декоративный фонтан. Всегда присутствовал служащий, занимавшийся приготовлением кофе. Он следил за жаровней, ошестинившейся рукоятками медных кофейников. Далее, в

больших банях имелись теплые помещения со скамейками для отдыха и массажа, но всегда была предусмотрена парилка, зал под центральным куполом с нишами в стенах и небольшими мраморными бассейнами, наполнявшимися горячей и холодной водой, которую черпали из бассейна небольшой медной чашей и плескали на купающегося. Угловые ниши частично завешивали кожаными занавесками с целью уединения. В куполах наверху проделывали отверстия размером с блюдце для выхода пара. Если, как в Бурсе, бани не снабжались водой из естественных теплых источников, то вода поступала из подземной цистерны посредством водозаборного колеса, вращавшегося быками, и подогревалась способом, известным еще византийцам, - печами под баками с водой или жаровыми трубами, скрытыми под кафельными плитками стен. Когда раз в месяц 20 дворцовых пажей и 10 помощников брили в большой бане, построенной Селимом II (1566-1574), всех ага - глав дворцовых служб, - огонь в печах поддерживали гребцы галер, отряженные по этому случаю флотским начальством. Некоторые из этих больших бань имели великолепный вид; при них были конюшни, продовольственные лавки и кофейни, палатки, торговавшие прохладительными напитками, шлепанцами и полотенцами. Все бани, содержащиеся за счет вакфов, были бесплатными, и, хотя обычно служащим давали чаевые, это было обязательно. Поскольку бани считались важными центрами общения, регулярно посещавшимися жителями квартала, посетители всегда старались оставить мелочь ради поддержания добрых отношений с обслуживающим персоналом.

Определенные махалля представляли собой главным образом деловые кварталы, в них преобладали крытые рынки, центры торговли и коммерции и ханы - постоянные дворы, которые использовались в нескольких целях: они служили гостиницами, центрами оптовых сделок и складами. Ночлег странствующим купцам они предоставляли либо в общих залах, либо в отдельных номерах. Самые крупные из них, обычно двух-трехэтажные здания из кирпича или камня со скошенными оцинкованными крышами, обычно образовывали узкие переулки по обеим сторонам главной улицы, превращая ее в основной центр сделок. За каждым массивным парадным входом помещались комнаты для привратника и хозяина гостиницы; вокруг дворика, куда войти можно было тоже из парадного, располагались сводчатые камеры хранения для багажа посетителей и фуража для животных, конюшни и кузни, кофейная лавка. На верхних этажах обычно были размещены спальни, умывальни и туалеты. В некоторых ханах хранилища купеческих товаров использовались как магазины, в других - комнаты служили чем-то вроде фабрик, в которых доводились до товарного вида полуфабрикаты, особенно там, где надежность здания позволяла хранить по ночам такие ценные товары, как серебро и меха. Многие постоянные дворы строились для того, чтобы поддерживать своими доходами мечети, поскольку в дополнение к плате за пансион купцы оплачивали любую другую услугу, а также платили небольшой налог за прием и отпуск своих товаров.

Рынки делились на три вида: бедестан, чарши и базар. Бедестан и чарши представляли собой крытые одноэтажные постройки с потолками в форме небольших куполов, опирающихся на столбы. Они всегда строились рядом с мечетью и, подобно ханам, предназначались для пополнения доходов вакфа, который финансировали. Бедестаны первоначально служили для хранения и продажи шелков, а также других ценных тканей, затем в них стали скапливаться ювелирные изделия, золото, драгоценные камни. Поскольку банков не существовало, многие богатые люди хранили свои сокровища в кованых сундуках и оставляли их на хранение под присмотром служащих или стражников бедестанов. За это они платили некоторую сумму вакфу. Вокруг бедестанов располагались чарши, крытые ряды лавок и палаток, в которых предлагался на продажу широкий и разнообразный набор мануфактурных товаров. Постройки были простыми и прочными, обычно из камня и кирпича, с небольшими окнами в крыше или стенах, через которые проникал свет. Пользование открытым огнем запрещалось. На рынках было прохладно летом и тепло зимой. Каждый торговый ряд предназначался для продажи какого-нибудь конкретного вида товаров. Например, в платочном ряду предлагались на продажу все виды изделий с вышивкой: кисеты

для табака, пояса, кафтаны, покрывала для стеганых одеял и обогревания ног, наволочки и полотенца с искусным орнаментом. Там продавались также домотканые изделия из Дамаска, Алеппо и Бурсы, в которые заворачивались купальщики в банях или которые использовали на фартуки бакалейщики, парикмахеры и держатели кофейни. Были и ряды ковровщиков, медников, ювелиров, расплющивавших металлические бруски в пластины, которые становились не толще бумаги для переплета книг, а также ряды волочильщиков проволоки, изготовлявших отделочный материал из чистого золота и серебра для ножен, седел, праздничной одежды, сидя на земле и наматывая тончайшую нить из этих металлов на большой палец ноги. Встречались ряды седельщиков, аптекарей, сапожников - перечень можно продолжать бесконечно. Торговые лавки занимали мало места, некоторые из них были не более 3-4 футов в ширину и высоту. Хозяева не обозначали на них своего имени, не украшали их, не рекламировали качество своего товара, не зазывали покупателя - ведь люди приходили на чарши за конкретными товарами. Поэтому и сделки здесь заключали с меньшим стремлением поторговаться, чем на открытых уличных рынках. Владелец лавки сидел на деревянной или каменной скамье перед торговым рядом, а покупатель подходил к нему и начинал неспешный разговор о товарах, которые намерен купить.

Работать начинали очень рано, вскоре после ранней молитвы, а примерно в 11 часов утра торговцы легко завтракали либо едой, принесенной из дома, либо посылая за ней в соседнюю лавку. Все бедестаны и некоторые чарши закрывались в полдень, некоторые оставались открытыми до послеполуденной молитвы. Сигнал к закрытию всегда подавал смотритель у ворот, ударяя ключами по железным воротам, напоминая верующим о молитве и предупреждая купцов, покупателей и праздных посетителей, толкавшихся в торговых рядах, о необходимости удалиться. Затем хозяева лавок опускали двери, которые крепились на петлях сверху, и закрывали свои торговые палатки; на товары, оставшиеся перед дверью, они набрасывали какую-нибудь дерюгу или старый ковер и уходили, поскольку на ночлег здесь ни один торговец не оставался. Затем ворота рынка надежно запирались, а примыкавшие к нему улицы и переулки всю ночь патрулировались рыночными стражниками.

На торговых улицах, крупных рынках находились фонтаны, баки с водой и насосы на случай возникновения пожара. Большой рынок Чарши Мыср, первоначально построенный из дерева, пережил несколько пожаров, пока не сгорел полностью в 1609 году. Затем его вновь отстроили уже из камня в виде красивого комплекса зданий под просторными сводами. После этого на рынок вернулись торговцы мастикой и сурьмой, кореньями, семенами, краской, хной, сандаловым деревом и камедью. В помещениях за воротами заседал коммерческий суд. Группа судей, помимо выполнения других функций, следила за тем, чтобы никто не пытался монополизировать торговлю каким-нибудь товаром. Они же устанавливали верхнюю границу цен. Бююк Чарши, Большой рынок Стамбула, занимал огромную площадь и был окружен стеной с 18 воротами. В нем помещалось 67 крупных торговых рядов, каждый из которых носил название соответствующего ремесленного цеха. Там имелись десятки малых боковых торговых рядов, 3-4 тысячи лавок, мечети, склады, мастерские, торговые школы и различные вспомогательные службы. В двух его бедестанах сосредоточивались огромные богатства, их охраняла собственная стража и обслуживали специальные бригады курьеров и носильщиков. К Бююк Чарши примыкали книжный, блошинный и открытый продовольственный рынок. В целом это было невиданное в мире скопление различных товаров.

Базары, или открытые уличные рынки, были главным образом продовольственными. Под навесами, тянувшимися вдоль улиц, ежедневно происходили шумные столпотворения. Обычно они продолжались с восхода до заката, хотя некоторые палатки закрывались к послеполуденной молитве и в полдень по пятницам. Некоторые рынки выделялись разнообразием, качеством и ассортиментом товаров в какой-то определенный день недели, и именно эти рынки давали название тому району города, где они располагались.

Рынок рабов Стамбула близ Обгоревшей колонны находился под пристальным наблюдением. Рабы-мужчины содержались в чистоте, и обращались с ними гуманно. Из женщин только темнокожие рабыни продавались для черных работ, особенно бдительно охранялись привлекательные белые рабыни. Многие из них были черкешенками и грузинками, доставляли женщин и из Южной России, где тяжелые условия крестьянской жизни позволяли надеяться на более сносное существование в гареме богатого семейства. Белых рабынь привозили в хорошем физическом состоянии на чистых лодках, размещали на постоянных дворах в столице, где они, получая хороший уход, готовились к новой жизни. Самые красивые рабыни отбирались главой черных евнухов для сераля, остальные же шли на продажу.

Закон, регулировавший рабство, предусматривал пять категорий рабов. В первую входили пожизненные рабы - мужчины и женщины. Вторую категорию составляли рабы, чье освобождение от неволи зависело от обстоятельств. Если возможность освобождения зависела от каких-либо событий в жизни хозяев, например вступления в брак его дочери, благополучного возвращения из паломничества, смерти хозяина, тогда это условие заверялось кадием и не могло быть отменено, когда раба продавали, нанимали или отдавали в залог; правда, цена становилась ниже. Рабам третьей категории разрешалось заниматься бизнесом на основе самообеспечения. Им позволялось покупать, продавать и приобретать имущество. Они несли ответственность за свои сделки и долги, но, если умирали бездетными или не оставив завещания, их имущество наследовали хозяева. Если же у таких рабов оставались дети, наследовавшие имущество родителей, то они все равно оставались собственностью хозяев. К четвертой категории относились рабы по контракту; их освобождали за определенную сумму денег или после выполнения определенной задачи. В пятую категорию попадали те семьи, чьи дети были признаны или приняты их владельцами. Хозяин мог убить раба, но даже в худшем случае отделялся минимальным наказанием. Он мог подарить, продать или заставить раба вступить в брак по собственному усмотрению, хотя брачную пару разлучать запрещалось. Менее ценный раб порой представлял меньшее бремя: любые штрафы и компенсации за раба оплачивались хозяином исходя из стоимости этого живого товара или в возмещение отдавали самого раба. Поскольку раб был собственностью, кража раба-ребенка считалась преступлением, в то время как кража ребенка из свободной семьи таковым не считалась.

Все рынки, крытые и открытые, регулярно посещали инспекторы по весам и мерам. Главным инспектором Стамбула был сам великий визирь, который обходил рынки каждую среду в сопровождении главного кадия и аги янычар или самостоятельно в другие два дня, чтобы убедиться в соблюдении правил торговли и покарать за их нарушение. Инспекторы обладали правом назначать строгое наказание всем торговцам, которые, например, использовали фальшивые гири. Два помощника инспектора укладывали провинившегося спиной на землю, в то время как два других поднимали жердями его ноги вверх, подставляя ступни ударам деревянных прутьев толщиной в палец. После такой жестокой порки ноги распухали, несколько дней человек передвигался с трудом, и все узнавали о его проступке.

Дома обитателей города выглядели неодинаково. У великого визиря и других сановников дворцы стояли либо среди садов, либо на берегах Босфора. Подобно сералю, дворцы и дворики с павильонами огораживали высокими стенами, довольно мрачными, лишенными украшений. Массивные ворота охранялись стражниками, которые дремали на каменных скамьях. Глядя на эти ничем не примечательные стены, невозможно было сделать заключение о богатстве или статусе владельца дворца; за стенами же протекала жизнь представителей высшего класса Османской Турции со всей ее роскошью и утонченностью. Большие конаки - городские особняки богатых семей - иногда располагались в садах, а порой выходили окнами на улицу. Самые ранние из них представляли собой легкие строения из дерева и сухой кирпичной кладки. Немногие просуществовали больше века и, после того как рушились, заменялись более основательными зданиями в два-три этажа с фундамента-

ми, а порой и цокольными этажами из камня. Верхние этажи строились выступами над нижними как для того, чтобы увеличить полезную площадь верхнего этажа, так и для того, чтобы защитить нижний от солнечных лучей и дождя. По той же причине карнизы чуть наклонной крыши, покрытой оцинкованными листами или черепицей, выступали над стеной верхнего этажа на 5-6 футов. На фасадах преобладали вытянутые проемы окон, как правило прямоугольных и украшенных каменными арками. Особенность турецкой архитектуры состояла в двойном ряде окон на одном этаже. Окна нижних этажей скрывали интерьер от любопытных взглядов бронзовыми или железными решетками. В окна верхних этажей вставляли витражи овальной или круглой форм. Окна верхних этажей, особенно там, где располагались апартаменты женщин, закрывались плетеными деревянными ставнями, занавески никогда не использовали. Некоторые из крупных конаков состояли из 30-40 комнат. В саду имелись бани и конюшни. Многие семьи в жаркие месяцы переезжали в ярко раскрашенные летние домики - ялы, - которые строились на берегах водоемов.

Ремесленники, лавочники, рабочие и мелкие служащие жили в небольших простых жилищах - эвах, - представлявших собой одноэтажную постройку, высота которой редко превышала 9 футов, обычно деревянную, с перекрытиями крыши, заполнявшимися землей. Из-за ужасных пожаров, опустошавших город, в 1626 году повелели строить дома с минимальным использованием дерева, но, поскольку оно оставалось самым дешевым, удобным в работе и доступным материалом, указание игнорировалось. Такие дома в беспорядке теснились на небольших боковых улицах города и были устроены очень просто; мусор и помои выбрасывали прямо на улицу. Чтобы содержать вход в дом в чистоте, владелец строил перед дверью несколько приподнятую платформу - своеобразный порог, - и на это жаловались слепые, передвигавшиеся ощупью вдоль стен. Такой порог становился также поводом для неприязненных отношений между соседями, поскольку один из них был выше другого.

Была, однако, особенность, общая для всех жилых помещений, от дворца до лачуги, и она заключалась в обязательном отделении помещения для женщин от остального дома. В больших жилых комплексах женщины могли изолироваться в предназначенных для них зданиях, в небольших хижинах перегородкой могла служить занавесь из грубого полотна, подвешенная поперек комнаты. Обычай мусульманской семейной жизни требовал изоляции женщин, и не находилось ни одного дома, как бы он ни был мал, ни одной семьи, сколь бы она ни была снисходительной к отступлениям от религиозных предписаний, которая нарушила бы эту традицию.

Большое значение придавалось обеспечению и распределению воды, - во-первых, потому, что ритуальные омовения составляли неотъемлемую часть религиозных ритуалов ислама, но также из-за роли воды в производственной деятельности и архитектуре. Вода всегда считалась бесценным даром Аллаха, ее собирали и запасали. В могильных плитах делали выемки для сбора дождевой влаги для птиц, даже бродячим собакам выставляли на улицу плошки с водой, и повсюду, где били ключи или протекал ручей, турки устраивали фонтаны, перед которыми обычно ставили мраморные плиты с нанесенными на них стихами из Корана. После взятия Константинополя турки сделали новую систему водоснабжения на базе той, что осталась от Византии, но значительно расширенную. Воду из Белградского загородного леса накапливали, сооружая дамбы, хранили в резервуарах и подавали по трубопроводам, покрытым кафельными плитками, посредством акведуков через ущелья и долины, через подземные каменные туннели с арками к воротам города, Эгри Капы. Отсюда вода через фильтры проходила в водонапорные башни с целью распределения по городу. Основная доля воды, предназначенная для снабжения Стамбула, хранилась в подземных цистернах. Бинбирдирек - цистерна 1001 колонны - занимала площадь 20 тысяч квадратных футов и могла вмещать почти миллион с четвертью кубических футов воды, достаточных для снабжения города в течение 15 дней. Из нее вода поступала в фонтаны мечетей, фонтаны для питья, в бани, системы полива оранжерей и садов, а также, разумеется, в дома, магазины и предприятия города. Богатые дома и главные учреждения бы-

ли подключены к системе водоснабжения трубопроводами, в бедных домах или труднодоступных зданиях устанавливали емкости - иногда резервуары из камня, иногда баки, чуть превосходящие по объему большие глиняные кувшины. Их закапывали в прихожей. Ежедневно водовозы доставляли на ослах полные меха воды из ближайшего водохранилища. Существовали общедоступные крупные водоемы квадратной формы, с большими навесами, мраморными стенками, декоративной оградой с соответствующими надписями. Порой их закрывала обычная стена с рядом кранов. Вода была доступна любому, за небольшую плату ее мог принести сака - водонос. Сака, носившим воду в толстокожих мехах на спинах и доставлявшим ее в дома бедняков, у которых для хранения воды имелись лишь глиняные кувшины, выделяли определенные фонтаны, в отличие от водовозов, ездивших на ослах и мулах. Из-за этого часто возникали конфликты. В 1574 году водовозы направили официальную жалобу султану, в которой утверждали, что они «...служили городу с самого его завоевания и потеряли много лошадей и ослов...». После этого монарх направил кадию Стамбула фирман, предписывающий позаботиться о том, чтобы водоносы не посягали на права водовозов, хотя последние не претендовали на какие-либо новые фонтаны. Естественно, многие из бедняков стали сами носить домой воду в собственных емкостях.

Ведомство по снабжению города водой располагало штатом специалистов. Они наблюдали за состоянием дамб и резервуаров, занимались их профилактикой и ремонтом, а также следили за тем, чтобы никто незаконно не отводил воду из общественных трубопроводов или не злоупотреблял системой водоснабжения города, например путем полива оранжерей и садов в неурочные часы - в период максимального расхода воды. И предметом их особенной гордости было то, что вода не просто использовалась на практические нужды, но свободно текла. Идеальное проведение досуга для турок - отдых рядом с проточной водой или водопадом.

Большие государственные здания мало различались в архитектурном отношении, а скорее размерами, материалом, из которого были построены, и декоративной отделкой. Таким образом, здания даже самого утилитарного назначения выглядели оригинальными, гармоничными и привлекательными на вид. Были государственные предприятия, которые работали в основном на армию и флот. Кроме арсеналов, крупнейшими из которых считались Касимпаша и Топхане, имелись оружейные и пороховые заводы. Были предприятия, изготавливавшие военную форму, хлеб, бисквиты, свечи, обувь и другие изделия, пользовавшиеся спросом у военных. Приготавливалась также буза - напиток, напоминающий пиво. Его варили из ячменя и проса, и армия потребляла его в огромных количествах. Имелись также предприятия, производившие товары для сераля и государственных учреждений. Для содержания и ремонта этих великолепных зданий использовались дерево, свинец, бронза, керамика. Другие предприятия шили одежду для обитателей султанского дворца - от формы для самых простых слуг до богатых кафтанов, отороченных мехом на шелку, которые султан преподносил в качестве своих самых лучших даров. Руководители всех этих предприятий были государственными служащими. Среди ремесленников было много немусульман. Например, для работы на государственном Монетном дворе часто нанимали евреев.

В разных районах города были мавзолеи, в которых помещались гробницы великих людей. Строились эти сооружения из простого камня, что придавало им торжественный вид, окна защищались решетками. Внутри мавзолея находился простой деревянный катафалк с крышкой домиком, затянутой шальями, а порой и кусками ткани с Каабы или гробницы пророка в Медине. В головах помещалась чалма усопшего или чадра, если в гробнице покоилась женщина. Внутренние стены мавзолея покрывали кафельной плиткой либо вязью религиозных стихов, в помещении иногда предусматривалось место для молитвы. Каждое утро хранители перечитывали весь текст Корана и молились за упокой души праведника, отошедшего в иной мир. Верующие часто посещали мавзолеи. У мечетей или в уединенных местах города строились небольшие частные мавзолеи, в которых покоились мужчи-

ны, или женщины, или целые семьи. На отдельных огороженных участках в городе помещались склепы с одной-двумя могилами, где, возможно, покоились святые. Там горели свечи, зажженные их почитателями.

Город постоянно менялся, рушились старые постройки, появлялись новые. «Пока султан строит, он не умирает», - говорили люди. Строительство было характерной особенностью городской жизни, оно велось то в одном, то в другом месте, поскольку богачи, следуя примеру султана и из благочестия или демонстрации богатства, оставляли о себе память в виде полезных и прекрасных зданий, в зависимости от своего достатка. С другой стороны, страшные пожары, бушевавшие в городе, не щадили старые строения. По обеим сторонам бухты находились высокие башни с наблюдателями, которые при появлении первого дыма в Стамбуле били в огромный барабан, закрепленный над ними сверху. Грохот барабана слышали во всем городе, и особенно по ночам, в тишине. Сторож на башне поднимал тревогу и указывал посыльным направление к месту, где бушевал огонь. На ликвидацию пожара направлялись янычары. Домовладельцам вменялось в обязанность иметь в своих домах лестницы и баки с водой. Их предупреждали о том, что не следует паниковать и убежать с места пожара, оставляя весь квартал на милость огня.

Ответственность за поддержание порядка в городе делили между собой несколько властных учреждений. Ага янычар являлся не только армейским военачальником, но также отвечал за безопасность и сохранность собственности во всем Стамбуле, кроме султанского дворца и примыкающего к нему квартала. Поскольку полицейская служба, как таковая, отсутствовала, ее функции выполняли янычары и войска гарнизона. Когда же эти войска участвовали в военном походе, их место занимали новобранцы, проходящие военную подготовку. Зона ответственности делилась на несколько районов, за каждым из которых закреплялись на определенный сезон роты янычар. Из их казарм посылали постоянно сменяемые патрули для дежурства на рынках, улицах и в переулках. Рота янычар выделяла две команды детективов для борьбы с уголовными преступлениями, для поддержания порядка и нравственности. Особенно успешно в раскрытии краж работали детективы-женщины, возможно, потому, что располагали агентурой в воровских кругах. Янычары выделяли также группы секретных агентов, которые бродили по городским улицам и обращали основное внимание на борьбу с азартными играми, нарушениями религиозного долга, особенно со стороны ремесленников, которых избивали и тащили в мечети, если уличали в игнорировании призыва к молитве. Агенты следили и за тем, чтобы дети не шумели возле мечетей в период Рамадана. Солдаты городской охраны - бостанджи - занимались поддержанием порядка на побережье Босфора, Мраморного моря и залива Золотой Рог. Их командир располагал списком всех домов, магазинов и кофеен в этой зоне, за которыми тщательно наблюдали. Капутан-паша, командующий флотом, который имел в морском министерстве свой диван, подобно губернатору провинции, отвечал за районы Галата и Кассим-паша, а также за тюрьмы, в которых содержались гребцы галер во время нахождения на берегу.

Житель Стамбула наблюдал множество разнообразных кораблей, ибо морской транспорт служил главным средством передвижения как людей, так и товаров. Став на якорь в широкой бухте Золотой Рог, сияя безупречной белизной парусов и ярко начищенной медью, свежавыкрашенные и опутанные канатами военные корабли величаво покачивались на воде с оснасткой, возвышавшейся над головами львов, украшавших их форштевни. Рядом проходили пиратские галеры из Северной Африки, поменьше размером, потемнее и порасторопнее. Далее в той же бухте двигался громоздкий и неуклюжий «купец» из Черного моря, с единственной мачтой и основным парусом, напоминавший по конструкции корабль аргонавтов. Корабли бороздили моря и когда были застигнуты в конце года сильным северо-восточным ветром, то нередко их выбрасывало на песчаные берега или они разбивались вдребезги о скалы, прежде чем могли укрыться в безопасной бухте Стамбула. Чтобы уберечься от влияния дурного глаза, они помещали на бушприте связку голубых бус, принимали и другие меры предосторожности. На волнах пританцовывали быст-

рые легкие каики. Их отличали длина, хрупкость и изящество. Корпуса этих суденышек создавали из тонких, гибких, отполированных планок бука, а в движение они приводились рядами длинных весел, крепившихся кожаными ремнями к штырям на бортах лодки. Каики перевозили по расписанию пассажиров с одного берега на другой. Лодки сновали весь день взад и вперед. Им разрешалось отчаливать от деревянных пристаней вдоль побережья. За каждой из пристаней надзирал хаджи - турок в зеленой чалме, свидетельствовавшей о совершении паломничества в Мекку, серебристый жезл и особый значок хаджи считались символами власти на конкретном пролете лестницы, ведущей к пристани. В часы пик на пристани возникала суматоха, с берега громко выкрикивали команды, регулировавшие посадку на каики, - они легко могли опрокинуться, и требовались известная ловкость и большая осторожность, чтобы причалить кормой и посадить пассажиров. В неуточное время владельцы каиков поджидали клиентов, сидя в кофейнях близ лестницы. В больших каиках, служивших водными «автобусами», где имелись отделения для мужчин и женщин, пассажиры располагались на коврах и подушечках на палубе, а гребцы сидели по бортам на овечьих шкурах. Плата за проезд устанавливалась по числу весел. Например, переезд в одном направлении через бухту Золотой Рог в шестивесельной лодке стоил 5 акче, в четырехвесельной - 4, в двухвесельной - 3 акче. Если несколько пассажиров, едущие в одном направлении, решили воспользоваться одной лодкой, то каждый платил по пол-акче, даже если выходил на промежуточной остановке. Лодочников, игнорировавших эти правила, лишали права заниматься извозом, хотя во время волнения на море на некоторые рейсы позволялось увеличивать цену наполовину. Плата за продолжительные поездки вокруг побережья или вверх по рекам устанавливалась лодочниками в соответствии с местными тарифами. Не допускались перегрузка, а также перевозка в малых лодках мужчин и женщин, если они не принадлежали к одной семье.

В бухте можно было видеть и бороздящие ее поверхность большие частные каики, принадлежавшие султану или сановникам. Они отличались большим загнутым вверх носом, богато украшенным скульптурами и раскрашенным. Пассажир сидел на корме под шелковым балдахинном. Число весел указывало на степень знатности владельца каика. Это соответствовало строгим предписаниям, так что стража на контрольных постах могла распознать, какая из приближавшихся лодок заслуживает особой чести и должна приветствоваться салютом. Длина султанского каика составляла 78 футов, он был выкрашен белой краской, украшен позолоченными обводами и резьбой. По всей его длине был нанесен зеленый обвод. Сорок гребцов султанского каика были одеты в бело-голубую форму, на головах шапки с красными кисточками. Султан передвигался к мечети по воде на шести каиках, а султанский хранитель чалмы находился в лодке, следовавшей за монаршей, и держал в руках один из трех султанских головных уборов этого рода, украшенный перьями цапли и плюмажем, унизанным драгоценными камнями. Хранитель чалмы наклонял плюмаж влево и вправо, как бы отвечая от имени повелителя на поклоны и приветствия толпы. Капутан-паше предназначался тендер с 18 веслами и особо вышколенными гребцами под командой офицера. Командующий флотом сидел под парусиновым тентом, растянутым от носа до кормы и закрепленным на длинных столбиках. Сверху над тентом вывешивались малиновые стяги с раздвоенным краем. Обмен салютами с тендером регламентировался строгими правилами.

Большие, глубокие, неповоротливые баржи, груженные товарами или бедным людом, едущим из своих деревень на побережье Босфора в город на работу или возвращавшимся с нее, тащились по морю, волновавшемуся под продолжительными порывами ветра. Плыли огромные плоты из бревен, вырубленных в Южной России и сплаваемых по воде командами опытных лодочников по Черному морю в Стамбул на кораблестроительные верфи или для отопления города.

Город просыпался рано. После молитвы на заре люди готовились заняться делами. Их одежда и головные уборы представляли собой невероятное разнообразие. Вскоре после захвата Константинополя султан Мехмет Завоеватель установил правила, согласно кото-

рым высокопоставленные представители гражданской и военной службы должны были выделяться своей одеждой. Форма и цвет облачений регламентировались и сохранялись с небольшими изменениями до 1826 года. Так, высокопоставленные сановники носили чалмы разного цвета, обернутые вокруг фетровых шапок с высокой тульей, богословы обертывали расшитую золотом тюбетейку длинным полотном сияющего белизной муслина - получался более плоский тюрбан. Колорит городской жизни создавали, в частности, и яркие, пестрые наряды, белоснежные тюрбаны, мрачные черные платья представителей духовенства и студентов медресе. Выделялись богато расшитые кафтаны и головные уборы разных ага, морских офицеров, стражников арсенала с кинжалами за поясами, дервиши в одежде из грубой ткани, мусорщики в комбинезонах из красной кожи, с метлами и деревянными совками, цыгане с танцующими медведями. В богатых кварталах важные персоны направлялись в свои учреждения, нередко в сопровождении своих помощников; боковыми переулками пробирались к месту работы ремесленники, рабочие, мелкие служащие, переступая через кучи мусора. Ставни лавок и магазинов открывались, напоказ выставлялись разноцветные товары: мотки ярких шелков, сушившихся в проходах к красильням, ряды медных сковородок, связки разнообразных башмаков.

Над улицей носились выкрики торговцев, разносчиков овощей и фруктов, медников и водоносов. Первыми нарушали тишину по утрам и последними смолкали по вечерам продавцы молока и йогуртов. Под возгласы «Йгде!» разносили по городу в заплечных бидонах сладкий сироп, особенно нравившийся женщинам, а крепкие анатолийцы, которые привозили его из провинции, пользовались репутацией остряков и соблазнительей. Продавцы шербета и фруктовых напитков не напрягали голос, но их стаканы или металлические кружки мелодично позвякивали в лотках у пояса. Они носили шербет на спине, в бидонах с длинными тонкими трубками, спускавшимися из-за спины через плечо, и слегка наклонялись вперед, чтобы жидкость точно попадала в стаканы. «Покупайте яблоки! Первый сорт!» - кричал торговец фруктами, называя первый попавшийся фрукт, а затем показывал лучший из них, демонстрируя, что весь его товар отличного качества. «Дестур» - «Осторожно», - предупреждали о своем приближении носильщики, согнувшиеся под багажом такой тяжести, что не могли поднять головы. А в Рамадан и Курбан-Байрам или при необходимости сообщить какую-либо информацию городские глашатаи ходили по разным кварталам, останавливаясь то здесь, то там, чтобы собрать людей и оповестить их о важных новостях. В кузнях из-под молотов брызгали искры, под ударами кирок разлетался камень.

Но при этом беспричинной суеты и спешки не наблюдалось, за исключением случаев, когда бузили пьяные янычары, на улицах редко возникали драки и громкие ссоры. Люди ходили неторопливо и размеренно, избегая лишнего шума и суматохи. А уличные возгласы при всей своей бесцеремонности и даже назойливости составляли неотъемлемую часть жизни города. Однако терпимость турок, наряду с врожденной любовью к природе и восприимчивостью к красоте, порождала очаровательные сценки. Иногда, скажем, продавец кофе останавливался у поразившего его воображение цветущего дерева или, например, в связи с озадачившим его мелким уличным инцидентом. Он останавливался поработать здесь полдня или подольше, а вокруг него собирались другие бродячие торговцы: продавец шербета, разносчик бурлящих кальянов, мальчики со сладостями на подносах, артист с обезьянкой. И вот уже возник некий островок развлечений, привлекающий все больше и больше прохожих, которые рассаживались на складных стульях продавца кофе и затем шли дальше. К вечеру, когда он уходил, расходились и другие, а с наступлением ночи все выглядело так, будто импровизированной кофейни здесь вовсе и не было, возможно, в этом месте ее больше никогда и не будет.

Активная жизнь города определялась продолжительностью светлого времени суток: к послеполуденной молитве все главные рынки и учреждения закрывались, а ночью на улицах не было ни души. Бдительная стража отбивала охоту выходить на улицу, а те, кто находились вне дома, должны были обозначать свое присутствие при помощи горячей све-

чи или факела. Лишь слепые освобождались от этого, поскольку невольно могли учинить пожар. Кроме палача, чей выход из дворца и появление на улице после наступления темноты означали его готовность приступить к выполнению своих ужасных обязанностей, большинство людей чувствовали себя безопасней за закрытыми дверями своих домов. Только хриплые возгласы ночного сторожа, совершающего обход, и глухие стуки его шеста с железным наконечником по булыжной мостовой нарушали тишину ночи.

Глава 5

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

В Османской Турции отсутствовала наследственная аристократия. В обществе не было сословия, пользовавшегося привилегиями лишь по причине знатного происхождения, за исключением небольшого количества могущественных семей. На самом деле знатных фамилий вовсе не знали. Все подданные - мусульмане - были равны перед Богом, и это создавало благоприятные условия для социальной мобильности. Способный человек имел возможность достичь больших высот в избранной профессии, соответственно и положения в обществе, а при отсутствии способностей путь вверх был закрыт, за исключением тех случаев, когда счастливцев возвышался по прихоти капризного султана. Например, всякий, кто добился успеха в торговой сфере посредством таланта и упорного труда, независимо от своего происхождения пользовался большим почетом. Даже рабство считалось неким несчастным случаем, и абсолютно отсутствовало представление, что судьба человека как невольника и условия существования неизменны. В случае освобождения раб немедленно обретал полный набор гражданских, юридических и социальных прав, а прежнее положение больше не имело значения. С другой стороны, возможности продвижения уравнивались широким признанием существующей структуры общества и места в ней каждого человека, так же как общей тенденцией следования сыновей по стопам отцов в какой-либо сфере деятельности. Представителям всех сословий были присущи самоуважение и достоинство, чувство самоценности и естественного права на справедливость. Хотя на войне турки демонстрировали свирепость и беспощадность, особенно в отношении врагов ислама, в частной жизни они отличались в основном спокойствием, мягкостью, способностью контролировать себя, быть обходительными и гуманными. Учение ислама поощряло благотворительность, чистоплотность и трезвость, но к этим свойствам турецкий темперамент прибавил такие качества, как прямота и склонность к соблюдению этикета, что не всегда нравилось другим народам империи.

За исключением безотчетного, но довольно сильного чувства долга по отношению к султану, привязанности подданного Османской империи отличались ясностью и практицизмом: если он проживал в городе, то считал себя прежде всего членом своего ремесленного цеха, если в сельской местности - то деревенской общины. Жизнь турка вне семьи регулировалась правами и обязанностями этого членства. Глава семьи имел полную власть над двумя-тремя поколениями родственников, живших под одной крышей. Как правило, незамужние дочери жили в родительском доме, туда приводил свою невесту также сын-подмастерье. Кроме того, работающий глава семьи брал на себя ответственность за содержание вдовы-матери, незамужних тети и сестры или каких-либо других членов семьи, нуждающихся в его помощи. Невозможно было представить, что он пренебрежет кем-нибудь из недееспособных родственников. Для всех них следовало найти место в доме и обо всех следовало позаботиться. В клане богачей большие семейные группы проживали во множестве беспорядочно разбросанных домов. Мать, ведавшая жизнью всего женского состава, сыновья и их семьи, неженатые сыновья, незамужние или разведенные дочери, внуки, младшие жены, слуги и рабы - все они находились под патриархальной влас-

тью отца. Но и здесь на турецкий характер оказывало сильное влияние учение ислама: власть главы семейного клана отличалась умеренностью и великодушием. Естественно, он вселял в родственников благоговейный трепет, и семейство ощущало большую раскованность во время отсутствия его или какого-нибудь другого старшего члена семьи, однако глава, как правило, вел себя разумно и даже сердечно в отношении родственников.

Разница между представителями богатых семей и семей скромного достатка состояла главным образом в возможностях, но не в традициях. В богатых семьях, например, на рынок ходили рабы, в то время как в семьях, живущих на доходы от своего ремесла, этим занимался сам глава семьи. Но в обоих случаях закупками продовольствия на рынке никогда не занималась женщина, за исключением какой-нибудь мелочи, которую она покупала у уличного торговца близ своего дома. Богачи и бедняки соблюдали одни и те же обычаи, были подвержены предрассудкам: все они отмечали одинаковые семейные торжества и праздники, восхищались природой, презирали немусульман, были одинаково гостеприимны, боялись бедности и гордились сыновьями. Празднование семейных и государственных праздников различалось по степени пышности и богатства, однако все семьи старались сделать максимум возможного для этого. Равным образом между членами семей и слугами складывались весьма близкие отношения. Было это причиной или следствием уважительного отношения друг к другу, сказать трудно. Но очевидно, что, когда хозяин и работник, а еще чаще хозяйка и служанка вели душевный и свободный разговор, когда слуги становились в значительной степени частью семьи, богатые не могли не быть в курсе мыслей и стремлений бедных.

Течение семейной жизни регулировалось часами молитвы, к которой призывал муэдзин, поэтому необходимость в часах отпадала. На некоторых стенах государственных учреждений устанавливались солнечные часы, в мечетях и медресе имелись водяные часы для определения времени молитвы; в соборной мечети Баязета они служили для сверки времени во всем Стамбуле. Продолжительность работы регулировалась светлым временем суток, поскольку искусственное освещение обходилось дорого и было малоэффективным. Таким образом, короткие зимние дни оставляли мало времени для общественно полезного труда. Домашняя молитва на рассвете, вечером и ночью совершалась на небольшом молитвенном коврике, разостланном на полу в направлении Мекки. В середине дня и после полудня молились либо на работе, где каждый мусульманин расстилал принесенный с собой коврик и производил на нем ракаты, либо в ближайшей мечети. На пятничную полуденную молитву в соборную мечеть обычно ходили всей семьей.

Поднимаясь утром после сна, чистили зубы, проводили влажной рукой по лицу и голове, мыли руки. Мужчины надевали шаровары, рубашку и доломан, оборачивали талию широким поясом, куда клали табак. Носовой платок, деньги и прочие необходимые мелкие вещи хранили за пазухой над кушаком - это был своеобразный карман. Сверху надевали кафтан, который у богатых людей отличался особым великолепием. Вместе с шароварами полагалось носить мягкие кожаные носки, на которые надевали кожаные тапки на мягкой подошве. Отправляясь на улицу, поверх тапок надевали массивные башмаки из толстой желтой кожи, а для верховой езды - черные сапоги из толстой кожи с широкими раструбами. Тюрбан - длинное полотно муслина или другой ткани, обернутое вокруг фетровой шапки, - отличал людей с положением. Бедняки носили просто шаровары, рубаху и пояс, на голове - мягкую шапочку или чалму в виде куска ткани, обернутого вокруг головы. Хотя ношение бороды не считалось обязательным, все улемы, учителя и чиновники ходили с бородой - это прибавляло достоинства. Головы обычно брили наголо.

Женщины низших сословий носили шаровары до лодыжек и халат. Выходя на улицу, надевали тапки, на них туфли, дома обычно ходили босиком. Платья женщин высших и средних сословий могли быть тщательно отделаны. Они тоже носили шаровары и сверху - прекрасный газовый халат с вышивкой, высоким воротником и рукавами по локоть, а на халат надевали наглухо застегнутый жакет с длинными рукавами, ниже пальцев руки, и облегающий фигуру халат длиной до лодыжки, перехваченный поясом. В холодную пого-

ду как верхнюю одежду женщины носили свободное парчовое платье, отороченное мехом, и шапочку с кисточкой. На мягкие кожаные носки надевали украшенные вышивкой тапки без каблуков с загнутыми вверх носами, даже туфли, в которых ходили по улице, были богато украшены.

Мужчины помимо колец носили немного драгоценностей, но женщины надевали их столько, сколько могли себе позволить: кольца, серьги, подвески, ожерелья, браслеты, драгоценные камни на головных уборах, нити жемчуга, украшающие головные платки, которыми покрывались женские фетровые головные уборы. Мониеты из золотых монет, украшавшие головы женщин, их золотые серьги и браслеты свидетельствовали о степени достатка их семей.

Цепь знаменательных семейных событий - рождение ребенка, обрезание, брак и смерть - перемежались с другими поводами, заслуживающими быть отмеченными: первый день учебы в школе, принятие в полноправные члены ремесленного цеха, возвращение родственника-паломника из Мекки - все это сопровождалось торжественными праздничными церемониями, составлявшими значительную часть семейной жизни.

Естественно полагать, что рождение ребенка становилось праздником прежде всего на женской половине дома. Больше всего желали мальчика, и в период беременности женщины прибегали к многочисленным суеверным трюкам, чтобы гарантировать рождение сына. Впрочем, дети пользовались всеобщей любовью, и рождение здорового младенца становилось поводом для бурной радости. До родов нанимали на 6-7 месяцев повитуху, пользовавшуюся большим почетом в мусульманском сообществе, к появлению на свет ребенка тщательно готовились. Пеленки, прекрасные хлопчатобумажные комбинезоны для младенцев, голубые шали и чепчики, амулеты против сглаза складывали в одном месте под чтение молитвы, посыпали семенами кунжута в качестве дополнительной меры предосторожности против сглаза, связывали в узел и подвешивали на стену со стороны Мекки вместе с мешочком с Кораном над ним.

С приближением родов в дом вносили специальный стульчик, становившийся сигналом для других женщин о необходимости идти на помощь, а для мужчин - удалиться из дома. Во время потуг роженица сидела на подковообразном стульчике, держась за подлокотники, в то время как повитуха повторяла: «Аллах акбар» («Аллах велик») и формулу принятия мусульманской веры. Все присутствовавшие повторяли то же. Новорожденного обмывали, обрезали пуповину, после чего ему давали имя. В пупок младенца помещали три семени кунжута, затем его свивали и пеленали. Амулет в виде голубой бусинки на красном шнурке прикрепляли к запеленутому младенцу на плечо - он оберегал ребенка от опасностей спереди и сзади. Мать укладывали на матрасы, покрытые шальями особого качества и стегаными одеялами, по краям постели помещали подушечки. Над постелью подвешивали Коран, под кровать подкладывали лук на вертеле, обвешанный дольками чеснока и голубыми бусинками. Рядом с постелью помещали метлу и прочие вещи, оберегающие от сглаза, поскольку и мать и младенец в первые дни были особо уязвимы. Рядом с постелью ставили также бутылку шербета, повязанную сверху лоскутом красной газовой ткани, если младенец - девочка, или завязанную на горлышке бутылки, если мальчик. Подобные бутылки посылали друзьям и родственникам как уведомление о рождении ребенка. Затем в дом роженицы начинали прибывать гости с подарками, обернутыми в вышитые платки: большие и малые, простые и с вышивкой - использовались в качестве упаковки подарков и для их переноски, а кроме того, и для того, чтобы передать свои поздравления, выраженные определенной формулой (она адресовалась также возлюбленному, вернувшемуся на родную землю после долгого отсутствия): «Да будут ясными твои очи». Затем глава семьи давал младенцу фамилию. Он поднимал новорожденного на руках лицом к Мекке и произносил ему в правое ухо призыв к молитве и формулу принятия мусульманской веры, а в левое ухо читал некоторые стихи Корана, а также трижды произносил имя, которым нарекли ребенка, оно соответствовало имени какого-нибудь выдающегося исторического деятеля или полупоэтического героя.

Женщины из бедных семей, особенно в сельской местности, вскоре после родов возвращались к своим домашним обязанностям, другие оставались лежать в постели 3-6 дней, с торжественным видом принимая посетителей и разодетые как невесты. Нередко так происходило в буквальном смысле, поскольку в менее состоятельных семьях самым лучшим платьем девушки было подвенечное; после свадьбы его прятали в сундук и доставали оттуда в особых случаях. На седьмой день иногда проводили семейное торжество под пение стихов Корана или под другую музыку. Тогда родственники со стороны роженицы обычно преподносили в дар колыбель. Колыбели иногда были инкрустированы серебром и перламутром, нередко передавались по наследству. Затем постель, приготовленную специально для матери, убирала, и жизнь входила в обычную колею. Однако на 40-й день после рождения ребенка проводилась еще одна церемония, на этот раз в бане. Мать в богатом убранстве и сопровождении повитухи и подруг шла в отделение для мытья и обходила вокруг фонтана в так называемой прохладительной комнате. В серебряной курильнице жгли древесину алоэ и играли на музыкальных инструментах. Все присутствовавшие подходили к виновнице торжества с поздравлениями. Когда мать и ее сопровождение завершали ритуал поздравлений и покидали помещение для мытья, повитуха брала младенца из корзины в углу, освобождала его от свивальника, заворачивала младенца в шаль и относила его в комнату для мытья для церемонии сороковин: в чаше разбивали утиное яйцо, и после того как младенца обмывали при помощи тряпочки, смоченной в жидком мыле, содержимое яйца размазывали по всему его телу, чтобы он плавал так же хорошо, как утка. Затем повитуха наполняла водой золоченую ванночку, сопровождая это чтением стихов Корана и Фатихи (начальной главы Корана). Младенца обмывали водой, затем насухо вытирали и снова запеленывали. На сороковины тоже преподносили небольшие подарки: серебряные колокольчики или обереги, представлявшие собой тексты охранительных молитв в мешочках с вышивкой, посеребренные или простые волчьи зубы либо голубые бусы с семью дырочками.

Многих младенцев отдавали кормилице, и это тоже формировало прочные человеческие связи - ведь дети, вскормленные ею, считались молочными братьями и сестрами. Им запрещалось вступать друг с другом в браки. Сама кормилица становилась «молочной матерью», и какое бы положение она ни занимала, пользовалась величайшим уважением семьи, и особенно ребенка, всю свою жизнь.

Прорезывание зубов являлось еще одной вехой в жизни семьи. Появление первого зуба у младенца сопровождалось бурной радостью родственников, как и его первые самостоятельные шаги. Как только младенец начинал вставать на ножки, его помещали в небольшой четырехколесный манеж, высота которого позволяла ножкам касаться пола, и таким образом ребенок учился ходить. Младенцев отнимали от груди примерно в двухлетнем возрасте, и девочек раньше, чем мальчиков, - это давало повод для новой праздничной церемонии в бане, во время которой детей мазали перламутровым маслом перед ритуальным омовением. Когда младенцы плакали, им давали соски в виде кусочка марципана, завернутого в лоскут ткани, но многие няни и занятые матери давали им успокаивающие напитки из настоя опийного мака или другого наркотика не столько потому, что плач мешал, сколько из опасений, что он может навлечь несчастье.

Хотя детей горячо любили, а в богатых семьях и баловали, с раннего возраста их приучали уважать старших, особенно старших членов их собственных семей. Почтение выказывалось отцу, матери, старшим братьям и сестрам. Взрослый сын никогда не садился, не ел, не курил в присутствии отца без его разрешения. Неуважение к родителям и непокорность считались грехом, сравнимым по тяжести с идолопоклонством, убийством, лжесвидетельством или уклонением от участия в священной войне. Большое значение, придававшееся воспитанию почтительности, оказывало стабилизирующее влияние, выходящее за рамки семьи. Ведь почтение к старшим трансформировалось в уважение к авторитету вообще и, конечно, к власти.

В пятилетнем возрасте детей, особенно мальчиков, учили выполнять ритуальные омовения и молитвы, они узнавали, сидя на коленях у матерей и бабушек, турецкие сказки и легенды. Примерно в семь лет, а то и раньше, если семья могла позволить себе нанять воспитателя, мальчиков забирали из гарема, то есть лишали женского влияния, хотя мать никогда не утрачивала возможности воздействовать на некоторые стороны воспитания своего сына. Если у мальчика был лала - нанятый воспитатель, - то ребенок начинал учебу дома, а когда усваивал все знания, которые ему мог дать лала, передавался под опеку ходжи - мудреца, завершавшего его образование. Однако большинство детей ходили в школу, которая представляла собой простую каменную постройку, примыкавшую к мечети. Таких коранических школ в городах было великое множество, иногда они помещались в верхних этажах построек, возвышающихся над фонтаном мечети. В деревнях, где вообще было немного зданий, школой в период времени между рассветом и примерно часом полуденной молитвы могла служить и непосредственно мечеть.

В первый день отец приводил ребенка в школу со словами, обращенными к учителю: «Его плоть - ваша, а кости - мои», что означало: «Накажите его, если он заслуживает этого, но верните мне его здоровым». Ребенок целовал учителю руки и приступал к обычной школьной жизни. Но первый день часто становился маленьким праздником. Иногда мальчика сажали на низкорослую лошадь, и он под детское пение и восклицания мужчин совершал объезд гробниц святых, чтобы дать традиционные обеты и испросить у них благословения. Наставником школы, назначаемым смотрителем мечети от вакфа, был набожный человек обычно небольших интеллектуальных способностей, но детям надлежало относиться к нему не иначе как с благоговейным почтением, - так и было, особенно в бедных кварталах, где знания ценились чрезвычайно высоко, а родители посылали учителям скромные подарки. Порой в школе появлялись талантливые частные учителя, нанятые либо современно мыслящим руководством вакфа, либо группой родителей, но в общем учителя не поднимались над средним уровнем.

Школа представляла собой большую комнату с письменным столом и местом для наставника - в одном конце помещения. По обе стороны от учителя находились его палка для ходьбы и связка палочек для обучения счету, в углу помещался длинный тонкий прут, которым он мог стегать по спине детей, - словом, от наставника уберечься было нельзя, хотя он спокойно сидел на своей подушке, скрестив ноги. За небольшие проступки ученика наказывали тем, что заставляли стоять некоторое время на одной ноге, подняв вверх руки. Когда мальчик хотел выйти из класса, он должен был встать перед учителем на расстоянии одного фута и поднять руку, тогда ходжа позволял выйти. Затем мальчик переворачивал висящую на стене дощечку с надписью «гитти» («вышел»), а возвратившись, переворачивал ее на прежнюю сторону с надписью «гелди» («пришел»). Ученикам разрешалось выходить из класса только по одному, чтобы занятый или дремлющий учитель мог легко контролировать их отсутствие. Ученики сидели, скрестив ноги, на полу, новички в первом ряду, и повторяли наизусть то, что выучили. Учеба строилась полностью на заучивании, чему помогало покачивание взад и вперед. Сначала они учили алфавит, затем цитировали Коран, а потом распевали его. Ученики усваивали правильные жесты, положения тела и интонации намаза. Когда наступал знаменательный для мальчиков день - учитель счел их знания удовлетворительными, - их отсылали утром домой, и это рассматривалось как большая честь. Уличные прохожие, заметив мальчишку, с гордым видом идущего по улице со школьным ранцем в необычное время, останавливались, чтобы поздравить его, а в доме в связи с этим царил радостная суматоха. Ко времени, когда ребенок овладевал определенными навыками в каллиграфии, возможно, отчасти в чтении, а также некоторыми простыми математическими правилами, знания его учителя обычно уже были исчерпаны. На этом образование многих детей завершалось.

По утрам всю неделю, за исключением пятницы, дети ходили в школу, но учеба часто прерывалась разными каникулами по поводу религиозных, цеховых, государственных и семейных праздников. Часто, особенно весной, организовывали поездки учеников на теле-

ге, запряженной быками, на пикники за город. Поездки оплачивались из средств вакфа; дети бедных семей обеспечивались по этому случаю новой одеждой и обувью из того же источника. Существовали определенные рынки, которые торговали готовой одеждой специально для таких случаев, - ведь обычно платье шилось портным на заказ, как бы ни был беден заказчик. Другая экскурсия, совершить которую считали своим долгом ходжа и ученики, происходила в засушливый сезон, когда особенно нуждались в их помощи. Они уезжали за город и совершали очень древний обряд вызова дождя, манипулируя камнями, лошадиными черепами или другими предметами в соответствии с обычаями, принятыми в данной местности. После этого они выворачивали свою одежду наизнанку, школьный наставник произносил молитву для вызова дождя, а дети свободно опускали руки раскрытыми ладонями вниз, говоря: «Аминь». Затем общине оставалось уповать на милость Аллаха.

Поскольку учеба никак не контролировалась, неудивительно, что уровень преподавания в коранических школах оставался невысоким. Существовало несколько лучших начальных школ. Одни были созданы орденами дервишей для детей своих последователей, другие финансировались частными лицами, но при этом имела система образования, доступная всем. Хотя дети из самых бедных семей обычно рано заканчивали учебу и начинали работать, те из них, которые стремились продолжить образование в медресе, могли это делать без всяких затрат со стороны родителей. Мальчики, продолжавшие учебу после достижения 12-летнего возраста, ходили на занятия улема в мечети, где уровень преподавания был гораздо выше. Эти занятия продолжались от утренней молитвы до времени открытия магазинов, рынков и учреждений, тогда многие мальчуганы шли помогать своим отцам или пытались заработать немного денег поденно. В медресе они могли изучить грамматику арабского и персидского языков, этику, заучить наизусть стихи, продвигаться в арифметике. Мальчики из богатых семей обычно продолжали свое образование, а школьники из семей среднего достатка, которые не становились, подобно отцам, торговцами, постепенно готовились к освоению других профессий. Большинство сыновей ремесленников, торговцев и, в меньшей степени, канцелярских работников вскоре становились подмастерьями и учениками в сфере деятельности своих отцов, а вступление в полноправные члены ремесленного цеха считалось знаменательной вехой в жизни многих молодых людей. Будущим канцеляристам приходилось подвергнуться не слишком сложному экзамену, включавшему оценку способности разрезать и складывать конверты, а школьникам, которые привыкли хранить в чернильницах коконы тутового шелкопряда, удерживавшие чернила в емкости и не позволявшие им проливаться, приходилось демонстрировать способность пользоваться писчими принадлежностями.

Однако мальчики, решившие стать учеными, стремились получить высшее образование в различных медресе, качество преподавания в которых зависело от щедрости финансирующего фонда. При всех государственных мечетях имелись медресе, в одном Стамбуле таких учебных заведений насчитывалось, видимо, до 85. Продолжительность обучения зависела от того, как далеко хотел продвинуться ученик в карьере богослова. Преподававшиеся предметы в основном относились к теологии; рациональным дисциплинам, таким, как астрономия, математика или естествознание, уделялось немного времени. Большое внимание уделялось медицине в силу ее гуманистического значения, но улемы противились всем новым идеям, и их консерватизм, наряду с неприязнью к печатному слову, как новации, противоречащей религии, делали распространение новой и полезной информации фактически невозможным. Рабы в дворцовой школе, видимо, ориентировались в светских дисциплинах гораздо лучше, чем студенты высших медресе.

Девочки редко получали образование, их учили дома шитью и вышиванию, или они помогали матерям по дому либо в сельскохозяйственных работах. Очень немногие из них умели читать и писать, хотя знали молитвы наизусть и усваивали многое из традиционных ремесел, о чем заботились взрослые женщины.

Важнейшим событием в жизни мальчика являлся обряд обрезания, о котором в Коране не упоминается, но который считался обязательным для мусульман мужского пола. Обряд носил исключительно светский характер и не предусматривал каких-либо особых молитв. Некоторые младенцы проходили обряд обрезания на сороковой день после рождения, но большинство - в возрасте между пятью и двенадцатью годами, и чаще всего в возрасте 7-8 лет. В семьях, где имелось два или более мальчика приблизительно одинакового возраста, их подвергали обрезанию в удобное время вместе, часто к обряду и сопровождавшим его торжествам привлекали ребят из бедных семей, достигших подходящего возраста. За несколько дней до знаменательного события мальчики надевали тюбетейки из голубого сатина и ленты поверх шелковых рубашек, чтобы даже посторонние на улицах знали о приближении обряда обрезания и желали ребятам всего наилучшего. В это время также принимались всевозможные меры против влияния дурного глаза. В некоторых восточных провинциях известны случаи, когда мальчики надевали женские платья и украшения, покрывали свои лица платками, чтобы силы зла приняли их за существ женского пола, не заслуживающих какого-либо внимания. Однако большинство мальчиков находили это трусостью и считали, что это время, когда следовало продемонстрировать свою смелость, - ведь они скоро перейдут в разряд настоящих мужчин.

В один из дней приходил специалист по обрезанию и готовил для обряда комнату. Мальчик надевал новую шелковую рубашу и жесткую тюбетейку, украшенную блестками. Он становился на стол, раздвинув ноги. Один мужчина крепко держал его за лодыжки, другой связывал его руки за спиной. Обрезание быстро производилось при помощи острого лезвия, а рана прижигалась древесной золой. Когда требовалось оперировать нескольких мальчиков, в комнату впускали по двое-трое. Мальчиков призывали состязаться друг с другом в стойкости. Из своих укрытий выбегали акробаты и клоуны, чтобы отвлечь внимание детей, снаружи дома ходил взад и вперед барабанщик, громко стуча, как в знак того, что момент обрезания наступил, так и для того, чтобы заглушить крики оперируемых. Мальчиков укладывали по двое-трое в одну постель. Пространство между простынями посыпали мелкими черными семенами для защиты от дурного глаза. Тюбетейками покрывали пораженные места, чтобы их не касалось постельное белье. К обрезанным приходили гости, поздравляя их с возмужалостью и принося подарки. В этом случае дом украшали, его хозяин выставлял самое обильное и изысканное угощение и устраивал самые дорогие развлечения, какие мог себе позволить. Женщины дома и гости наблюдали за празднеством из-за занавески. С этого времени мальчик окончательно исключался из гарема и становился одним из представителей мужского состава семьи. Его воспитание и будущее полностью переходило в ведение отца семейства. Совершением обряда гордилась вся семья.

Обрезание сына султана служило поводом для всеобщего праздника.

С течением времени отец приходил к заключению, что мальчику пора жениться, и тут возрождалась роль матери, поскольку выбор невесты входил в ее функции. Мать сына, достигшего брачного возраста, естественно, приобретала большое влияние. Если она заранее не сделала выбор невесты, то начинала наводить справки через знакомых. Порой мать могла узнать о возможной невесте через посредниц и навещала, случалось, даже незнакомый дом без всякого оповещения с двумя-тремя подругами с просьбой показать ей дочь хозяина. Гостей принимали с радушием, и, пока хозяйка дома их развлекала, девушка быстро одевалась для смотрин. По завершении своих приготовлений ей следовало внести самый дорогой в доме кофейник и потчевать гостей кофе со скромно опущенной головой. Смотрины тянулись долго, иногда сопровождались большими нервными переживаниями девушки, которая была обязана присутствовать до тех пор, пока главная гостья не возвращала свою чашку для кофе в знак того, что девушке можно удалиться. Иногда в смотринах участвовало несколько девушек, дожидаясь окончательного выбора. Порой смотрины проводились в бане. Если мать молодого человека наметила в определенный день посетить со своим сопровождением баню, то изъявляла желание, чтобы присутствовала и ин-

тересующая ее девушка, которая появлялась там в соответствующее время со своей матерью и подругами. Группа женщин, представлявшая интересы молодого человека, не делала секрета из своих намерений, и порой громко произносимые лестные или нелестные оценки с трудом позволяли сохранить девушке естественное поведение и продемонстрировать свои преимущества, одновременно делая вид, что не имеешь никакого понятия о цели своего прихода.

Если девушка понравилась, мать молодого человека делала брачное предложение от имени сына. Мать девушки спрашивала о работе молодого человека, его перспективах. В тот же вечер обе женщины совещались со своими мужьями и передавали дальнейший ход дела в их руки. Если семья молодого человека незнакома отцу девушки, он немедленно начинал наводить справки у своих друзей. В этот период времени добрые мысли расценивались как приметы счастья, а недобрые предчувствия нередко задерживали приготовления к свадьбе на долгий срок. Если отец девушки узнавал о женихе нечто неприятное, то члены семьи сообщали, что предзнаменования для свадьбы дурные и затею следует оставить. На этом дело тактично завершалось. В случаях с простыми семьями все происходило проще. Мать молодого человека, возможно по рекомендации родственницы, делала свой выбор невесты и рассказывала о девушке сыну. Отцы предполагаемой брачной пары или ближайшие родственники мужского пола обговаривали между собой детали приготовления к свадьбе. Семья девушки редко выдвигала возражения, за исключением случаев, когда кандидатура была абсолютно неприемлема.

С другой стороны, матери девушек начинали готовиться к свадьбам своих дочерей, как только те появлялись на свет. По достижении 12 лет или примерно в этом возрасте девочки закрывали лица чадрой и считались на выданье. Начинались визиты в дома свах, интриги, преувеличенные оценки богатства и красоты потенциальных невест и женихов, матери активизировали усилия по сбору приданого, которым они занимались вместе с дочерьми уже несколько лет. Фактически одним из самых приятных занятий в доме, где выросла девушка брачного возраста, был сбор для нее одежды, белья, семейных драгоценностей, которые укладывали в вышитую скатерть, увязывали в один тюк и хранили до свадьбы, когда собранное приданое распаковывали и демонстрировали как показатель богатства и хорошего вкуса.

Девушек выдавали замуж без их согласия, не спрашивали согласия на брак и у молодых людей. Иногда семьи, желавшие породниться, обещали поженить своих детей, когда те еще были младенцами. В семьях ремесленников отец обычно предпочитал иметь зятя, занятого в той же сфере ремесла, что и он сам. При всех обстоятельствах совместимость двух семей играла решающую роль в выборе брачной пары. За исключением некоторых крестьянских или беднейших городских семей, среди которых правила приличия не соблюдались слишком строго, жених обычно не видел лица невесты, не заговаривал с ней, пока семьи не договорятся о порядке проведения свадебной церемонии.

Брак был чисто гражданским делом, свободным от сакральных обрядов. Когда стороны приходили к согласию, юноша и девушка обменивались подарками в знак помолвки, составлялся брачный контракт, копия которого вручалась каждой из сторон. Привлекались определенные суммы денег, например денежный вклад семьи жениха в покрытие стоимости свадебной церемонии или сумма денег, выделенная в качестве приданого невесты, часть которой изымалась в случае развода. По всем этим вопросам стороны договаривались после некоторого обсуждения ко взаимному удовлетворению. Если препятствий к свадьбе не было - родство по крови, брачных уз, общей кормилицы или религии (мужчина мог брать в жены христианку или еврейку, а женщина могла выйти замуж только за мусульманина), - оформление брачного договора завершалось. При этом присутствовали два свидетеля-мусульманина, и о договоре оповещался весь квартал, после чего он вступал в силу. На нем ставилась дата свадьбы. Наиболее благоприятным днем для нее считалась пятница, вслед за ней шел понедельник.

Праздничные мероприятия начинались до свадьбы, и их продолжительность зависела от богатства и семейных обстоятельств сторон. Некоторые семьи начинали празднование свадьбы в день заключения договора, и невеста уходила с женихом жить в дом его отца, но более состоятельные семьи праздновали неделю, - в течение этого периода молодой человек посылал незнакомой невесте много подарков в виде традиционных ювелирных изделий и предметов женского туалета, а также большие подносы с фруктами и сладостями для семьи девушки. Невеста отвечала подарками в виде драгоценной коробочки для табака или богато украшенных чуреков, а ее посыльный возвращался с рассказами о богатом убранстве и освещении в доме жениха.

В понедельник семья невесты посылала свадебный наряд для жениха в дом его отца. После полудня несколько старых служанок семьи, в том числе кормилица, повесив через плечо шелковые ленты, ехали на ослах к домам подруг невесты и ударами литавр, производившимися мужчинами, сопровождавшими служанок, вызывали подруг невесты и приглашали их на следующий день в баню и на свадьбу. Во вторник около полудня невеста и ее сопровождение торжественно шествовали в баню. Впереди и позади процессии шли музыканты, мужчины, несшие тазики, белье и парфюмерные принадлежности, водонос и другие слуги. Сама невеста шла под светлым шелковым балдахин, который несли на шестах, повязанных сверху богато вышитыми платками, четверо мужчин. В жаркую погоду одна из женщин лицом к невесте, спиной по ходу процессии, шла пятясь и обмахивала ее веером из черных страусовых перьев. Иногда невеста со своей свитой, музыкантами и затейниками занимали всю баню, а во время ритуала омовения особое внимание уделялось туалету невесты, умщению ее редкими маслами и духами, после чего все возвращались к праздничному столу в доме невесты.

Следующий вечер отводился под шумную вечеринку в доме жениха, на которой развлекались мужчины. Ее сопровождали музыка и танцы, а также представление, разыгрывавшееся цыганками с не покрытыми чадрой лицами, которое неодобрительно встречалось всеми женщинами семьи жениха, хотя они и сами веселились в доме невесты на празднике Хны. В этот вечер руки и ноги невесты мазали оранжевой пастой, кусочек золота, приобретенный на счастье, мать невесты окрашивала хной и прятала в правую руку дочери. Руки и ноги обвязывали полосками холста, чтобы сохранить окраску на всю ночь. В среду приносили подарки жениха - подвенечное платье и разные аксессуары. После того как невеста надевала свой убор и ее лоб, щеки, подбородок усеивали сверкающими блестками, главная подружка невесты выводила ее напоказ. Невеста целовала руку отца, он обвязывал ее талию шалью, вынимал саблю и вытягивал перед собой, чтобы дочь перепрыгнула через клинок. При этом отец приговаривал: «Роди потомка, владеющего этой саблей так же хорошо, как предки», затем произносил соответствующую молитву. В этот торжественный момент все начинали плакать - ведь невеста находилась дома последний день, ее девичество завершалось.

В пятницу невеста шла в составе свадебной процессии в дом жениха и занимала в своих покоях угол, украшенный шелковыми занавесками, как будуар. Вокруг по стенам размещали все ее свадебные подарки и приданое. Самые ценные подарки подвешивали на уровне глаз, белье и менее ценные вещи - над ними. Драгоценности выставляли в нишах, и всю комнату увешивали гирляндами цветов, сделанных из разноцветного шелка и размещенных подружками невесты так, чтобы произвести наибольший эффект. Весь день приходили гости с подарками и осматривали ее подвенечный убор и приданое; осмотр сопровождался одобрительными и неодобрительными возгласами. Между тем жених с подружками в составе процессии под удары барабанов и музыку шли в мечеть. По возвращении он с показной неохотой и подлинным смущением препровождался наконец к покоям невесты, где переминался с ноги на ногу под возгласы: «Идет жених!» Там молодой человек, откликаясь и на приглашение главной подружки невесты, и подталкиваемый подружками, заходил в комнату и встречался с суженой, которая поднималась со своего места, чтобы поцеловать его руку. Девушка снимала чадру, жених и невеста впервые встречались друг с другом ли-

цом к лицу. По этому случаю жених дарил невесте подарок «лицезрения», обычно драгоценный камень, и обнимал ее, но оставался с суженой всего несколько минут, а затем присоединялся к мужчинам в соответствующем помещении дома. Невеста с окружением шла к праздничному столу в гареме. Свадьба праздновалась двумя группами гостей по-прежнему отдельно. Каким бы ни был праздничный стол, богатым или бедным, всегда подавалось огромное свадебное блюдо - рис, подкрашенный желтым шафраном, без этого блюда не обходилась ни одна свадьба. С этих пор невеста становилась членом новой семьи, и ее главной заботой было угодить свекрови рождением внука.

Первая свадьба юноши и девушки, подобранной для него как в интересах союза двух семей, так и в надежде на счастье молодой пары, праздновалась всеми с величайшим воодушевлением. Но поскольку мусульманину разрешалось иметь четыре жены, при условии, что он даст каждой отдельное и одинаковое содержание, и поскольку вдова или разведенная женщина становилась тяжелым бременем для семьи, пока их не выдавали замуж снова, многие свадьбы отмечались с гораздо меньшим энтузиазмом.

Развод с мужем представлял для женщины большую трудность. Если ее право на развод не было оговорено в брачном договоре или у нее не было достаточно денег, чтобы откупиться, требовалось, чтобы дело о разводе рассмотрел кадий и вынес свое суждение об обоснованности ее желания. С другой стороны, мужчины не были обременены такой процедурой и могли развестись по одному лишь капризу. Представители определенных сословий предпочитали частые женитьбы и разводы, чем нести на себе бремя расходов на содержание сразу четырех жен, каждая из которых имела право на свою отдельную жилую площадь. Это делало положение женщины чрезвычайно ненадежным и объясняло причину ее покорности. Мужчина мог развестись с женой, просто повторив формулу: «Я развожусь с тобой». Он мог сказать так дважды и затем отказаться от своих слов. Если же он повторил эту фразу трижды, а потом пожелал снова взять бывшую супругу в жены, то это можно было сделать лишь при условии, что бывшая супруга выйдет замуж за другого мужчину и разведется с ним. Поэтому мужчина, который разводился с женой после произнесения вышеупомянутой формулы трижды и затем раскаивался в содеянном, нанимал какого-нибудь старца, бравшего бывшую супругу замуж на одну ночь, как требовали правила, и разводившегося с ней на следующий день. Однако, если мужчина разводился всерьез и окончательно, его жена не имела права выходить снова замуж до истечения трехмесячного срока, а если к тому же она была беременна, то должна была дожидаться рождения ребенка, а бывший муж был обязан заботиться о ней в течение всего этого срока.

Допускалось также расставание супругов по закону без развода. Муж имел право наказывать жену в умеренных дозах, держать ее в заточении дома, отпуская лишь в редких случаях для встреч с родителями, и супруга всегда была обязана подчиняться мужу, если его требования не выходили за рамки разумной строгости. Если же кадий считал жалобы жены на мужа обоснованными, то мог дать разрешение на ее возвращение к родителям. Она могла расстаться с мужем по закону, если тот не был в состоянии ее обеспечить, но в этом случае отец женщины или родственник, к которым она изъясляла желание вернуться, предпочитали обеспечивать ее содержание под кровом супруга в надежде, что их расходы будут возмещены, когда материальное положение супруга улучшится.

Если муж желал расстаться с супругой по причине ее сварливости и несносного характера, то приводил ее на суд к кадию, в случае ее нежелания идти приглашал двух мусульман, готовых свидетельствовать против нее. Когда претензии супруга подтверждались, ему вручалось удостоверение об освобождении его от обязанностей обеспечивать жену жильем, одеждой и вообще от необходимости содержать ее. В этом случае бывшей супруге нужно было найти какого-нибудь опекуна, взять ее на содержание был обязан ближайший родственник мужского пола.

Когда кто-нибудь из членов семьи находился при смерти, это не считалось только трагедией. Хотя люди плакали и горевали, но одновременно находили утешение в том, что он мусульманин и, следовательно, его душа попадет в рай. Умиравшего помещали на смерт-

ном ложе головой к Мекке, от его имени произносилась формула принятия в мусульманство. Присутствовавшие восклицали: «Аллах, Аллах». Женщины плакали на своей половине, иногда приглашали профессиональных плакальщиц. Когда человек умирал, труп обмывали; уши, нос и рот затыкали ватой; тело со связанными лодыжками и руками, сложенными на груди, заворачивали в саван, изготавливаемый из одного куска ткани без швов. Тот, кто занимался обмыванием тела, обычно получал в вознаграждение одежду покойного. В тот же день или на следующее утро покойника хоронили: его выносили из дома в гробу, поддерживаемом группой людей, на улице прохожие подхватывали гроб и шли с ним часть пути, усматривая в этом свой религиозный долг. На гроб помещали тюрбан покойного; если покойником была женщина, то это была ее чадра или украшение, которое она носила на голове, а также косы из шелка, которые она вплетала в свои собственные косы. Гроб доставляли к ближайшей мечети, где помещали на каменный постамент. Имам мечети или близкие родственники покойных произносили над ними молитву или цитировали стихи Корана; если усопший был известным общественным деятелем, то произносился также панегирик. Затем тело доставляли к месту захоронения, находившемуся чаще всего вблизи гробницы какого-нибудь почтенного лица, причем в похоронной процессии на этом отрезке пути шествовали только мужчины. В земле уже была вырыта могила, и тело без гроба опускали в нее правым боком и головой в направлении Мекки. Перед тем как зарыть тело, имам шептал наставления покойнику о том, как отвечать на вопросы двух грозных ангелов. На труп сбрасывали землю, и на могилу помещали большой плоский камень, иногда с небольшой выемкой для сбора дождевой воды для птиц. Позднее устанавливали два вертикальных камня, в голову и в ноги покойного, с выгравированными на них его именем, титулами и происхождением. На памятном камне умершей женщины вырезали только имя отца, но не мужа. Иногда добавлялись коранические стихи, а порой и более причудливые надписи. На камне Эюба надпись гласит: «Он хорошо знал, как завершится его жизнь, потому что вполне представлял ее красоту. Воображая свой последний час еще одним прекрасным мгновением, он говорил: «Вот моя черноокая любовь» - и следовал за этим мгновением».

Существовал также обычай вырезать на верху могильного камня изображение тюрбана, которому покойный был привержен всю свою жизнь. Могильные камни женщин обычно украшали скульптурными изображениями цветов, листьев растений или просто набалдашником. Сами гробницы никогда не обслуживали, за могилами после захоронения не ухаживали, так что после оседания земли камни клонились и падали. Вокруг всегда сажали кипарисы, как из-за их ароматного запаха, который, как полагали, забивал трупный смрад, так и из-за их вечнозеленых листьев, символизировавших бессмертие. Иногда, особенно по пятницам, к могиле приходила вдова посидеть под их тенью и помолиться за душу супруга, отошедшего в иной мир, но, как правило, могилы приходили в упадок и запустение.

Уровень смертности был довольно высоким. Даже если исключить несчастные случаи и естественные болезни, которым подвержена человеческая плоть, постоянно вспыхивали эпидемии, уносившие жизни значительной части населения. Где-нибудь в темных углах города всегда подстерегала чума, особенно в казармах военных и на свалках побережья. Обычными были вспышки малярии там, где застоявшаяся вода и низины способствовали размножению mosquitos. Некоторые люди, особенно немусульмане и иностранцы, стремились бежать из мест распространения чумы, а многие жители Стамбула пытались спастись на Принцевых островах, отделенных от опасного города водным пространством. Но часто это оборачивалось катастрофой, поскольку свирепые штормы нередко уносили в море многих из тех, кто полагал, что близок к спасению. На островах не было источников пресной воды, ее приходилось собирать в баки и цистерны, условия для нормальной жизни почти отсутствовали. В целом же турецкое население полагалось на судьбу. Турки не были боязливими и даже пренебрегали опасностью, связанной с эпидемией, которая в самый разгар уносила, вероятно, по тысяче человек в день в одном Стамбуле.

Хотя здравоохранение находилось на хорошем уровне, многие люди, и простые и образованные, прибегали к услугам святых старцев и женщин-знахарок так же часто, как и к помощи врачей. О больных в семьях, особенно о детях, обычно заботились женщины, которые больше соблюдали религиозные обычаи, чем мужчины, и прибегали ко многим средствам, не имеющим сколько-нибудь научного обоснования. Если натирание живота перламутровым маслом не избавляло ребенка от конвульсий, то часто прибегали к заклинаниям; ночные молитвы перед завершением Рамадана считались особенно эффективным средством от бессонницы, если они произносились за родственника или подругу. Бесплодие, считавшееся для женщин величайшим унижением и несчастьем, лечилось целым комплексом средств, как магических, так и медицинских. Поскольку девять десятых всех болезней приписывались влиянию сглаза, для умиротворения джиннов и злых духов старались либо подуть на опухоль, либо сжечь несколько волосков или сор из семи лавок, либо сделать заливку свинца, вместо того или перед тем как прибегнуть к более рациональным медицинским мерам. Большую же часть медицинских средств старцы и знахарки применяли в гомеопатических дозах, оказывавших в конечном счете благотворное влияние. Свойства ревеня как слабительного, аниса как средства стимуляции пищеварения, горького отвара кассии для восстановления аппетита, воскурения некоторых растений для избавления от стеснения в груди были хорошо известны. Из растений, зарекомендовавших себя как целебные, изготавливали многие микстуры и мази.

Многие болезни психического свойства успешно лечили определенные группы магов, обладавшие исключительным правом применять свои особые методы. Эти люди, прибегавшие к заклинаниям и магии, хотя и вызывали в обществе сильные опасения, но пользовались большим уважением и выполняли важные функции. Практика заливки свинца была особенно успешной в случаях, когда пациент считался заколдованным, то есть был психически болен. Профессионалы в заливке свинца были чрезвычайно опытные старые женщины, владеющие мастерством по наследству. Большой частью своих успехов эти маги были обязаны вере пациентов и их семей в то, что только они, маги, обладают способностью избавлять от болезней. Инструментами им служили плавильный ковш, чаша для воды, полотенце и кусок свинца, который носили в закрытой корзине. После впечатляющего вступительного ритуала свинец расплавляли в ложке и выливали в чашу с холодной водой, которую держали над головой больного, обернутой полотенцем. Ту же процедуру проделывали над пупком и ногами пациента, в правом углу комнаты и на пороге. Возобновляя каждый раз плавление свинца и его выливание в чашу, старуха причитала: «Не моя рука - рука нашей матери Айше Фатимы». Затем пациенту давали выпить немного воды и выплескивали ее на голову, тело и ноги больного. Пациента заставляли трижды перепрыгнуть через порог вперед и назад. В воде вымачивали кусок хлеба с целью вынести его из дома и накормить бродячих собак, а оставшуюся часть разбрасывали по углам комнаты для джиннов и пери. Если вылитый в воду свинец приобретал ясные очертания, это считалось хорошим признаком, если нет, - процедуру следовало повторить, несмотря на то что за каждый сеанс полагалось платить. Когда «лечение» заканчивалось неудачей, то ее приписывали особо сильной концентрации зла, но репутация магов оставалась незапятнанной. Другая группа женщин-магов, имевших меньшее число почитателей, колдовали не над свинцом, а над раскаленными углями домашней печи.

Существовали также семьи, прославившиеся своими костоправами. К ним обращались за помощью в случаях вывихов, повреждений костей и даже в случае рождения детей хромыми или нескладными. Благодаря своему наследственному мастерству и опыту некоторые костоправы приобретали исключительную квалификацию, и вера в их способности была вполне оправданной. Однако находилось большое число мошенников и шарлатанов, практиковавших во всех областях медицины, а отчаявшиеся женщины, особенно матери больных детей, всегда обеспечивали им безбедное существование. Борьба с ними было весьма трудно, но смотрители рынков запрещали им занимать места в лавках и магазинах, открыто практиковать или приставать к клиентам. На них всегда устраивали облавы, по

требованию кадия они были обязаны показаться главному врачу империи, который проверял их на профессиональную пригодность и позволял им практиковать в крайне редких случаях.

Мусульманки не имели возможности пройти такой же курс обучения медицине, как мужчины, тем не менее и среди них находились способные женщины, обладавшие естественной склонностью лечить и быстро приобретающие опыт. Если к тому же им случалось получить наставления от турецкого ученого без предрассудков, врача-иностранца или немусульманина, то они овладевали искусством проведения хирургических операций на пациентках-женщинах, которые не посмели бы обнажиться перед врачом-мужчиной или им не позволили бы этого мужья. Вероятно, именно эта изолированность от мужчин вкупе с нехваткой врачей-женщин заставляла многих обеспокоенных жен и матерей искать нерациональные пути лечения.

Жителям городских кварталов приходилось сниматься с обжитого места нечасто, но возникали случаи, когда либо из-за пожара или необходимости строить новый дом, либо из-за назначения главы семьи на должность в новом районе, в другом городе, семье нужно было выехать из дома. У входа в новый дом совершалось жертвоприношение, по преимуществу баранами с рогами, покрытыми золотистой краской, с шерстью, разукрашенной пятнами светлой краски, и лентой, повязанной вокруг шеи. Когда барану перерезали горло в сопровождении соответствующих заклинаний, немного его крови проливалось на порог. Затем тушу убирали, освеживывали и рубили мясо на куски для раздачи бедным. В бедных семьях для жертвоприношения использовали курицу.

Семья всегда селилась в отдельном доме, никогда не делила дом с другими семьями. В эве - простом деревянном доме городского бедняка - почти отсутствовала мебель, кроме матрасов или ковров, разворачиваемых для сна и стоящих у стен свернутыми в дневное время. Имелись также молитвенный коврик, печь для приготовления пищи, несколько горшков, ложек и другая утварь. Пол представлял собой утрамбованную землю, в углу комнаты помещалась раковина или умывальник. В такого рода дом пища доставлялась по необходимости, никаких запасов не держали. Одежду увязывали в тюки и подвешивали на стенах.

Даже в богатых домах имелось не много мебели, но были очень распространены ковры. Их развешивали на стенах дома в качестве украшений, ковры меньшего размера с орнаментом в виде михраба использовали для молитвы, другие служили постелями. Ковры становились непременной частью багажа всех путешественников. Устилавшие полы в домах богачей, неброские по цвету, они отличались богатым орнаментом и хорошим качеством. Поскольку при входе в дом обувь оставлялась за порогом, ковры не особенно изнашивались. Их расстилали поверх циновок, а в жаркий сезон года сворачивали. На место старых стелили новые, прекрасно сплетенные циновки.

И в селамлике, и харемлике, то есть мужской и женской половинах дома, были большие комнаты для приема гостей, каждая из которых имела посередине порог, так чтобы одна часть возвышалась над другой. Вдоль стен стояли диваны, покрытые накидками и подушечками из бархата или шерстяной ткани - зимой, из шелка и сатина - летом. Повсюду на полу лежали небольшие квадратные матрасы или горки подушечек, на них сидели. Стены и потолок покрывали краской и резными украшениями, имелись ниши и полки для тюрбанов и декоративных ваз. Повсюду в комнатах стояли медные и бронзовые мангалы, разукрашенные жаровни с раскаленным углем. Поскольку потолки были высоки, а в окна стекла не вставляли, в холодный сезон сохранение тепла в доме становилось главной заботой. В доме не было иного источника обогрева, кроме этих жаровен с отверстиями в крышках, жаровни постоянно открывали и заполняли раскаленными углями. Зимой в комнату вносился тандыр - стол с металлической подставкой, на которой стояла чаша с горячими углями. Все это укрывалось большим стеганым одеялом. Вокруг тандыра садились на подушечки члены семьи и гости, покрывая одеялом ноги и руки, натягивая его до подбородка.

Но даже в самых богатых домах освещение и обогрев обеспечивались в недостаточной мере, а также нередко становились причиной малых и крупных пожаров.

Спальни походили на приемные за тем исключением, что в стенах имелись встроенные шкафы для хранения узлов с бельем и одеждой. Как и в домах бедняков, в спальнях состоятельных людей матрасы, ковры и подушки, на которых спали, днем сворачивали и убирали. Постель обычно состояла из матраса, набитого ватой, около 6 футов в длину и 4 в ширину. Его могли поместить на низкий каркас из ремней, натянутых на пальмовые кольшики, но, поскольку в этой конструкции заводились клопы, она не пользовалась популярностью. Чаще один на другой укладывали три матраса, и для предотвращения падения с ложа, особенно детей, его обкладывали с каждой стороны длинными диванными подушками. Матрасы и подушки покрывали простынями. Летом люди спали почти голыми, накрывшись одной простыней, зимой надевали на себя как можно больше одежды, укрывались одеялом на толстой ватной подкладке, к которому была подшита простыня. В самых жарких районах страны летом постели устраивали на крышах домов.

Для хранения и переноски использовали платки и корзины. В платках из разнообразных тканей и разных размеров носили любую одежду, домотканые холсты и все, что можно было увязать в узел и поместить в шкаф. Простые платки использовали для переноски одежды и банных принадлежностей, платки с вышивкой - для упаковки подарков, даже подносы с фруктами и сладостями, посылаемые в качестве подарков, помещали на квадратные куски холста, углы которого завязывали сверху.

На кухнях и в кладовых в разнообразных корзинах хранили уголь, овощи и все виды продовольствия, поскольку не существовало ни мешков, ни деревянных или металлических контейнеров. В гареме сладости и кофейные бобы, вата и разноцветные шелковые ткани хранили в изящных корзинках из обесцвеченного тростника. Цыгане продавали у порога дома более грубые корзины для переноски тяжелых грузов, а также витые круглые клетки для кур, пользовавшиеся большим спросом. Разные корзины можно было купить на улице заготовителей тростника, где продавались также щетки и метлы. Их изготавливали из расщепленного тростника, туго перевязанного на одном конце, без всякой рукоятки, так что для подметания и чистки ковров приходилось нагибаться. На улице торговцев корзинами продавались также губки для мытья мраморных полов, кухонь и фонтанов, но не для купания.

Кухни для больших домов помещались в отдельных строениях во дворе, с тем чтобы запахи пищи не распространялись по всем помещениям. Приготовление еды совершалось на кирпичных печах с крупными неглубокими котловинами для древесного угля. В гареме тоже имелась небольшая кухня, в которой женщины готовили для себя любые блюда, какие вздумается, занимались варкой варенья, консервированием, являвшимися предметами гордости семьи. Помимо такого рода деятельности хозяйка дома также следила за чистотой, сама стирала пыль и мыла драгоценные фарфоровые изделия. Поскольку женщины редко получали образование, лишь немногие из них могли читать или цитировать Коран. Они могли штопать, шить и вышивать, но со столь ограниченным кругом забот жизнь в гареме оставалась праздною и скучною. Женщины редко участвовали в увеселениях и праздниках, которые проходили в течение года за пределами гарема. Они проводили много времени в сплетнях, в подглядывании через закрытые ставни за жизнью на улице. Поэтому, хотя при больших домах были собственные бани отдельно для мужчин и женщин, это не заменяло посещений общественных бань.

Эти посещения, во время которых женщины освобождались от тягостного контроля мужчин, происходили обычно раз в неделю, зимой и летом. Они давали возможность встретиться с подругами или просто с незнакомками, обменяться новостями, присмотреться к потенциальным невесткам или соперницам собственных дочерей. Матери юношей были более уважаемы, чем матери девушек, и особенно любили посплетничать. Обычно женщины семейства ходили в баню вместе, захватив с собой все, что может понадобится в течение дня, включая еду и напитки. Они также брали с собой свое вышивание и вяза-

ние. Порой служанка, сопровождавшая госпожу, скребла комнату для купания по три раза кряду, а хозяйка и ее окружение дожидались окончания ее работы. Посещение бани предусматривало трехкратное купание, затем принимались за еду, потом дремали или сплетничали за рукоделием в прохладительной комнате. Затем снова совершалось трехкратное купание, потом увязывали белье и банные принадлежности в узлы и отправлялись домой. Во время купания от излишней растительности избавлялись посредством пасты для удаления волос, приготовленной на основе негашеной извести или перекиси. Пасту наносили миниатюрной лопаточкой, а волосы сбривали острым краем раковины мидии. Тело терли мешочком из грубого холста, надетым на руку, подошвы ног - терками. Волосы мыли желтком яйца, а белком обмазывали веки вокруг глаз для удаления морщин. Использовали вместе и порознь парфюмерию и питательные масла. Чего-либо похожего на ванну, где купальщица могла сидеть и мыться, не было - стоячей водой брезговали, но во всех стенах были установлены медные краны, из которых текла горячая вода в маленькие мраморные раковины. Оттуда водой плескали на тело небольшими медными чашами, которые приносили с собой. В бане носили башмаки на высокой деревянной платформе, иногда с перламутровыми вставками или прекрасным орнаментом из серебряных нитей, чтобы не поскользнуться на влажном мраморном полу. Считалось, что темные углы бань были особенно удобным убежищем для завистливых джиннов, в связи с этим принимались необходимые меры предосторожности.

Если женщины ходили в баню большими семейными группами, то мужчины, посещавшие ее чаще, приходили в одиночку или в компании одного-двух друзей. Посетитель входил в баню с бельем и банными принадлежностями, которые были уложены в платок, завязанный сверху узлом, и садился на диван покурить, дожидаясь вызова массажиста, который помогал мыться, делал массаж и растирания. Менее состоятельные посетители не пользовались услугами парикмахеров, массажистов и банщиков, служивших там, но покупали средства для бритья у розничных торговцев рядом с входом в бани и сами удаляли свою щетину. Имелись также уличные парикмахеры, теснившиеся у бань, которые стригли и подравнивали волосы и бороды, пока клиенты сидели на принесенных с собой маленьких складных стульчиках. В банях царил атмосфера расслабленности и спокойствия, хотя были и такие, особенно в городах, которые пользовались дурной славой. Некоторые из них были предназначены для неверных, в другие же их впускали по определенным дням и часам, назначенных смотрителями рынков. Лезвия, полотенца и другие банные принадлежности хранились отдельно от тех, что предназначались для мусульман.

Хождение в гости семьями представляло собой еще одну отдушину, особенно для женщин. Гостили долго, целый день. Мужья препятствовали этому очень редко. Женщины ходили в гости в сопровождении служанок. Если им приходилось идти пешком, считалось неприличным глазеть на них. Во время пребывания в гостях делились новостями и обменивались последними сплетнями, говорили о детях, обсуждали предстоящие браки, оценивали приданое, уничтожали немало сладостей, фруктов и напитков.

Выезд на пикник, как правило, вместе с детьми и часто с хозяином дома также занимал весь день. Иногда в Стамбуле поездка совершалась по воде, для чего нанимали один каик или несколько, доставлявшие участников пикника в излюбленные места отдыха на берегу Босфора или бухты Золотой Рог. Часто выезжали на лошадях и мулах, а женщины - сидя в большом крытом кузове, который везла пара волов. К рогам этих животных крепились две деревянные арки с подвешенными на них красными войлочными кисточками. Как бы ни было жарко, кузов плотно загораживали, чтобы укрыть женщин от взглядов посторонних. В месте пикника женщины и малые дети, как и дома, размещались в стороне от мужчин, например по другую сторону от фонтана, слуги и девушки распаковывали узлы с продовольствием. Но сколько бы ни брали с собой пищи, всегда прикупали и у розничных торговцев, собиравшихся вокруг, разные деликатесы: рисовое желе, политое розовой водой и разделенное на подносе на квадратные порции медной лопаточкой, фруктовый суп с кусочками льда, плавающими на поверхности, рахат-лукум или шербет, который наливали

через горлышко кувшина, забитое снегом. Играли странствующие музыканты, звонкими голосами переговаривались женщины, а мужчины снисходили до того, что играли на людях с детьми, ибо ничто так не располагало турка к раскрепощению и наслаждению жизнью, как созерцание природы.

Многих богатых женщин, пожелавших купить какой-либо особый товар, навещали на дому лавочники и торговцы. Посредники, посещавшие богатые дома по поручению ювелиров, торговцев шелком и мехами, оказывались весьма полезными, поскольку хорошо знали потребности семей. В редких случаях покупки совершали сами женщины, выходявшие в сопровождении своих служанок и евнухов. Поскольку это бывало чрезвычайно редко, женщины не отказывали себе в удовольствии перерыть магазин вверх дном ради каких-нибудь шлепанцев или любой другой мелочи.

Но куда бы женщина ни выходила, одна или в сопровождении мужчин, к закату она всегда была дома. Нельзя было и вообразить, что она останется на улице с наступлением темноты.

Женщинам из бедных семей оставалось меньше времени скучать, поскольку они были заняты домашней работой: шили одежду для всех членов семьи, готовили пищу, занимались с детьми, а в сельской местности выполняли также полевые работы.

Семейные вечеринки, особенно когда приходили гости, проводились в торжественной обстановке. Женщин, как всегда, принимали отдельно, на женской половине. Там хозяйка, другие женщины семьи и гости сидели на диване и матрасах, слуги размещались ниже порога, делившего приемную, а старшие служанки - у стены рядом с дверью. Вечеринка проходила за разговором, чтением или вышиванием. Когда старшая служанка приносила сладости, шербет, свежие и сушеные фрукты, все женщины принимались за еду, однако служанки сидели немного поодаль и старались есть поскромнее. Вечеринки на мужской половине проходили за серьезным разговором, слуги стояли молча вдоль стен, скрестив руки на груди.

Отношение членов семьи к слугам и рабам было вполне гуманным, но эти отношения подчинялись общепринятым правилам, особенно в официальной обстановке и в присутствии посторонних. Статус слуг был различным. К высшей категории принадлежали беслеме. Это девочки-воспитанницы - а детей на воспитание брали из соображений благотворительности, что было нередко. Воспитанником был ребенок из бедной семьи, взятый на воспитание в более удачливую, а то и богатую семью. Хотя теоретически с девочкой следовало обращаться как с приемной дочерью и подыскивать ей мужа, фактически она становилась уважаемой, но неоплачиваемой служанкой, примерно как калфа - прислуга, сидящая за порогом. Другим слугам в доме - поварам, конюхам и швейцарам - разрешалось прекращать службу, когда пожелают, хотя обычно они сохраняли преданность семье. С другой стороны, рабов можно было купить, продать, нанимать, давать займы или дарить. Вдобавок к своим четырем законным женам мужчина мог, например, иметь столько рабынь-наложниц, сколько хотел, хотя его права не распространялись на рабынь жены. Если наложница зачала ребенка от хозяина, ее нельзя было продать или выгнать, и если он не давал ей немедленно свободу, то она жила в доме хозяина до самой его смерти. Ребенок, если хозяин признал его своим, - а так он обычно и поступал, - сразу становился свободным. Хозяину не разрешалось жениться на какой-нибудь из своих рабынь, хотя он мог сочетать браком своих рабов или рабынь с другими рабами или вольными людьми. Нередко сообразительному и преданному рабу, освоившему хозяйские дела, отдавали в жены хозяйскую дочь и принимали его как полноценного зятя. Все служанки и рабыни были включены в гарем и находились под присмотром матери хозяина, которая пресекала все дразги и интриги, которые неизбежно возникали. Слуги-мужчины жили на мужской половине дома и обычно спали в той одежде, которую носили и днем, на матрасах, расстеленных в малых комнатах вокруг дворика. В плохую погоду укрывались плащами или одеялами. Только самые богатые семьи позволяли себе иметь евнухов, которые свободно входили на обе половины дома.

Если не считать праздников, повседневная пища в турецких домах была проста, а пили обычную воду. На еду отводилось немного времени. Когда не было гостей, хозяин дома иногда предпочитал принимать пищу вместе с женой и детьми в гареме, его обслуживали первым либо жена, либо слуги. Члены семьи стояли рядом с ним, и ни один из них не садился и не принимался за еду без разрешения главы семьи. В еде соблюдалось запретов не много, но очень строгих. Запрещалось есть мясо животного, которое не было забито по правилу: «Во имя Аллаха». Забивание этого животного следовало начинать с головы: перерезав дыхательное горло, глотку и сонную артерию. Запрещалось есть мясо погибших животных или свинину.

Завтрак, совершавшийся рано утром после молитвы на заре, для бедных состоял из куса лепешки, творога, оливок, а в холодную погоду - супа. Богатые люди ели лепешки с сыром, фруктами, вареньем и соленья, пили чай. После полудня готовили ужин, а для домашнего обеда использовали остатки пищи предыдущего дня. Бедняки сдобривали черствый хлеб большим количеством лука и чеснока, они также употребляли в пищу головы, рубец и потроха животных, забитых для богачей. Содержимое супа составлял главным образом рис и большое количество дешевых овощей. Недорого стоили и широко употреблялись молоко и кумыс. Все это быстро съедали вечером по возвращении с работы. Ремесленники и подмастерья, которые не могли забежать домой на обед, брали с собой немного халвы или кусок лепешки с луком, завернутые в платок. В полдень все это и простая вода служили им обедом. Те, кто посылали за пищей в харчевню, ели жаркое с рисом, молочные блюда, такие, как рисовый пудинг, либо сладкий творог с мускатным орехом и сливки, купленные у розничного торговца, который держал на голове поднос с чашами, наполненными подобными лакомствами.

В домах состоятельных людей, особенно когда приходили гости, на ужин подавали несколько блюд с пловом, супы и жаркое, быстро сменяя одно другим. Перед едой умывались, промывая особенно правую руку, потому что ею брали пищу. Поднос с едой ставили на низенький столик, на котором уже лежали ложки и металлические тарелки, а также большие плоские лепешки, заквашенные или приготовленные без закваски, их тоже использовали как тарелки и съедали в конце ужина. Все садились на пол, вокруг подноса, правое колено ставилось вертикально, левое лежало на полу. Таким способом вокруг круглого столика в три фута шириной могли усесться не менее двенадцати человек. Рукав правой руки закатывали до локтя, висящий конец подтыкали внутрь; было принято пользоваться индивидуальными салфетками или сообща длинным узким полотенцем, лежавшим на коленях у сидящих. Хозяин дома произносил: «Бисмилля», то есть «с Богом» - и трапеза начиналась. Ложки использовали только для супа и других жидких блюд, вся остальная пища подбиралась пальцами, поэтому готовилась кусочками удобного размера, а большие куски мяса животных и птицы подавали на костях и готовили таким образом, чтобы куски нужных размеров легко отделялись. При еде риса небольшое количество его брали с блюда, захватив щепотью, слегка спрессовав в комок, и отправляли прямо в рот. Воду, а порой шербет пили после еды. Прием пищи требовал соблюдения этикета: пальцы никогда не облизывали, не допускались отрыжка и чавканье. Затем мужчины снова мыли руки под струей воды, которую супруга или слуга лили из высокого кувшина в медный тазик с перфорированной крышкой.

Турки, да и пожалуй, все мусульмане, очень любят сладости, но никогда их не едят вместе с обычной пищей, за исключением тех случаев, когда накрывался свадебный или банкетный стол. Для приготовления сладостей использовались мед и меласса, вываренный до густоты меда виноградный сок, называемый «бекмес»; ароматические вещества также служили для приготовления десятков сладких блюд и кондитерских изделий, подаваемых порой под толстым слоем крема и потребляемых в любое время дня как мужчинами, так и женщинами.

В крупных семьях продовольствие заготавливали по сезону. Обильные запасы делали на осень: сезонное масло, лук, мед и бекмес, консервированное мясо и рыбу, маринован-

ные огурцы и варенья, фруктовые соки, рис, пшеницу и муку, орехи и сухофрукты, сыры. Курдючные овцы давали жир для приготовления пищи, так же как масло для ламп. Во дворах ставили корзины с дровами для печек и складывали корм для скота. Весной и летом в Стамбуле и других городах, куда со всех концов империи поступали многочисленные и дешевые товары, появлялось большое разнообразие свежих фруктов, овощей, зелени. В сельской местности разнообразие продуктов определялось качеством местной почвы и уровнем развития сельского хозяйства, равно как невзыскательностью и непряхотливостью к еде населения.

Независимо от достатка семьи гостеприимство считалось священным долгом, пусть даже в отношении нежданного гостя. Предлагались самые лучшие блюда и напитки, какими только располагала семья, а также постель и ночлег, если пребывание гостя продлевалось. Пока гость находился под крышей дома хозяев, выполнению его потребностей и желаний придавалось первостепенное значение. Если уезжавшему гостю предстоял длительный путь, на дорогу его обеспечивали едой.

Случайные посетители, независимо от степени знакомства с семьей, никогда не входили в дом без объявления своего имени или произнесения фразы: «С вашего разрешения», «Дестур» - с целью предупреждения женщин о своем приходе и необходимости им удалиться в гарем. Определенный этикет был характерен для общения представителей всех сословий, он строго соблюдался даже в приветствиях. Так, верховой первым приветствовал пешего, идущий по улице человек приветствовал сидящих или стоящих людей, малая группа людей первой приветствовала большую, молодой - старшего по возрасту, входящий в дом - его обитателей. Между мусульманами было принято приветствие: «Мир вам», в ответ звучало: «И вам мир, милость и благословение Аллаха». При этом правая рука касалась груди или поднималась к губам и лбу. В семейном кругу сын целовал руку отца, жена - руку мужа, раб, слуга - руку хозяина; они целовали либо рукав, либо край одежды почитаемых лиц в знак безграничной покорности.

Соблюдение этих и многих других правил поведения придавало некую торжественность общению людей, воспитательное значение этих норм в сочетании с врожденной гуманностью турок порождали достоинство и особый стиль их семейной жизни.

Глава 6

ГОД ЖИЗНИ

Сутки у турок делились на два двенадцатичасовых периода и начинались с захода солнца. Следовательно, через час после заката начинался часовой отсчет ночного времени, а через 12 часов заканчивалась ночь. Затем начинался отсчет дневных часов, включая двенадцатый час заката. Год включал 354 дня, состоял из 6 лунных месяцев по 30 дней и 6 месяцев по 29 дней. Это означало, что лунный год был на 11 дней короче солнечного и в каждом сезоне были события, повторявшиеся каждый год на 11 дней раньше. Первым годом по мусульманскому календарю считается 622 год после Рождества Христова, год хиджры пророка, его бегства из Мекки в Медину. Ежегодно издавались календари для всеобщего употребления: длинные, узкие свитки вощенной бумаги, поделенные на колонки с обозначениями часов молитв, солнечных, лунных месяцев и дней, фаз луны, времени восхода и захода солнца, а также содержащие такую специфическую информацию, как даты греческих праздников. Кроме того, в календарях содержался перечень удачных и неудачных дней для занятий каким-либо делом. Например, в 1593 году 9 сафара - второго месяца лунного календаря - было благоприятным для приглашения людей на обед, 12-е число того же месяца не сулило удачи в подаче прошения султану, 16-е - считалось неблагоприятным для путешествия, а 18-е - для покупки лошадей. Однако стиль и ритм жизни турок ре-

гулировались главным образом чередой религиозных и светских праздников, а также временами года, диктовавшими определенные задачи и сулившими определенные блага. Даже рабочий день делился часами молитв, которые служили для большинства людей ориентирами во времени. Трудовой год в жизни человека мог быть прерван семимесячной отлучкой на паломничество. Могла вернуться из похода армия для помощи в уборке урожая. Эти события давали ободряющее ощущение незыблемости жизненных устоев.

Год начинался с месяца мухаррам, и без особых торжеств. Люди одного возраста обменивались приветствиями, молодые целовали руки старшим, которые одаривали первых монетами на счастье. Однако на первые 10 дней мухаррама выпадали также священные дни, а десятый день был особенным - тогда оплакивали смерть мученика Хусейна и ели специальное блюдо под названием ашура. Для приверженцев суннитской ветви ислама это блюдо готовилось из 7 составных частей, а для шиитов - из 12. Но в любом случае оно включало орехи, изюм, сухофрукты, варившиеся вместе с крупой. Количество ингредиентов имело мистический смысл, это было связано также с теми скудными запасами, которые обнаружил Ной после благополучной высадки под радугой и которые смешал для праздничной трапезы. В течение этих 10 дней слепые нищие, бродившие по улицам, получали особенно щедрую милостыню.

Следующим большим событием, которого всегда ждали, было возвращение в начале первого рабби - третьего месяца лунного календаря - паломников из Мекки. Хотя бывало, что они возвращались и раньше положенного срока, а иногда позже, все же из соображений безопасности паломники обычно старались держаться вместе и вернуться в одно время. Обычно их встречали друзья и родственники, целовали им руки и сопровождали домой. Все стремились получить у паломника благословение и заступничество, а прохожий на улицах просил хаджи прикоснуться к нему и сказать: «Да простит Аллах». Дома украшали, дверь паломника красили в зеленый цвет, а на пороге дома читались молитвы благодарения в благочестивой надежде на то, что и другие смогут совершить благословенное путешествие. На другой день после возвращения святая вода из колодца Земзем, которую паломник принес с собой, выставлялась в самом прекрасном сосуде, имевшемся в доме. Когда приходили гости поприветствовать паломника, им предлагали небольшие порции еды, в частности маленькие квадратные кусочки теста, погруженные в густой сироп, поэтому обычно одна из женщин не отходила от печки. Празднество продолжалось три дня, в течение которых женщинам и друзьям паломника раздавали скромные подарки, привезенные из святых мест: краску для век в маленьких пакетиках из красной коры алоэ, кольца и брелоки, крохотные брикеты чудодейственной земли Мекки. Гости приходили также справиться о паломниках из своих семей, которые еще не вернулись, - ведь немало людей погибало в пути. Группа паломников, возвращавшаяся в Стамбул, привозила с собой письмо с приветствием султану от зрителя Мекки, который являлся верховным представителем семьи пророка. Письмо вручалось великому визирю в обстановке особой торжественности, с тем чтобы он зачитал его в мечети в присутствии султана во время празднования дня рождения пророка.

Вскоре, на 12-й день первого рабби, отмечали религиозный праздник.

В течение года, помимо нескольких священных дней, которые праздновали с большим воодушевлением и размахом, отмечались 7 священных ночей, требовавших искренних молитв и глубокого религиозного чувства, а напоминал о них лишь свет внутри мечетей и галерей минаретов. Первая из этих ночей была накануне дня рождения пророка; следующая - на первый четверг реджеба, седьмого месяца по лунному календарю, когда у него зародился замысел мусульманского учения; далее, на 27-ю ночь месяца, годовщину чудотворного вознесения пророка на небеса и возвращения на землю. Затем следовала 15-я ночь шабана - восьмого месяца по лунному календарю. Это была Ночь прощения, когда ангелы, ведущие учет, подсчитывали всех живых людей, а ангел смерти начинал новый список, куда заносились имена тех, кому было суждено уйти из жизни в течение года. Наиболее страшной и таинственной считалась Ночь власти, 27-я ночь девятого месяца по лунно-

му календарю, Рамадана, когда отмечалось открытие Аллахом Корана Мухаммеду и когда вся природа, одушевленная и неодушевленная, славилла Аллаха. Лишь немногие верующие не принимали участия в ночных молитвах. По всей стране в больших соборных мечетях Стамбула и в самой захудалой деревеньке тысячи мусульман раскачивались, становились на колени и произносили молитву в едином порыве. Существовало поверье, что в эту ночь происходило предначертание судеб истинно верующих на следующий год. Последняя ночь Рамадана накануне Курбан-Байрама, который выпадал на 10-й день Зуль-Хиджжа - двенадцатого месяца лунного года, - также проводили с большим религиозным рвением. В эти семь ночей мужчинам запрещалось посещать гарем, лишь в Ночь власти султан навещал избранную наложницу, и, если в результате происходило зачатие ребенка, это считалось символом славы и процветания дома Османов.

В течение 7-го месяца все, кто намеревались принять участие в паломничестве, собирались в пунктах отправления. Самая большая в Турции партия паломников покидала Стамбул 12 реджеба и перед отбытием совершала церемониальный обход вокруг города. Султан был представлен в сообществе паломников доверенными лицами. Он посылал с ними ценные дары, частью в качестве пожертвования священным городам на обеспечение бедных, частью чтобы откупиться от свирепых бедуинских племен, встречавшихся на пути паломников. На передней луке седла своего коня посланец султана вез зеленый сундук с золотой инкрустацией, в котором хранился шелковый мешочек с посланием, содержащим поздравления и приветствия смотрителю Мекки. В составе каравана двигались два священных верблюда древнего происхождения, которых не использовали для работ в течение оставшегося времени года. Первого верблюда покрывали роскошной попоной, на спине он нес высокий паланкин, махмуд, который направляли в Мекку как символ политической власти султана. Животное драпировали богатыми тканями, почти полностью его скрывавшими. Второй верблюд нес только седло, обтянутое зеленым бархатом с вышивкой серебром. Оно напоминало форму седла самого пророка. В толпе, наблюдавшей процессию, царил большое оживление: мужчины повторяли: «Аллах, Аллах», люди попроще низко кланялись, когда караван проходил мимо. За верблюдами следовала группа пастухов и помощников, а также сотни вьючных животных, груженых ценностями и припасами, тентами и шестами для палаток, в которых укрывали по ночам махмуд и послание султана. Паломников сопровождал большой оберегавший их военный эскорт, из состава которого ежегодно пополнялись гарнизоны крепостей, встречавшиеся на пути. Когда караван завершал обход, все отставшие из тех, кто обеспечивал свои семьи всем необходимым и заранее подготовился к паломничеству, прощались со своими близкими, друзьями и присоединялись к процессии, которая петляла по городу до Сиркеджи, перебиралась на азиатский берег в Ускюдар и начинала долгий путь в Мекку.

Хотя Ночь власти превосходила по святости многие другие события, празднование Рамадана шло в течение целого лунного месяца Рамадана и считалось наиболее серьезным испытанием для верующих. В нем сочетались торжественность соблюдения религиозного обряда, суровая самодисциплина и переживание необычных ощущений в часы расслабления. Кроме поста и молитв, занимавших целые дни, в Рамадан соблюдался ряд других религиозных обрядов. Например, на 15-й день султан и высшие государственные сановники отдавали почести реликвиям пророка - его боевому штандарту, мантии, клоку волос из бороды, следу ноги, отпечатавшемуся на скале, и двум зубам. Церемония выноса и демонстрации этих реликвий, их прославление совершались после полуденной молитвы. Она считалась важным событием для верующих, хотя и происходила в благочестивой приватной обстановке. Во вторую половину празднования Рамадана другие реликвии, хранившиеся под присмотром смотрителей, выставляли на обозрение людей, а часть денежных подношений верующих использовали на содержание гробниц святых. В этом месяце отмечалось также несколько светских событий: на другой день после Ночи власти в Стамбуле открывали склады, где хранились ткани, и приходили командиры 162 рот янычар вместе со своими солдатами. Там под наблюдением командующего корпусом янычар, нескольких ага и

интендантов янычары проходили маршем с таким расчетом, что каждая рота получала в свое время определенное количество муслина для тюрбанов и батиста на рубашки, а также отрезки голубой ткани из Салоник, которые шли позднее на пошив военной формы у портных двух государственных мастерских.

Священному месяцу предшествовали приготовления, которые держали всю семью в большом напряжении. Кладовки домов наполняли продовольствием, его заготавливали даже самые бедные люди, а в богатые дома нанимали дополнительную прислугу. Днем пост обычно прерывался приемами разнообразной пищи. Порой это была горсть изюма, порой - глоток абрикосового концентрата, разбавленного водой. Но первый ужин после поста представлял собой настоящий праздник чревоугодия, а объявление на закате посредством барабанной дроби, пушечного выстрела или возгласа муэдзина вечерней молитвы и окончания дневного воздержания от пищи являлось также сигналом для начала домашних или общественных вечерних пиршеств, какие не совершались ни в одно время года.

Рамадан был исключением также в смысле ночного пребывания дома. Каждую ночь месяца минареты и улицы освещались огнями ламп, открывались кофейни, и, поев, люди гуляли по улицам, наслаждаясь всеми удовольствиями, которые могла предоставить ночная жизнь в это время года. Некоторые развлечения носили религиозный характер, наиболее популярны были цитирования на память Корана знаменитыми хафизами (ораторами, знающими Коран наизусть), которые занимались этим по очереди всю ночь. Богатые семьи нанимали их по случаю Рамадана, и хафизы демонстрировали свое искусство обычно во двориках дворцов и особняков. Двери повсюду держались открытыми, и любой прохожий мог присоединиться к слушателям хафиза по своему желанию, присев на корточки на полу или на одну из низких скамей, поставленных вдоль стен. Там при неровном свете факелов, поглощенные торжественностью стихов Корана, сидели бок о бок солдаты, носильщики, нищие, паши, беи и представители высшего духовенства, равные в своей причастности к великой Книге.

Из числа развлечений, вызывавших гораздо меньшую экзальтацию, не было, вероятно, зрелища более популярного, чем ночные увеселения Рамадана в виде представлений театра теней - Карагез, - которые происходили как в кофейнях, так и в домах богачей. Своего Карагеза имел каждый квартал, а создание марионеток и манипулирование ими требовали большого искусства. Мастера в этом деле узнавали по количеству кисточек, свешивавшихся посередине его ширмы, а главу цеха артистов театра марионеток выбирали среди тех, кто располагал правом вывешивать семь кисточек. Из них же выбирали тех скоморохов, которые давали представления перед султаном. Ведь Карагез был популярен не только в кофейнях, но и во дворцах.

Карагез представлял собой раскрашенные фигурки высотой 15 дюймов и промасленные, чтобы просвечивали. Лучшие изготавливали из шкуры верблюда, которая меньше деформировалась, но использовали также лошадиные и телячьи шкуры, хотя они были менее проницаемы и менее удобны. Главными героями представлений были Карагез и Хадживат, образы простого, но плутоватого человека с улицы и его образованного, важничавшего собеседника. Но встречалось и много других персонажей, изображавших в карикатурном виде представителей разных народностей, профессий и религий. Фигурки были сборными, голова, шея, руки, талия и ноги держались на вощеной нити, ими манипулировали, стоя позади, при помощи прутьев, которые держали между пальцами. Полные наборы всех фигурок, требовавшихся для представления, выставлялись на продажу в лавках ремесленников, их изготавливавших. Фигурки подвешивали на нити, продетой сквозь глаза. Задники и декорации, иногда представлявшие собой чрезвычайно сложные объекты, такие, какдвигающиеся корабли, раскачивающиеся пальмы, изгибающиеся драконы, изготавливали сборными и с большим искусством. Театр Карагез состоял из трехстороннего балагана, закрытого занавесом с изображениями веток и роз. Далее его составной частью была ширма из белоснежной хлопчатобумажной ткани размером примерно три на четыре

фута, выставленная перед занавесом. Позади ширмы на деревянной полке стоял большой железный или медный тазик с толстым фитилем из ваты. Внутри тазик был окольцован тяжелой цепью для поглощения жара. Представлению предшествовала музыкальная интермедия, которую исполнял оркестр из двух-трех человек, сидевших у подножия несколько приподнятой сцены и игравших, пока приходили и рассаживались зрители. Каждую марионетку и тему пьесы сопровождали соответствующие мелодии, повторявшиеся музыкантами оркестра. Когда артист-манипулятор считал, что наступило подходящее время, он зажигал масляную лампу, что служило сигналом для привлечения внимания аудитории. Когда же появлялась цветная тень дрожащего фруктового дерева, ведьмы, богатыря, сцепившегося в схватке с чудовищем с семью головами, корабля с полным парусным вооружением или всадника, скачущего через сцену, все замолкали. В дополнение к манипулированию фигурками артист озвучивал их роли разными голосами, пел песни, производил разные шумовые эффекты. В старые, знакомые, всеми любимые сюжеты он вносил новые комические реплики иногда актуального, иногда местного характера, включал множество непристойностей и грубых шуток. Для женщин и детей давали представления более спокойного характера, а в других случаях они наблюдали за представлением из-за занавесок или ширм, если помещение позволяло это.

Существовал также обыкновенный театр, который выступал под открытым небом. Очищали площадку 25 на 30 ярдов и посередине устанавливали небольшую сцену. Вокруг располагались зрители, на корточках или стоя. Недалеко от входа занимал место небольшой оркестр, под музыку которого танцевали вокруг сцены второстепенные персонажи спектакля для развлечения ожидавших представления зрителей. Появление каждого персонажа на сцене оркестр сопровождал характерной мелодией. Музыканты играли и в перерывах между отдельными актами пьесы, хотя в действительности перерывов не было, актеры оставались на сцене, притопывая ногами в такт музыке. Сцена всегда состояла из низкой ширмы, перед которой ставилось кресло, если изображалось торговое помещение, и более высокой двусторонней ширмы, использовавшейся для других сцен. Разумеется, не было исполнителей-женщин, все женские роли, как правило менее важные, исполняли мужчины. Тематику пьес все хорошо знали, так же как и двух главных героев, Пишекара - умудренного опытом человека, обычно также искусного в проделывании фокусов, и Кавуклу - комика, пересказывавшего разные истории или сны. Эти персонажи затем начинали представление, постоянно сопровождавшееся комическими танцами, ужимками, намеками на текущие события, грубыми шутками. Всегда изображались в карикатурном виде тучные фигуры, деревенщина, хитрые евреи или армяне, простодушные иностранцы, а также чрезмерная рафинированность высшего сословия османского общества. Понятно, что эти театры имели огромное число почитателей, хотя они не вызывали такого всеобщего одинакового интереса сословий, как Карагез. У греков и армян был свой репертуарный театр, и, поскольку у них не было запрета на исполнителей-женщин, которые пели и танцевали на сцене без чадры, их постановки тайком посещали турки, их поражали обнаженные лица женщин.

Во время Рамадана показывали представления не только Карагез и репертуарный театр - мимы и профессиональные сказители были распространены еще больше, но они тоже работали по ночам. Менее популярные странствующие сказители ходили по деревням или давали представления на общественных площадях. Обычно они сидели на табуретке, укрытой подушками, которая стояла на невысоком подиуме в какой-нибудь кофейне или в помещениях, где посетителям подавали бузу, а в теплую погоду усаживались просто у стен домов. Владельцы кофеен платили им небольшую сумму денег за привлечение клиентов. Помимо тех, кто жертвовали деньги сказителю в ходе его продолжительного пересказа разных историй, на представление допускались и люди, не имеющие денег на покупку кофе или другого напитка. Они садились в уголке кофейни и слушали. Перед сказителем на небольшом столике лежали шарф или палочка, считавшиеся символами его профессии. Иногда сказитель сидел в обществе музыкантов, которые сопровождали чтение

его стихов музыкой, играли прелюдии к его рассказам или заполняли паузы. Порой сказитель сам сопровождал музыкой на однострунном инструменте свой рассказ. Одни сказители громко читали текст из книг о легендарных мусульманских героях, другие цитировали истории из этих книг наизусть, третьи, особенно сказители из Эрзерума, рассказывали истории из героического эпоса, услышанные от своих предшественников, сопровождая себя на музыкальных инструментах. Четвертая группа сказителей, из Стамбула, исполняла фольклорные произведения или традиционные предания, причем на разные голоса, имитируя и женские. Иногда они делали перерыв, заполнявшийся музыкой. Отдохнув и подготовившись продолжать рассказ, они откладывали в сторону музыкальные инструменты и били по столу своей палочкой, требуя от аудитории внимания.

Наиболее популярным героем народных сказаний был Ходжа Насреддин, имам XIII века, учитель и доморощенный философ, которому приписывают авторство многих турецких шуток. Вот типичная история, которую обычно рассказывали на голоса, с соответствующими восклицаниями и стоном. Однажды ночью Ходжу Насреддина разбудили выкрики двух мужчин, спорящих перед его домом. Ходжа накрылся одеялом и выбежал наружу разнять спорщиков, начавших уже угощать друг друга тумаками. Однако те, разозлившись на вмешательство постороннего, нещадно избили Ходжу Насреддина и удалились в конце концов с его одеялом. Охая и стона, Ходжа Насреддин вернулся с несчастным видом в свою комнату, а его жена спросонья поинтересовалась, о чем был спор. «Очевидно, о моем одеяле, - ответил Ходжа Насреддин, - потому что они забрали одеяло и прекратили спорить». Или другая история: Ходжу Насреддина пригласили на семейное торжество, но, когда он пришел в простой одежде, другие гости стали насмехаться над ним, а слуги обращались весьма непочтительно. Ходжа Насреддин быстро вернулся домой и затем снова появился в гостях в роскошном халате. Тогда его встретили с большой предупредительностью и усадили на почетное место. После этого Ходжа Насреддин зачерпнул ложку супа и стал медленно выливать ее содержимое на свой халат, приговаривая: «Ешь, мой халат, ешь! Тебя, а не меня пригласили сюда». О Ходже Насреддине рассказывали тысячи историй, но даже самые старые из них выглядели свежими благодаря способностям и талантам рассказчиков.

Некоторым из выдающихся скоморохов, имевшим высокие заработки, одинаково удавались и манипулирование в Карагезе, и имитации, и декламации, и практически все виды сценического искусства.

Весьма популярны были танцоры, мальчики и девочки, которые принадлежали к конкурирующим труппам и занимались развлекать публику в общественных кофейнях или частных домах. Танцоров обоего пола называли одинаково - ченги, но мальчики пользовались большим спросом. Они носили длинные локоны, одевались как девочки и допускали во время танца непристойные движения. Ритм отбивали щелканьем пальцев или ударами друг о друга небольших подсобных инструментов, таких, как пара деревянных ложек или палочек. Восхищенные зрители плевали на монеты и приклеивали их к лицам, особенно лбам танцоров, кружившимся около них. Некоторые из этих мальчиков становились чрезвычайно знаменитыми и были объектами завистливого соперничества в тавернах со стороны янычар. Когда мальчишки выросли и на их подбородках начинала пробиваться борода, они бросали танцы и становились барабанщиками или обучали новых танцоров, что было для последних серьезным испытанием. Некоторых учили точным движениям головы, рук и ног, подвешивая к потолку в корзинах, которые быстро вращали, чтобы адаптировать танцоров к вращательным движениям. Других учили пантомиме, искусству выражать в танцах таких персонажей, как сборщики налогов и уличные торговцы. Более квалифицированные труппы усиленно натаскивали для выступлений перед избранной аудиторией, группа мальчиков из их числа выступала в серале. Девочки тоже исполняли возбуждающие танцы: они становились на колени, выгибались, не прекращая ритмических движений, до тех пор пока их головы не касались пола. Восторженные зрители приклеивали и к их лбам монеты. Однако эти представления, как правило, предпочитали зрители с

невзыскательным вкусом. Среди танцоров имелось немало греческих, армянских, еврейских и цыганских трупп. Они так соперничали друг с другом, что возникали уличные скандалы, порой производившие безобразное впечатление, порой забавлявшие любителей вульгарных зрелищ.

Весьма популярными были трехчасовые представления, которые давали не в самых крупных городах. Они представляли собой просто игру на музыкальных инструментах и пение, а порой танцы мальчиков и девочек, включая исполнителей в масках и раскрашенных колпаках. Еще одна разновидность представлений строилась на декламации стихов, шуточных номерах и пародировании. Чаще всего в представлениях сочетались музыка, танцы и театральная драма, во всех случаях они сопровождались благодарственными молитвами.

На улицах появлялось множество балаганов, предлагающих массу удовольствий. Заклинатели змей, большинство из которых были дервишами, не только ели скорпионов и змей, но также демонстрировали, как они носят этих тварей на своих головных уборах, надетых на обритые головы. Особой популярностью пользовались предсказатели судьбы. Представители низших сословий предпочитали метод с использованием провидцем эскиза какого-нибудь легендарного героя или мифологического персонажа. В ответ на вопрос клиента провидец углублялся в изучение эскиза. Когда к нему приходило откровение, он излагал его посредством забавных куплетов. Использовался и другой широко распространенный метод, принятый больше в восточных провинциях. Левую ладонь мальчика-подростка, сложенную чашей, наполняли чернилами, в которые провидец смотрел, не отрывая взгляда, до тех пор пока под воздействием, вероятно, самовнушения он не начинал говорить каким-то чужим голосом, предсказывая клиенту судьбу или рассказывая о событиях, происходящих в данный момент далеко отсюда. Некоторые прорицатели имели в своей сумке из оленьей шкуры простые предметы: несколько раковин, осколки цветного стекла, мелкие монеты или бобы. Они вытряхивали содержимое сумки на землю и читали будущее, исходя из упавших в произвольном порядке предметов: форм или их расстояния друг от друга. «Прорицатели» прибегали также к отбиванию ритма пальцами или ногой. Кроме того, имелось немало шпагоглотателей, поглотителей огня, магов, фокусников и акробатов, которые появлялись близ мест летних пикников, карабкаясь вверх по шесту, смазанному маслом, или перебираясь по туго натянутому канату через реку. Они могли развлекать публику и во время какого-нибудь другого праздника, например в связи с обрезанием, но и во время Рамадана.

Однако после ночных развлечений, равно как и перед утренней молитвой, дробь барабанов напоминала верующим о наступлении времени, когда следовало принять пищу в последний раз. Обычно это было блюдо из риса, называемое плов, который долго переваривался и поддерживал силы людей на время дневного голодания.

С молитвой на заре начинался следующий день воздержания и торжественного соблюдения поста. Часто к концу месяца психика людей не выдерживала тягостного самоконтроля и недостаточного сна. Друзья ссорились между собой, чаще возникали уличные потасовки, а окончание Рамадана, узнаваемое по новолунию, вызывало всеобщее облегчение. В ночь новолуния снова мечети заполнялись верующими, совершающими благодарственные молитвы. Следующий день праздновался с особым энтузиазмом, состоятельные люди становились щедрыми на милостыню. Мусульмане надевали и носили с гордым видом новые одежды, припасенные еще в начале Рамадана, и обменивались визитами. Делались подарки в виде лакомств, которые заворачивали в платки с блестками, и не случайно этот день назывался «сахарным праздником» и считался самым радостным в году. По всей империи на площадях и в парках, на воде и на суше происходили празднества и развлекательные мероприятия. Самым распространенным из них было метание дротиков, лишенных острия, которое осуществлялось командами всадников. Цель состязания состояла в метании пик десяти футов длиной, так чтобы попасть в голову или спину представителей соперничающей команды и выбить их из седла. Такое состязание пользовалось большой

популярностью в провинции, где яростно соревновались посланцы деревень и племен на виду у зрителей, следивших за состязанием сквозь клубы пыли и бурно выражавших свой восторг.

Стрельба из лука считалась национальным видом спорта, победители становились народными героями. Демонстрация мастерства стрельбы из лука привлекала зрителей из самых отдаленных мест. Состязание заключалось в стрельбе на дальность полета стрелы, рекорды увековечивались памятными стелами. Также имела место стрельба по таким мишеням, как бутылки, поставленные на определенном расстоянии, зеркала, фонари или золоченое яблоко, помещенное на высокой мачте. Другой зрелищный вид состязания состоял в выпуске стрелы из лука и подхватывании ее рукой после падения на землю или в скорострельности. Поскольку турецкие лучники, в отличие от пеших лучников пехоты западных стран, стреляли сидя верхом на лошади, они пользовались короткими луками из Центральной Азии. Эти виды состязаний, наряду с такими, как борьба соперников, натиравших свои тела маслом, размахивание булавами, поло, фактически были способами военной подготовки. Они способствовали проявлению боевых качеств людей на полях сражений. До начала XVI века турки скакали на выносливых татарских лошадях, однако вскоре стали появляться и быстрые арабские скакуны. За этими лошадьми ценной породы следили конюхи из числа арабов или берберов, а торговля лошадьми почти целиком находилась в руках цыган, которые представляли собой один из богатейших слоев населения в империи.

Охотничьи состязания были крайне популярны, хотя добывание дичи продолжалось практически весь год, как для заготовки продовольствия, так и ради спортивных достижений. Крупных зверей ловили капканами и отсылали в города откармливать на мясо, за птицами охотились главным образом ради их перьев: журавлиные использовались для украшения головных уборов парадного мундира янычар, перья цапли - для султанских плюмажей, гусиные и голубиные перья - для оперения стрел. Соловьев и прочих певчих птиц ловили для того, чтобы подвешивать в клетках в гостиных, хотя считалось благочестивым поступком купить в месяц Рамадан птицу в клетке и выпустить ее на волю. Охота на диких зверей велась верхом на лошади или пешком с собаками, охотничьими леопардами и соколами. Султанские егеря входили также в состав вооруженных сил: известны армейские подразделения под названием «мастиффы», «сокольничие», «журавлиные» и другими подобными прозвищами. Сам султан обычно отмечал несколько видов спорта, он участвовал в состязаниях на знаменитом полигоне для лучников в Окмейдане, между тем дворцовых пажей также тренировали для участия в состязаниях.

Последним священным днем года был День жертвы 10-го числа месяца Зуль-Хиджжа, 12-го месяца лунного года, и обходился без веселья. Этот день выражал солидарность тех, кто остался на родине, с паломниками в Мекке, которые подошли к этапу своего путешествия, требовавшего жертвоприношения на горе Арафат. Их соотечественники в Турции демонстрировали свою солидарность, совершая дома аналогичный ритуал. Отары овец и коз сгонялись с пастбищ Румелии и Анатолии на окраины городов. Тысячи голов этих животных скапливались на холмах вокруг Стамбула, а некоторые даже бродили по улицам и площадям города. Их рога подкрашивали золотистой краской, шерсть промывали, причесывали, подкрашивали хной. Животных украшали лентами, амулетами и бумажными флажками. Все семьи, которые в состоянии были это сделать, покупали одно из таких животных для принесения в жертву. Животному, обращенному головой к Мекке, перерезали горло и в знак милосердия мясо отдавали бедным. Менее состоятельные люди ели мясо жертвенного животного сами.

Определенные мероприятия - не все из них праздничные - по повелению султана проводились повсюду. Процессии, проходившие перед отбытием армии в поход, представляли впечатляющее зрелище. Они сопровождалась артиллерийской стрельбой, барабанной дробью, игрой военных оркестров. За всем наблюдали большие толпы народа. Султан, ко-

торый обладал исключительным правом совершать этот обряд, выносил штандарт пророка, хранившийся вместе с другими священными реликвиями, завернутыми в сорок шелковых покрывал, в михрабе зала близ тронной комнаты. Штандарт следовал вместе с султаном или великим визирем на поле сражения, и по мере того, как его провозили по улицам по случаю отбытия в поход армии или ее возвращения, люди кланялись и трогали землю перед ним, шепча в благоговении: «Аллах, Аллах». В случае благополучного возвращения армии ей посвящались молитвы, курили фимиам алоэ и серой амбры. Разумеется, возвращение победоносной армии вызывало всеобщий восторг.

Опоясывание султана, официальное признание его вступления на трон отмечалось как государственный праздник. Так же отмечались знаменательные события в султанской семье, памятные исторические даты и даты патриотических подвигов, такие, как рождение или обрезание детей султана, свадьба членов монаршей семьи, триумф выдающегося военачальника, прибытие иностранного посла или важного лица, уважение которому хотел бы подчеркнуть двор. Обычно сам султан заботился о проведении увеселительных мероприятий, сопровождавшихся пышными процессиями, имитациями сражений между мусульманами и христианами, праздниками на воде, иллюминацией и фейерверками.

Гильдии ремесленников часто устраивали дополнительные развлекательные мероприятия в форме красочных процессий, демонстрировавших их профессиональное мастерство. Самые массовые из этих процессий включали глав военных, морских и гражданских служб и подразделения войск, высокопоставленных представителей духовенства, представителей множества гильдий и мануфактур, так же как учащих медресе и школ, которые шествовали мимо султана, сидевшего в монаршем павильоне на крепостном валу сераля, обращенном на улицу, и наблюдавшего парад. Такой парад мог длиться три дня и дольше, в это время работа замирала. Церемониймейстеры в блестящем облачении с лентами через плечо, семью церемониальными перьями в головных уборах подавали команды, регулировавшие движение разных колонн, в то время как распорядители, султанские пажи верхом на подвижных и маневренных арабских лошадях, разъезжали среди толп народа. Гильдии, участвовавшие в процессии, - в одном случае их число достигало 735 - выставляли на обозрение свои изделия, иногда их помещали на телеги, и каждая группа ремесленников, проходившая перед султаном, старалась привлечь внимание монарха. Моряки имитировали морское сражение, порой бой между султанским флотом и казачьими челнами. Содержатели психбольниц вели толпу пациентов численностью 200-300 человек, увешанных золотыми и серебряными цепями, и поочередно пичкали их лекарствами или били. Духовное лицо, проезжая верхом на верблюде, читало Коран, лежавший перед ним на подушечке, его окружали мальчики в белоснежном облачении, декламировавшие стихи. Гильдия палачей тащила повозку с экспозицией - 77 орудий пыток. Сторожа дули в свои свистки и делали вид, что ловят в толпе вора, производя большую сутолоку. Быки тащили повозку с ветряной мельницей и мальчишками, которые мелют зерно, на другой повозке с печью мальчуганы замешивали тесто для хлеба и пекли небольшие лаваша. За ними следовала повозка с кондитерами, оттуда в толпу бросали свежеспеченные кулинарные изделия. Повозка скорняков везла набитые соломой чучела разных животных, повозка земледельцев, украшенная ветками с зелеными листьями, везла жнеца с косой и венком из пшеничных колосьев. Укротители львов шествовали, ведя на декоративных поводках своих зверей. Они старались держать их в повиновении, тыча под нос зверю куски оленьего мяса, сдобренного опиумом, если те проявляли признаки нежелательной активности. На повозке рыбаков были выставлены не только гарпуны, сети и корзины, но также подвешенные на шнуре дельфины, морские львы и другие крупные обитатели моря, которых выловили перед началом процессии. Плавно шли верблюды с немислимыми ношами, резчики бумаги, часто дервиши, вырезали из нее фантастические орнаменты, в толпе распространялись записные книжки и прочие сувениры. Армейские банщики выставляли на обозрение фетровые банные кабины, обогреваемые переносными печками, которые работали на угле. Такие же кабины они ставили вечером по окончании демонстрации. Несколько тысяч поп-

рошаек, слепых, хромых, паралитиков, эпилептиков, безруких, одноногих, голых или бо- сых ковыляли вместе с шейхом гильдии посередине, сидевшим на осле. Еще больше было школьников в бумажных шапочках, игравших на тамбурах и мелькающих то тут, то там среди толпы. Рекрутам-янычарам поручалась чистка улиц при помощи совков и метел. Уборщики собирали мусор и отвозили его корзинами в контейнеры для мусора на морс- ком побережье. За право рассортировать этот мусор они ежегодно платили начальнику стражи 1000 золотых монет.

Помимо праздников начала сева или сбора урожая проводились другие светские мероп- риятия праздничного характера. В апреле все праздновали День весны на День святого Ге- оргия. Это был греческий праздник, но одновременно и турецкий, на том основании, что в этот день чтили память Хизра, святого заступника турок. Считали, что в это время распус- кались цветы и прилетали соловьи, по всей стране появлялись ярмарки с присущими им развлечениями. На первых пикниках сезона ели такую пищу, как кислое молоко, долма, халва и сыр с круглыми плоскими караваем желтого ячменного хлеба. В этот день разб- рызгивали также воду из святого колодца в Балыклы у стамбульских ворот Силиври. Ее доставляли ко двору, ее пил каждый больной, способный ходить. Тяжелобольных уклады- вали рядом на одеяла, расстеленные на полу, и бросали им монеты. В колодезной воде плавали рыбки с темной спинкой, потомки тех рыбок, которые, жарясь на сковороде, вып- прыгивали из нее, оставаясь живыми и не теряя способности плавать. Когда замечали одну из этих знаменитых рыбок, те, кто стояли поближе к колодцу, издавали радостные возгла- сы, а в толпе, расположенной поодаль, нарастал гул голосов, выражавших хвалу и благо- дарность. Между тем зрители колодца ходили среди людей, собирая деньги. Факти- чески конкретные места имели для совершения обрядов столь же большое значение, сколь и для празднования памятных дат, а поскольку турки отличались особой склонностью к деталям и конкретности, то определенные уголки большого или малого города ассоцииро- вались с празднованием определенных дней или развлечениями. В Стамбуле, например, существовало поверье, что самые прекрасные образцы салата произрастали во время ве- сеннего празднования у Йеди-Куле, Семи башен, в то время как лучшие петушинные бои происходили в дворике мечети Фатих.

Ко дню христианского праздника 9 марта, с какой бы датой в мусульманском календаре он ни совпадал, астрологи определяли час и минуту перехода солнца в другое зодиакаль- ное созвездие. Это отмечалось в календаре. В самый момент перехода начинали есть пасту из особых специй, которая, как полагали, обеспечивала на год невосприимчивость к уку- сам змей и скорпионов.

Однако всеобщее празднование религиозных и светских памятных дат и событий лишь подчеркивало в некоторой степени индивидуалистический характер жизни турок в тече- ние года, когда единственными развлечениями становились визиты в гости и семейные торжества. Условия для достойного проведения досуга в обществе почти отсутствовали. Мужчины могли просиживать в чайных за игрой в шахматы, шашки или триктрак либо сходить в баню. В уличных харчевнях поворачивались шампуры и кипели котлы с варе- вом, прохожие ловили аппетитные запахи, зовущие зайти, но потребление пищи быстро заканчивалось и пообщаться здесь не было времени. Имелось несколько респектабельных кофеен, где практиковались декламация стихов, состязания поэтов, танцы. С посетителей брали по полдрахмы для оплаты исполнителей.

Кофе появился в Турции в 1543 году. Вскоре он приобрел такую популярность, что его употребление стало порицаться. Затем кофе был запрещен. Снова его разрешили употреб- лять в 1591 году, а запретили вновь в 1633 году (хотя запрет было трудно претворить в жизнь, и он постепенно утратил силу), и не столько из-за того, что власти сочли порочным сам напиток, сколько из-за того, что кофейни стали притонами для сомнительных развле- чений и порока. Опиум, его настойка и тому подобные наркотики, хотя и осуждались как крайне вредные, тем не менее не запрещались. Табак, появившийся в 1601 году, стал еще одним чрезвычайно популярным источником удовольствия. Его тоже сначала запретили,

но курение продолжалось негласно и в конце концов распространилось настолько, что к концу своего правления султан Мурад IV (1623-1640) распорядился закрыть кофейни, где этот порок процветал, и ужесточил контроль за соблюдением запрета. Тем не менее, курение распространялось неослабевающими темпами, солдаты прятали свои курительные трубки в рукавах и поясах, а когда их заставляли на месте преступления, то жестоко наказывали. Наконец примерно в 1650 году запрет отменили, и люди стали открыто предаваться удовольствию, покуривая в компании в кофейне. Кальяны, предоставлявшиеся там клиентам, состояли из стеклянного сосуда, иногда украшенного великолепным орнаментом, и изящного, тоже с красивым орнаментом держателя у горлышка для чубука, который представлял собой чашку из красной глины, наполненную табаком, и длинную эластичную трубку. На эту трубку курильщики насаживали свои мундштуки, некоторые отличались необыкновенной красотой и изготавливались из амбры, усеянной драгоценными камнями, золотом и глазурью. У многих курильщиков имелись большие коллекции прекрасных и ценных мундштуков. Табак использовали персидский. Для курения небольшое количество этого табака заворачивали в лоскуток ткани или тонкой кожи и погружали в воду, затем вынимали, прессовали и растирали. Чашечка - люля - заполнялась этим табаком, на него помещали кусочек тлеющего угля, а кальян - хрустальный сосуд, заполненный наполовину холодной водой, иногда с добавлением ароматических веществ, - ставили на пол. Курильщик садился, скрестив ноги или облокотившись, и по мере того, как он втягивал воздух через свой мундштук, вода в кальяне бурлила и производила шипящие звуки. У некоторых кальянов было несколько трубок, поэтому курить могли сразу несколько человек.

Большое распространение получили также бесчисленные кофейни и харчевни дурной репутации. Употребление вина запрещалось исламом, хотя в действительности существовал правительственный инспектор вина, контора его располагалась у Железных ворот в Галате, а харчевни активно посещались турками. Обычно их содержали немусульмане, находились они вне мусульманских кварталов города и в любом случае никогда рядом с мечетями. Большинство из харчевен содержали греки, армяне и евреи, располагались эти заведения в христианских и еврейских кварталах. Много харчевен теснились у портов, их постоянно навещали матросы и янычары, они считались прибежищем дебоширов. Городские проститутки являлись обычно представительницами религиозных меньшинств, они держались кофейен с сомнительной репутацией, а также предпочитали молочные харчевни и прачечные.

Глава 7

РЕМЕСЛА

Почти каждый подданный Османской империи занимался каким-нибудь делом: торговлей, земледелием, преподаванием или ремеслом. Даже среди богатых встречалось мало людей, которые вели абсолютно праздную жизнь; большинство из них занимали посты в системе управления государством и одновременно активно участвовали в управлении собственными поместьями. Заниматься полезным делом считалось почетной обязанностью, причем до такой степени, что каждому султану приходилось осваивать какое-нибудь ремесло. Мехмет I делал тетиву для луков, Мехмет II увлекался садоводством, Селим I и Сулейман I были золотых дел мастерами. Селим II изготавливал полумесяцы для посохов паломников, Мурад III делал стрелы, Мехмет III и Ахмед I - ложки и пальцевые кольца для лучников, Мехмет IV был поэтом и даже описал в стихах свои военные походы. Иногда они дарили свои изделия посетителям двора, и все понимали, что человек, удостоившийся такой чести, чувствовал себя обязанным преподнести ответный дар гораздо большей ценности. Однако занятие монархов делами, столь обычными для простых людей, подчерки-

вало благородство труда, равно как признание роли религиозной и общественной деятельности ремесленных гильдий. Бизнес также считался важной деятельностью в империи и до периода упадка пользовался уважением и почетом, в этой сфере свободно взаимодействовали представители всех сословий. Хотя сам внутренний уклад жизни империи исключал смешанные браки, классовые, этнические и религиозные различия не служили препятствием для благотворных и выгодных деловых связей, а также для свободы отношений, например, между образованными людьми, способными, но малограмотными торговцами, неверующими корабельными агентами и простыми ремесленниками.

Деловая жизнь осуществлялась под строгим наблюдением властей, все сделки по купле-продаже, особенно в сфере импорта и экспорта, регулировались. Капитанам торговых судов вменялось в обязанность приобретать лицензии турецких властей, так же как купцам и их агентам, которые нуждались в дополнительных разрешениях для осуществления сделок в других городах империи. Как турецкие, так и европейские предприниматели были обязаны уведомлять власти об увольнении своего работника со службы и предоставлять документы на него. Те же требования соблюдались при приеме на службу новых работников. Ни одного товара нельзя было продать иностранцу внутри империи или за ее пределами без санкции властей и разрешения соответствующей государственной службы. Экспорт находился под строгим контролем, и вывозили лишь избыток продукции, потребляемой внутри страны. За редкими исключениями продовольствие не подлежало экспорту, то же относилось к лесным материалам, шедшим на строительство судов, а также к минеральному сырью. Главной статьёй экспорта были кожа и шерсть, в меньшей степени воск, хлопок, шелк, холст, квасцы, определенные виды древесины и специи, еще реже - икра, бриллианты и фарфор.

Во внутренней торговле в первую очередь удовлетворялись нужды властей, затем - ремесленников и в последнюю очередь - остального населения. Основной промышленной отраслью империи была военная, и она процветала, пока не нуждалась в сырье. В одном Сама-каре, небольшом городке к югу от Софии, насчитывалось 17 заводов, производивших лопаты, якоря, подковы, гвозди и прочие изделия для армии. Значительная часть текстильного производства была занята изготовлением тентов для палаток, веревок и парусов, ткани для военной формы. Изделия из кожи и меха, седла и обувь тоже предназначались главным образом на военные цели. Главными статьями импорта были ткани, бумага, колотый сахар и специи из восточных стран, стекло, шелк, зеркала и лекарства из Европы, особенно из Венеции, олово, железо и свинец из Англии. Однако империя была столь обширна и производила такое разнообразие товаров, что испытывала небольшую потребность в импорте, за исключением предметов роскоши. Армия и флот снабжались главным образом продукцией, производимой внутри страны.

Функции властей не ограничивались бумажной работой. В Топхане располагался большой завод по литью пушек, где производили орудия тяжелой артиллерии для султанской армии. В день, когда намечалось отлить пушку, собирались вместе главный мастер артиллерии, главный инспектор, имам и муэдзин при заводе, хронометрист, мастер, десятник и литейщики. Под взывания к Аллаху в топку бросали бревна, чтобы начать процесс литья. Через 24 часа литейщики и истопники раздевались так, что на них оставались одни шлепанцы, на голову натягивали шапку по самые глаза и пару нарукавников из толстой плотной ткани. Присутствовали также 40 шейхов и визирей, включая главного визиря и шейх-уль-ислама. Других лиц в место литья не допускали из опасений сглаза. На всем протяжении процесса литья визири и шейхи непрерывно повторяли: «Нет мощи и силы, кроме Аллаха». Под эти заклинания мастер-литейщик бросал центнеры олова в медный котел. В самый ответственный момент главный литейщик приглашал визирей и шейхов бросать в котел монеты в качестве пожертвований «во имя истинной веры». Металл перемешивали с золотыми и серебряными монетами длинными металлическими шестами. Кипение металлической массы означало, что компоненты металла сплывались, в топку добавляли дров, после чего наступал решающий момент. Все присутствовавшие вставали, а хроно-

метрист предупреждал, что через полчаса откроют задвижку печи. Этой операции предшествовали горячие молитвенные пожелания успеха, когда же проходило полчаса, по сигналу хронометриста и под повторение возгласов «Аллах, Аллах» главный литейщик и мастер открывали железными крюками задвижку. Раскаленный металл устремлялся по желобам, ведшим к литейным формам. В это время визири и шейхи, одетые в белые рубашки, приносили в жертву по обеим сторонам печи 40-50 баранов, специально доставленных для этой цели. Для заполнения самой большой литейной формы, изготовленной из глины, добытой в маленькой деревушке Шахрияр на Босфоре, требовалось полчаса. После заполнения формы поток расплавленного металла останавливали нагромождением маслянистой глины и направляли в следующую форму под сопровождение новых молитв. Если плавка завершалась успешно, не происходило несчастных случаев, часто ее омрачавших, производились благодарственные молитвы, выплачивали премии, распределялись в награду 70 комплектов одежды, происходило всеобщее празднество.

Когда дело касалось торговых сделок с ремесленниками, то в первую очередь удовлетворялись потребности тех из них, что работали в Стамбуле, а не в провинции, и все снабжение находилось под контролем властей. Ремесленники, нуждавшиеся в специфических материалах для своего производства, например изготовители котлов Сиваса, Токата или Амасии, покупавшие медь из шахт в Кастамону, должны были владеть документом с печатью, разрешающим сделку. Однако, несмотря на бюрократические препоны, торговля процветала, и ее контроль часто не был навязчивым. Власти строго следили за соблюдением пробы золота и серебра, защищали интересы ремесленников, работающих с этими металлами, позволяя им влиять на распределение и продажу европейских товаров по низким ценам.

Производством продовольствия занимались все провинции страны. В результате продукты были довольно дешевы, особенно в городах, и в изобилии. Некоторые регионы производили продовольствие исключительно для Стамбула. Мощную отрасль составляли ловля и сохранение рыбы. Многие рыбаки предпочитали ловить рыбу в море длинными лесками из конского волоса, каждая из которых держала два-три крючка с наживкой, а также грузило и поплавки. Для ловли крабов, омаров и мелкой рыбешки связывали канатом вместе двадцать или больше корзинок в форме колоколов, добавляли в связку камень и утапливали. Место помечалось буйком из полых тыкв, державшихся на поверхности воды. Иногда флотилии из шести лодок выстраивались под прямым углом, занимая площадь примерно 40 на 25 ярдов, между ними протягивались сети из крепких желтовато-коричневых бечевки. Сети раскидывали в местах прохождения мигрировавших косяков рыбы и обильных рыбой. Другой метод рыбной ловли заключался в установке стационарных сетей, погруженных в воду. За ними следили люди с высоты наблюдательных постов. Когда косяк рыбы проходил в данном месте, наблюдатели подавали сигнал рыбакам, ожидавшим на плоскодонном судне. Рыбаки быстро выбирали сети. Многие рыбацкие лодки с прочными выгнутыми носами двигались ночью с ярко светившими висевшими по бортам фонарями для привлечения рыбы. С уловом на борту лодки сновали вдоль берега взад и вперед, а со скрытыми в темноте оптовиками велись криками переговоры, пока не договаривались о ценах и не доставляли рыбу по назначению. В течение десяти недель начиная с осени эти лодки с фонарями ловили рыбу, двигавшуюся косяками через Босфор из холодной акватории Черного моря, чтобы метать икру. Это были меч-рыба, тунец и макрель. Рыбные рынки были самыми неопрятными местами городов: грязные улицы с крутыми уклонами были заставлены корзинами, из которых исходила нестерпимая вонь. Менее крупную рыбу вроде макрели разрезали в длину и, подвесив, сушили на солнце, другую солили на зиму. Раковины мидий дробили в перламутровую россыпь низкого качества для украшения резных изделий из дерева, находившихся в повседневном пользовании.

Тысячи людей нанимались на строительные работы по всем специальностям. Мастерские типа плотников или резчиков по камню зарабатывали вдвое больше неквалифициро-

ванных рабочих, и ежедневная зарплата понижалась зимой, точнее, с начала ноября и до мая, поскольку дни становились короче.

Работа была бесконечной, ее хватало для полной занятости, однако смена профессии встречала большие затруднения, поскольку действовали цеховые ограничения. Во всей Османской Турции существовала иерархия приоритетов преданности. Она выстраивалась в порядке верности своей гильдии, религии и султану, то есть государству. Роль гильдий в социальной структуре невозможно переоценить. Они пользовались непререкаемым авторитетом и автономией, а поскольку большинство городов и деревень существовали на принципах хозяйственной самостоятельности, полунезависимые гильдии почти не затрагивались политическими потрясениями в империи. Гильдии происходили из средневековых братств, Ахи, убежденных холостяков, избравших своего вождя и отдававших ему все свои заработки, из которых оплачивались расходы группы на питание и другие нужды. Ко времени правления Османской династии членами таких братств оставались лишь дубильщики, седельщики, кожевники и обувщики, поскольку остальные утратили свой полурелигиозный характер и превратились в объединения по видам ремесла.

К началу XVI века увеличилось число законов, регламентирующих места работы и орудия труда членов гильдий; все торговые сделки, ремесла и бизнес осуществлялись на условиях концессии и монополии. За определенным числом ремесленников закреплялся район производственной и торговой деятельности, регулировалось также разрешенное число торговых лавок и контор. Два вида лицензий - гедик - могли выдаваться ремесленнику: одна разрешала ему работать повсюду по собственному усмотрению, другая была действительна только для ремесленника, осуществляющего свою деятельность только в определенной торговой точке, магазине или лавке. Если ремесленник хотел гарантированного владения своей торговой точкой, то обращался с просьбой к руководству своей гильдии зарегистрировать орудия труда и товары своего ремесла и получал сертификат гарантии своих прав. Если ремесленник хотел передать свое дело другому, даже своему сыну, ему требовалось разрешение, а если хотел переехать в другой город или даже на другую улицу, то должен был возобновить свой патент. Поначалу государство было против таких ограничений, но гильдии на этом настаивали, доказывая, что имеют право защищать своих членов. В духе патернализма периодически устанавливался потолок цен на товары. Когда на товары ремесленников рос спрос, предоставлялись новые лицензии - гедики, а когда спрос снижался, патенты продлевались. Число ремесленников, занятых в торговле, уменьшалось, с тем чтобы не было ни стимула, ни заинтересованности в конкуренции. Однако деятельность гильдий осуществлялась в определенных рамках: новые технологии встречали резкие возражения, как и новые фасоны одежды. Деятельность гильдий была упорядочена, отличалась дисциплинированностью, высоким профессионализмом и столь крепким духом цеховой солидарности, что торговцы, реализовывавшие свои товары первыми, передавали покупателей коллегам, у которых торговля не шла. Однако шаблон, монополизм, отсутствие конкуренции, неприятие инноваций нередко влекли за собой значительный застой в развитии ремесел.

Каждая гильдия состояла из мастеров, наемных ремесленников или подмастерьев - обычных учеников - и была организована на принципах строгой иерархии во главе с шейхом; управляющий и блюститель дисциплины были ответственны за поддержание репутации гильдии. Хотя в гильдию входили и деревенские ремесленники, она была главным образом городской организацией и пользовалась в большей степени поддержкой населения определенной местности, чем общенациональной. Даже признание властями требований гильдий обеспечивалось давлением лоббистов в Стамбуле на некоторых министров. Каждая гильдия имела в городе свое цеховое помещение - лонджа, где обсуждались разные проблемы и решались споры членов объединения. Старейшины сидели на подиуме, все остальные присутствующие - на полу. Члены гильдии ниже мастера на заседания не допускались. Хотя ряд дисциплинарных вопросов передавался на рассмотрение кадия, большую часть из них стремились решить внутри гильдии, а уполномоченный исполнять нака-

зания в отношении лица, признанного старейшинами виновным, имел при себе хлыст и палку, висевшие на стене для всеобщего обозрения. Ремесленники, уличенные в проступках, нанесших ущерб репутации гильдии, временно отстранялись от производственной и торговой деятельности, а в исключительных случаях и навсегда. Это лишало их средств для достойного существования. Руководство гильдии проводило заседания каждые первую и третью пятницы месяца, на них члены докладывали обо всем, что, по их мнению, могло повлиять на интересы объединения. Заслушивались также сообщения двух членов гильдии, ответственных за выяснение обстоятельств, которые сопутствовали просьбам о кредитах из цеховой кассы. Это была касса взаимопомощи, в которую все члены гильдии делали еженедельно или ежемесячно взносы и которая частично использовалась в религиозных целях, например для финансирования чтений Корана в мечети во время Рамадана, распределения еды для бедняков, а частично и для помощи членам гильдии в связи с болезнью или финансовыми затруднениями. Касса оплачивала расходы семьи на похороны, если та не имела для этого денег, или выдавала кредиты под 1 процент мастерам-ремесленникам, задумавшим расширить дело. Люди также платили взносы или могли заимствовать из кассы взаимопомощи своего квартала. Она пополнялась за счет вкладов местных жителей либо деньгами, обещанными клиенту по запросу и выдававшимися, после того как убеждались, что запрос удовлетворяет всем условиям выдачи, либо подношениями, сопровождавшими суеверное благоговение перед началом какого-либо предприятия. Деньги могли заимствоваться теми, кто в них нуждался, под крайне низкий процент, и использовались на такие цели, как восстановление сгоревшего дома или помощь сиротам.

Каждый подмастерье был приставлен к мастеру, раскрывавшему перед ним тайны ремесла и традиции гильдии, а также становившемуся поручителем подопечного, когда тот осваивал ремесло. Учеба длилась долго и напряженно. Когда, наконец, молодого человека можно было признать годным для присуждения звания мастера, его отец совещался с шейхом, который в случае согласия с тем, что кандидат освоил ремесло, приглашал мастеров гильдии на церемонию посвящения в мастера в цеховое помещение. Бывало, что эта церемония происходила в доме отца, если дом был достаточно просторным. Если посвящались в мастера сразу несколько юношей, под открытым небом устраивали пикник. Подмастерье готовил несколько образцов своей работы, передававшихся на оценку совету ремесленников. Если эти образцы одобрялись, их вносили на серебряном подносе в день церемонии приема в цех. После произнесения церемониальной молитвы мастер представлял публике своего подмастерья, который становился перед шейхом на колени и целовал его руку. Шейх клал свою руку на плечо юноши и наставлял его твердо держаться веры и соблюдать установления гильдии. Затем мастер подавал шейху полотенце, которым тот обвязывал талию подмастерья и шептал ему на ухо сокровенные секреты ремесла и гильдии, посвящая юношу в полноправные члены объединения и утверждая таким образом его новый статус зрелого и уважаемого ремесленника. Мастер-новичок, которым стал бывший подмастерье, целовал руки каждого присутствовавшего члена гильдии и получал поздравления от тех, кому теперь имел честь стать ровней. Под бой барабанов и игру дудок блюстититель дисциплины оглашал призыв новичка в гильдию от имени всех ее членов, а затем предлагал продать на аукционе те предметы, которые изготовил бывший подмастерье. Обычно они раскупались присутствовавшими по цене, значительно превосходящей их подлинную стоимость. Деньги за реализованные предметы вручались новому мастеру как капитал на открытие своей собственной мастерской. Для отца новоиспеченного мастера и самого новичка - члена гильдии - это был день самого большого торжества и гордости. Права и обязанности члена гильдии определяли все сферы общественной жизни человека до конца его дней.

Время от времени, в интервалах между 10 и 20 годами, в каком-нибудь месте проводился большой праздник всей гильдии. Обычно это был массовый выезд на пикник за город. Эти общественные собрания сопровождались выставкой работ с развешиванием торговли

изделиями различных ремесел. Шедевры ремесла преподносились султану, особенно в тех случаях, когда цеховое торжество совпадало по времени с каким-нибудь официальным праздником. Иногда в ответ султан присылал в качестве дара серебряную или золотую посуду, которую использовали во время церемоний наряду с другой ценной посудой, находившейся в распоряжении гильдии, или обычной посудой, хранившейся в лондже для повседневных нужд. Стоимость дорогих покупок, расходы на торжество и пикники покрывались за счет сборов с членов гильдии, но отнюдь не за счет кассы взаимопомощи.

Власти надзирали за деятельностью гильдий, насколько это было возможно. Частью - с целью учета численности рабочей силы, частью - для защиты самих работников, а также постановки задач и стандартов для соответствующих государственных учреждений. Власти препятствовали безработице посредством противодействия ввозу конкурирующих товаров, они контролировали ренту, разрешали открытие новых мастерских только в тех случаях, когда это оправдывалось спросом на продукцию. Каждый город, достаточно большой, чтобы иметь кадия, располагал также инспектором, занятым исключительно делами гильдий и сбором разных пошлин на товары, на сделки ремесленников. Он также обеспечивал за их счет зарплату себе и своему учреждению. Инспекторы обладали правом дисциплинарных взысканий. У них имелся список всех гильдий города и состоявших в них ремесленников, ассортимент и количество товаров, хранившихся в торговых лавках ремесленников. Когда к ним поступали сигналы о неудовлетворительной работе торговых учреждений или в ходе проверок рынков обнаруживались некачественные товары, инспекторы их отбирали и уничтожали. Торговые лавки провинившихся могли быть закрыты временно или навсегда. За менее значительные проступки торговцев иногда подвергали палочным ударам перед дверями своей лавки. За более значительные проступки их приговаривали к тюремному заключению от двух-трех месяцев тяжелых принудительных работ, а в особых случаях - к пожизненной каторге. Старейшины гильдии могли подать кадию прошение о возмещении ущерба от произвола инспекторов, но последние редко несли ответственность за свои деяния. Некоторые из старых традиционных объединений, например братства дубильщиков и седельщиков, египетский рынок специй в Стамбуле, шелковый рынок или торговый ряд производителей холста, добились от Мехмета Завоевателя повеления, запрещающего доступ инспекторов на их торговую территорию, и весьма гордились своим иммунитетом. В правление Сулеймана Великолепного некоторые из янычар, несмотря на запрещение вмешательства в торговлю, стали появляться на рынках. В то время как большинство из них довольствовались вымогательством денег у лавочников, другие занялись торговлей. Последние игнорировали налоги и избегали наказаний со стороны инспекторов на том основании, что они, дескать, подлежат суду только своих офицеров и могут быть заключены, если заслуживают, только в тюрьму для янычар. Однако страх перед последствиями за нарушение закона и гордость за свое ремесло делали свое дело: большинство членов гильдий вели себя честно и достойно.

Не все гильдии состояли из ремесленников, имелись также объединения представителей свободных профессий: религиозных деятелей, поэтов, хроникеров, писарей, составителей прошений, переплетчиков, торговцев бумагой и чернилами, владельцев книжных лавок. В эти гильдии входили исключительно мусульмане, так же как и в гильдии аптекарей, специалистов по окраске домов и некоторые другие. До 1768 года гильдии включали представителей разных религий, в этом году были учреждены отдельные объединения евреев и христиан, но ряд профессий всегда оставался исключительно мусульманским, 90 процентов из них были связаны с производством продовольствия. Врачи, хирурги, окулисты часто происходили из этнических меньшинств и даже иностранцев, среди них было много евреев. Другую категорию неремесленной сферы составляли представители развлекательного бизнеса. Имелась 71 гильдия одних лишь музыкантов, не считая тех, которые изготавливали музыкальные инструменты. Эти гильдии включали музыкантов - мехтер, состоявших в оркестрах султанской армии и высокопоставленных администраторов, музыкантов, игравших на разных церемониях гильдий и дервишей, на семейных торжествах, а также

музыкантов, которые сопровождали своей игрой танцы и декламацию, театральные представления. Гильдии попрошаек, проституток, карманников и воров, которые платили мзду городской охране и честно соблюдали дисциплину в своих объединениях, существовали издавна, со времен, предшествовавших образованию Османской империи. Гильдия воров действовала как своеобразная расчетная палата за «утерянную» собственность. Когда человека обирали, он обращался к шейху гильдии воров, предлагая за возвращение своих ценностей определенную сумму. Если она признавалась достаточной, а воры не имели ничего против обобранного человека, о ценностях наводили справки, собирали и возвращали их прежнему владельцу. В смешанные гильдии входили банщики, водоносы, садовники, лодочники и работники городских служб низшего ранга. Еще одна группа состояла из розничных и бродячих торговцев.

Все гильдии были тесно связаны с той или иной сектой и обычно приписаны к какому-нибудь ордену. Титул шейха, который присваивали главам объединений ремесленников, являлся религиозным, а вступление в гильдию новых членов сопровождали религиозные церемонии. Около мастерских всегда располагались мечети, некоторые были приписаны к определенным гильдиям. У каждой гильдии имелись один-два святых: обычно еврейский патриарх, которого почитали как родоначальника ремесла и торгового предприятия, или сподвижник пророка либо даже сам пророк. Каждый лавочник вывешивал в своей лавке табличку со стихом, упоминавшим имя святого. Сет считался покровителем ткачей, Ной - купцов и мореплавателей, Авраам - торговцев молочными продуктами, Давид покровительствовал оружейникам и кузнецам, Исмаил - охотникам, Иосиф - часовщикам, Иона был заступником за рыбаков, Иисус - за путешественников, Лот - за летописцев; Эзра опекал виноторговцев, Адам - сеятелей, Моисей - пастухов. Анас ибн Малик благоволил офицерам стражи, а Зульнун Египетский - врачам. Сам Мухаммед считался покровителем купцов, поэтов, сказителей, писцов и многих других.

Гильдии восточных провинций империи строились по тем же образцам с той лишь разницей, что с большим рвением демонстрировали свою приверженность к религии как во время церемоний в связи с образованием организаций, так и на общественных манифестациях. Они уступали столичным гильдиям качеством работы. На востоке некоторые семьи хранили секреты ремесла, которые ревностно берегли и не делились ими даже с членами своих гильдий, но эти семьи либо постепенно вымирали, либо перебирались в Стамбул или другие крупные города: их прекрасные изделия пользовались постоянным спросом султана и его двора.

Из-за поголовной принадлежности ремесленников к гильдиям, большинство их изделий в Турции отличались скорее постоянством вкуса и высоким качеством, чем поисками новизны стиля и результатом особого вдохновения.

Наследство, доставшееся туркам, включало ряд классических памятников и достопримечательностей Малой Азии. Хотя их разрушали землетрясения, разбирали ради использования в строительстве, хотя великолепные колонны переносили в мечети, однако немало древних сооружений осталось в первоизданном виде или было подновлено, с тем чтобы сохранить образцы античной красоты. Ислам запрещал изображение человека и животных, ряд классических скульптур погибли в результате варварского разрушения, однако многие сохранили свое величие или магию и вошли в повседневную жизнь турок-османов в качестве объектов массового поклонения. Немало памятников осталось и от времен империи сельджуков, предшествовавшей Османской. Расцвет ремесел в XIII веке способствовал возведению величественных мечетей, медресе и караван-сараев, многие из которых использовались и при династии Османов. Весьма почитали характерные для этой эпохи мавзолеи, хотя новых не строили. Это была круглая или восьмиугольная постройка с конической крышей. Здание покоилось на квадратном основании и представляло собой кенотаф - гробницу, помещенную в подземелье. Мавзолеи строили из камня, на котором, словно в качестве эстетического вызова ограничениям ислама, вырезали орнаменты в виде геометрических фигур, цветов и животных. В мечетях сельджуков рельефными резными

рисунками украшались главным образом фасад и пространство вокруг михраба. Обширные караван-сарай строились близ основных дорог и находились друг от друга на расстоянии дневного пути, 20-25 миль. Это были сложные и хорошо оснащенные постройки, состоявшие в основном из двора, образуемого с трех сторон рядами комнат и длинным залом весьма внушительного размера с высоким центральным нефом и рядом небольших боковых нефов, открывавшихся под прямыми углами. Центральный купол покоился на высоком барабане. Обычно караван-сарай были обнесены массивными стенами с бойницами. Мечеть, комнаты и стойбища - все это было удобно устроено, а сооружение в целом отвечало своему назначению и отличалось совершенством пропорций.

При сельджуках существовала техника резьбы по дереву, немало ее прекрасных образцов сохранилось на дверях мечетей и других построек, на кафедрах и на подставках для Корана. При сельджуках изготавливали великолепные ажурные бронзовые держатели для масляных ламп мечетей, их подвешивали на очень длинных цепочках. Молитвенные коврики той эпохи были спокойных тонов, их цвета ограничивались голубым, красным и зеленым. Получила большое развитие керамика, хотя тоже не отличалась разнообразием цветов - в основном изделия были бирюзовыми, лазоревыми, черными и коричневыми. Часто для украшения зданий снаружи использовали голубые плитки. Прекрасный образец одного из них - мавзолей с рифленой крышей основателя секты танцующих дервишей в Конье. Декоративные работы специалистов древности чрезвычайно ценились турками-османами: старые панели, выложенные плитками с геометрическим и цветочным орнаментом, стилизованными фигурками людей и животных, осторожно извлекали из стен старых зданий эпохи сельджуков и использовали в декорировании дворцовых комнат.

Во время миграций турок многие художники и ремесленники расселялись в соседних странах и передавали свое мастерство в Персии, в Ираке, Египте и Сирии. Они внесли свой вклад в строительство Коньи и многих новых городов. Из Дамаска, Алеппо, Самарканда и многих других центров восточной культуры прибывали, в свою очередь, ремесленники, каждый из которых привносил свою специфику и свои методы работы. Ремесленники и труженики всех сфер деятельности, включая поэтов, писателей, историков, особенно в золотую эпоху Сулеймана, привлекались к совместной работе с целью прославления Стамбула и пользовались покровительством султана, а также многих богатых министров и сановников. С другой стороны, строгое следование традиции и безупречность работы турецких мастеров заслужили восхищение за рубежом, а архитектор Синан, служивший при Сулеймане, посылал своих отличившихся учеников на строительство памятников индийской Агры, откликаясь на просьбу властей этого города. Архитектура была самой развитой и процветающей сферой деятельности в Османской Турции. Хотя образцом для строительства многих прекрасных мечетей, возможно, послужила первоначально церковь Святой Софии, оказавшаяся в руках османов во время захвата города, строительство мечетей претерпело колоссальные изменения в этот период. Великий Синан начинал карьеру в качестве рабочего-строителя, его талант стал проявляться во время службы в армии, когда ему поручали проектировать и строить мосты, казармы и арсеналы. От выполнения заданий армейского командования он перешел к строительству религиозных сооружений, пока в конце концов не был вызван Сулейманом Великолепным в Стамбул, где построил крупнейшие из комплексных мечетей, которые когда-либо знала страна. Архитектор обладал феноменальным чувством пропорции и симметрии, он создавал купола и минареты идеальной формы, его творчество служило вдохновляющим примером для строителей мечетей повсюду, активизировало строительство вплоть до XVII века. Его стиль и стандарты считались критерием совершенной архитектуры, однако он мыслил не как художник, а как строитель. Сам Синан говорил: «Мечеть Шахзаде - плод моего ученичества, Сульмание - выпускная работа, Селимие в Эдирне - мой шедевр».

Развивалось и декоративное искусство. Потолки обильно украшались орнаментами, резными и красочными узорами, кессонами, позолотой. Внутренние побеленные стены куполов в мечетях покрывали расположенные симметрично и через равные промежутки узоры,

которые наносили краской светлых тонов. В частных домах потолки голубого цвета могли быть украшены серебряными звездами. Шкафы и панели также были красиво отделаны. Благодаря искусству керамики XIII века появилась знаменитая голубая плитка Коньи, а в XIV-XV веках оно пережило новый подъем, когда из персидского города Тебриза прибыли мастера керамики, чтобы основать мастерские в Изнике и Стамбуле. Следуя традиции, они делали панели с цветочным и растительным орнаментом, которыми украшали комнаты дворцов, стены мечетей и домов богачей. Другие мастера принесли с собой образцы тех ремесел, откуда они происходили: каллиграфию на керамике из Иерусалима, орнаменты кипарисов и цветущих плодовых деревьев из Дамаска и другие. Усваивались элементы китайских образцов изобразительного искусства: на тканях и керамических плитках стал появляться знаменитый «облачный» узор, порой переходивший в развевавшиеся ленты. По трафарету раскрашивали реалистичные, точные изображения цветов, особенно тюльпанов и гвоздик, а также роз, гиацинтов, листьев различных растений и карликовых пальм. Они тянулись бесконечной чередой, с деталями, повторяющимися от плитки к плитке, а также украшения каллиграфией. К имевшемуся спектру цветов прибавились багряный, желтый и зеленый, а также сверкающая белизна в качестве фона. В мастерской Изника производили плитки для реставрации Купола-скалы в Иерусалиме - одной из старейших гробниц в исламском мире. Там впервые была произведена сверкающая по-настоящему алым цветом краска, которая была столь концентрирована и богата оттенками, что выступала рельефом на плитке. Мастера керамики и их коллеги-стеклодувы делали также прекрасные лампы для мечетей, которые, наряду с вазами, кувшинами для шербета, чашами и прочей посудой, порой украшались тянувшимся каллиграфическим узором.

Несмотря на предубеждения против изображений людей и животных, эти мотивы появлялись во всех видах изобразительного искусства. Художники-персы и моголы изображали мифологические, религиозные и исторические персоны на больших фресках, а также на портретах и миниатюрах. Однако в Турции они содержались в частных коллекциях, чтобы не оскорблять религиозных чувств широкой публики, хотя султаны и знатоки приобретали их для собственного удовольствия. Большинство султанов ослабили запрет на изображение живых существ настолько, что позволяли рисовать собственные портреты, расцвеченные яркими красками, сохраняющие индивидуальные, реалистичные и иногда даже малопривлекательные черты натуры. В XVI веке достигло совершенства искусство миниатюры. Изысканное и утонченное изображение султанов и сцен военных сражений, возможно, развилось из искусства позолоты, откуда, в свою очередь, возникло как промежуточная стадия иллюстрирование рукописей. Оно было плодом вдохновения персидских миниатюристов, но отчетливо отражало турецкий стиль с его более простыми фигурами людей, архитектурой и ландшафтом, а также большей пространственной определенностью. В то время как персидскими мотивами были обычно изображения героев или романтических страниц отдаленной истории, турецкие художники сосредоточивались на темах современности или недавних деяниях османов. Художники следовали фундаментальному персидскому принципу «господствующей точки»: основное действие изображалось в середине архитектурного ансамбля или ландшафта, плоские фигуры напоминали марионеток, но содержали тщательно выписанные детали одежды, оружия и мундира. Одной из лучших иллюстрированных рукописей считается Сурнаме, которая воспроизводила в картинках 40-дневное празднество в связи с обрезанием в 1583 году сына султана Мурада III. В каждой сцене на заднем плане неизменно изображается султан и его окружение, меняются лишь их позы и жесты. На переднем плане, перед ними, энергично, словно живые, представители гильдий ремесленников демонстрируют свои изделия.

Книги состояли из прекрасных рукописных страниц, редко прошитых, помещаемых по десять листов в обтянутые кожей коробки, раскрашенные, позолоченные, украшенные чеканкой или инкрустированные. Тексты с иллюстрациями писали тростниковыми перьями вдоль едва заметных линий, просвечивавшихся в результате прижимания бумаги к картонке, поперек которой протягивали и приклеивали ровные ряды нитей. Коран и коммента-

рии к нему отличались, разумеется, особенно искусной отделкой. Что касается содержания нерелигиозных книг, то формализм образования и неукоснительный традиционализм формы налагали определенные ограничения на интеллектуальное творчество, даже в сфере литературы и порой под чрезвычайно просвещенным патронажем. Высокопарный язык, которым писались многие книги, был непонятен туркам, за исключением высокообразованных лиц. Ведь он состоял главным образом из арабских и персидских слов. Наиболее почитаемой стихотворной формой была газель. Она состояла из 5-15 строк, сложенных в соответствии со стихотворной традицией и пронизанных романтикой. Многие стихи заучивались с детства наизусть и декламировались позднее на семейных и публичных празднествах. Эпические поэмы и элегии тоже строились в соответствии с формальными требованиями стихосложения и рифмы. Многие поэты и писатели - Физули из Багдада, Баки, Ревани, Хаяли, Нефи и Яхья - творили в XVI веке, но их произведения неизменно пользовались популярностью. Другим направлением литературного творчества была официальная историография, наиболее известными в этом жанре были сочинения Мустафы Найма, умершего в 1716 году. Кроме того, составляли географические карты, писали книги об ориентировке в море по звездам, были известны описания путешествий, далеких стран и морей. Эвлия Челеби написал десять томов с описаниями путешествий, часто не слишком достоверными, поскольку автор более руководствовался собственным воображением, нежели фактами, но написанными доступным языком. Помимо легенд нерелигиозного содержания, стихов на тему любви и красоты, значительное место занимала религиозная литература, написанная простым и понятным языком, представленная главным образом книгами о жизни святых, мистическими историями и волшебными сказками, рассказами деревнишей. Однако мифы и легенды, увлекательные и любимые большинством людей, исполнялись обычно публичными сказителями, помнившими их наизусть и передававшими следующим поколениям. Литературным творчеством, требовавшим большой изобретательности, было составление хронограмм, которые предпосылались на гробницах и фонтанах стихотворным фрагментам и прочим надписям. Оно было связано с придумыванием числового значения для каждой буквы и принимало форму превращенной фразы или стиха, буквы которых ставились в связь с числом, обозначающим дату, в ознаменование которой был сооружен памятник.

Ковроткачество, бывшее сначала народным ремеслом, стало высокоразвитой отраслью производства и настоящим искусством. В течение многих лет орнамент ковров сохранялся относительно неизменным и простым, он отличался отчетливым узором, довольно грубой вязкой и жесткими узлами. Затем, когда наладились более тесные связи между городами, усилившиеся экспансией османов в Азербайджан и Египет, турецкие ткачи взяли на вооружение новые методы ремесла. Красная растительная краска из Персии, придавшая турецким коврам характерный цвет, стала тщательно оберегаемым секретом. К стилевым особенностям турецких ковров прибавились типичные персидские узоры, состоявшие из центрального медальона и четырех медальонов по углам. Но самым замечательным достижением ковроткачества Османской Турции стало сочетание персидской вязки, шелковистой египетской шерсти, окрашенной в нежные тона, и традиционных турецких узоров. Использовались ли для основы и утока ковровой ткани шелк или шерсть, новый узел всегда образовывали шерстяная или хлопковая нити с мягким ворсом, концы которых сводились вместе. Это выглядело как чудесный бархат. Узоры состояли из изогнутых, испещренных прожилками листьев, розеток, завитков и распустившихся цветов. Рисунок молитвенных ковров создавался вокруг пространства в форме ниши, вязавшегося одним цветом. Во всех коврах допускалась крохотная преднамеренная ошибка, вероятно, один-два стежка белого цвета, вторгавшихся в пространство другого цвета, с целью избежать сглаза, который мог дурно повлиять на любую совершенную по качеству вещь.

Ткани изготовлялись с большим искусством, будь то прозрачный муслин или плотная парча, прошитая золотой нитью. Обычно они были чрезвычайно пестрой расцветки, а некоторые узоры сохранялись со времени сельджуков. Среди тканей высоко ценились шел-

ковые и льняные с цветами в рубчатом бархате. Некоторые текстильные фабрики использовали исключительно широкие ткацкие станки, специализировавшиеся на определенных узорах и цветовой палитре, с тем чтобы изготавливать ткань для обивок диванов, в то время как на других станках производили более узкие полотна для подушек, одежды и множества других целей. Самым крупным центром производства шелковых тканей была Бурса, но затем из-за огромного спроса ткачеством занялись Стамбул и многие другие города. Одно время все население Амасии было вовлечено в ту или иную сферу производства шелка. Прекрасная вышивка, выполненная цветными шелковыми, золотистыми и серебряными нитями, являлась одновременно и бытовым занятием, и профессиональным ремеслом, ее можно было увидеть на полотенцах, домашних шлепанцах, платках и платьях.

Производство ювелирных изделий было делом чрезвычайно тонким. Турки, не обладавшие особо развитым вкусом, специализировались на оправке драгоценных и полудрагоценных камней, часто необработанных, украшали фарфоровые чашки, книжные переплеты и другие изделия. Великолепный образец работы золотых дел мастеров и ювелиров представляла собой отделка султанского трона. Это было большое квадратное сиденье, обычно под просторным шатром и подвешенным сверху ювелирным украшением в золотой оправе. В соответствии со вкусами султанов трон делали из редких пород дерева или ценных металлов, украшенных бриллиантами и самоцветами всевозможных цветов.

Музыка была, возможно, из всех искусств наиболее востребованной самыми разными сословиями. В свите султана всегда присутствовали певцы и музыканты, которые должны были исполнять классическую музыку, или мехтер, которые играли в военных оркестрах. Для исполнения классических произведений и сопровождения певцам и танцорам использовали в основном кеман, скрипку, канун - разновидность цитры, лютю и ней - вид флейты или свирели из тростника. Во время свадеб, церемониальных процессий, для определенных танцев использовали, кроме того, разнообразные ударные всех размеров, от огромных оцинкованных литавр до дарбуки - глиняного горшка в форме песочных часов, с одной или двух сторон которого были натянуты кожи, выделанные из овечьих или козьих шкур. Кеман представлял собой род скрипки с полусферическим звучащим корпусом (первоначально половинки скорлупы кокосового ореха с натянутой на нее рыбьей кожей и длинной шейкой). В своем большинстве эти инструменты имели две струны, каждая из которых состояла из 60 конских волос. На нем играли посредством смычка в ярд длиной, сделанного из ясеня или конских волос. У кемана была железная опора, на которой он раскачивался из стороны в сторону во время игры. Канун представлял собой разновидность цимбал, сделанных из дерева, обычно орехового. На нем играли двумя скребками, надетыми на указательные пальцы обеих рук. Лютю имела семь двойных струн, по две на ноту. Струны делали из кишок телят и играли на них скребком, изготовленным по преимуществу из черенка орлиного пера. Существовало много флейт разных видов и размеров, сделанных из камыша или тростника. Распространены были также тамбурины и более мелкие струнные инструменты типа скрипок, конечно менее совершенных, чем современные; были также щелкающие инструменты: ложки, палочки и нечто вроде кастаньет. Турки очень любили песенные ансамбли, особенно во время пикников и группового катания на лодках. За этим часто следовало сольное пение, прерывавшееся восхищенными восклицаниями толпы.

Мехтер - музыканты армейских оркестров - состояли при определенных официальных лицах, и численность этих музыкантов зависела от социального статуса их опекунов. Султанский военный оркестр, в обязанности которого входила игра на музыкальных инструментах с целью побудки обитателей дворца к утренней молитве, состоял из 90 музыкантов, военный оркестр великого визиря - из 45, капутан-паши - из 30 музыкантов. Столько же музыкантов содержал губернатор провинции. Мехтер играли во время торжественных церемоний, в обычные дни вслед за послеполуночной молитвой, а по пятницам и в дни священных праздников - после дневной молитвы. Игра длилась 20 минут. В это время присутствовавшие слушали музыку стоя - ведь фактически это было религиозное песнопение.

ние - гюльбанк. Играли на разнообразных дудках и барабанах, цимбалах и тамбуринах, а заканчивали все это низким поклоном музыкантов с произнесением протяжного возгласа: «Гу-у-у». В военное время играли особый гюльбанк с целью возбудить боевой дух солдат. Военный оркестр также играл для янычар, которые, маршируя, повторяли: «Керим Аллах, рахим Аллах» («Щедрый Аллах, милостивый Аллах»). Их впечатляющий парадный марш совершался под отсчет «раз-два-три-пауза», то есть шаг левой, правой, левой ногами, затем пауза перед четвертым шагом, когда ногу слегка задерживали позади приподнятой, затем шаги: правой, левой, правой, пауза и так далее. В день отбытия каравана паломников в Мекку оркестр янычар играл на улицах, бродя из одного квартала в другой и собирая деньги. Именно эти музыканты оповещали о повышении в должности, играя у дома счастливого.

Излюбленным занятием, достигавшим порой большого мастерства, было садоводство. Розы, гвоздики, гиацинты, тюльпаны и прочие цветы, которые изображались на керамических плитках, резных изделиях, фонтанах и тканях, возделывали с любовью и усердием. Летние беседки сановников утопали в цветущей зелени растений, посаженных в определенном порядке и похожих на яркие ковры. В XVII веке страсть к тюльпанам приводила некоторых людей к экстравагантным поступкам, заканчивавшимся финансовым банкротством. Период с 1703-го по 1730 год известен в турецкой истории как «эпоха тюльпанов», когда в садах устраивались вечеринки, во время которых по клумбам ползали черепахи с маленькими масляными лампами на панцирях.

Глава 8

ЖИЗНЬ В АНАТОЛИИ

Территории Османской империи делились по ряду признаков на четыре категории. Во-первых, это были территории, имевшие прямое управление в соответствии со сложной, но единообразной моделью. К ним относились Румелия, Анатолия и некоторые соседние провинции. Далее следовали регионы, находившиеся под особым управлением, такие, как Египет и священные города Мекка и Медина. В третью категорию входили провинции, например Румыния и Трансильвания, пользовавшиеся некоторой автономией в вопросах выплаты податей. Четвертую категорию составляли опекаемые или вассальные страны, которые входили в империю лишь номинально и не платили никаких податей. Это были такие страны, как некоторые регионы Аравии, татарский Крым, чья правящая династия, по общему признанию, унаследовала бы турецкий трон, если бы Османская династия прервалась. Помимо территорий, признававших верховную власть султана, сохраняя в то же время значительную самостоятельность в проведении внутренней политики, большая часть империи делилась на области, в которых правил губернатор, назначенный на определенный срок центральными властями. Некоторое число этих областей группировалось под властью генерал-губернатора, которого наделяли правом носить санджак, или штандарт, состоявший из копыя с позолоченным медным шаром на конце и нескольких конских хвостов - первоначально хвостов яков, - свисавших сверху. Санджак символизировал власть султана и его наследника, число хвостов указывало на статус персоны. Так, губернатору предназначался штандарт с одним хвостом, генерал-губернатору - с двумя, великому визирю - до пяти, а самому султану - не менее чем с девятью хвостами.

Каждый губернатор был для своей провинции тем же, чем был султан для всей империи. В мирное время он олицетворял гражданскую власть, в военное время под его штандарт собирались войска провинции. Это сочетание гражданских и военных функций определяло его положение как заместителя монарха в провинции. Предметом гордости для каждого губернатора было создание в своей резиденции подобия дворцовой жизни, восп-

произведение даже в самых дальних уголках империи цивилизованного образа жизни, подобного стамбульскому. Жизнь в городских условиях в Анатолии не так тяготила государственных чиновников, как в некоторых других провинциях. Сыновья султана, направлявшиеся в провинцию, чтобы набраться опыта правления, никогда не назначались на губернаторство в Румелию: в этом случае они были бы слишком близки к дислоцированной там армии, которую могли бы склонить на свою сторону и начать мятеж. Поэтому их посылали в Анатолию и в связи с этим построили прекрасные дворцы в ряде крупных городов провинции, которые стали значительными центрами активности в сфере культуры и архитектуры. Деревенская жизнь в Анатолии сохраняла столетиями черты чрезмерно грубой простоты, обусловленные феодальными ограничениями и географической труднодоступностью. Штандарт дал название единице территориального деления провинции - санджак. Каждый санджак, в свою очередь, делился на ряд более мелких территорий, городских и сельских, в основном с административными центрами в деревнях. В каждый район назначали кадия для претворения в жизнь мусульманского закона и армейского офицера, представлявшего власть, однако за исключением сборщика налогов подлинным вершителем судеб в деревне был местный муфтий. Этот почетный титул иногда присваивали мудрецу, чьи познания в религии могли быть весьма скромными.

Налоги в сельской местности взимались на всей территории империи по-разному. В этом смысле Румелия и Анатолия отличались от восточных владений и облагались налогами в целом в объеме 10-20 процентов урожая, порой деньгами, порой и деньгами и натуральной продукцией одновременно. Налогообложение мусульман имело форму десятины. С другой стороны, немусульмане платили подушный налог на взрослых членов семьи в дополнение к подоходному, напминавшему десятину. Лишь духовенство меньшинств освобождалось от налогов. Кроме того, существовали произвольные налоги, которые включали таможенные сборы, плату за патент, плату за судебные издержки, за брак и холостяцкую жизнь, а также разные штрафы, взимавшиеся исходя из требований или корысти султана и его подчиненных. Налоги взимали как с мусульман, так и с других национальных групп, хотя, как правило, по разной таксе: например, таможенные подати мусульман составляли 4 процента, представителей меньшинств - 5 процентов, европейцы, проживавшие в Турции, в соответствии с режимом капитуляций выплачивали всего лишь 3 процента. В 1481 году, по окончании правления Мехмета Завоевателя, права сбора налогов были переданы на аукционные торги. Выигравшие, гарантировав властям получение запрошенной ими суммы, имели немалый доход от вымогательства у налогоплательщиков под разными предложениями дополнительных сумм. Концессия на налоговые сборы сначала предоставлялась на годичный срок, однако после правления Мустафы II (1695-1703) она выдавалась пожизненно и постепенно стала даже наследственной. Вот почему такой концессией неверные никогда не пользовались. Подобная система защищала казну от финансовых неудач, но подвергала население непомерным и несправедливым поборам. Имелось две казны: одна пополнялась налогами и податями с населения, другая находилась в распоряжении самого султана. Последняя составляла сначала пятую часть всех трофеев и, в частности, военнопленных, к этому прибавлялись подати из Египта и Аравии, десятипроцентный налог на наследство со всех подданных, имущество, которое он автоматически наследовал после смерти рабов на государственной службе, и, разумеется, богатые подарки, которые монарх постоянно получал.

Султан владел всей землей Анатолии, которая не предназначалась для завещания в вакф, и без согласия монарха или его представителя передача ее другим собственникам не допускалась.

Согласно турецкой космологии, земля была плоской, окруженной океаном, вокруг которого, в свою очередь, находились горные цепи. Это была самая высокая из семи суш, в то время как над головой турка простиралось семь небесных сфер. Однако его знания о близлежащей географической местности носили более практический характер. Многочисленные военные походы, доклады губернаторов и оценщиков налогов, так же как паломников

и торговцев, исследования специалистов давали подробную информацию о расположении горных хребтов и равнин, лесов и рек, полезных ископаемых и плодородных территорий. Постановления, регулировавшие землевладение и эксплуатацию минеральных ресурсов Анатолии, были четко сформулированы и определяли девять категорий: одни территории были засушливыми или заболоченными и непригодными для культивации, другие обозначались как городские или сельские и включали площади для садов и огородов, пастбища служили главному ремеслу анатолийцев - разведению скота для получения кожи, шерсти, мяса и тягловой силы. Пахотные земли, виноградники, фруктовые сады, луга брались крестьянами в аренду у феодалов и обрабатывались. Государство эксплуатировало леса и шахты. Лесное хозяйство находилось в ведении различных правительственных учреждений в зависимости от конечного назначения продукции. В их обязанность входило следить за тем, чтобы все бревна для бимсов, мачт, палуб и других конструкций соответствовали стандартам и мерам, установленным архитектором Синаном, а также чтобы заготавливались дрова и уголь, необходимые для обогрева столицы и других городов. Минеральные ресурсы Турции, несмотря на их значительность, не эксплуатировались сверх потребностей государства. Власти следили за объемами добычи полезных ископаемых и выдачей лицензий на нее так бдительно, что старатели не могли сделать свое ремесло прибыльным. Когда сообщалось об обнаружении ценной руды, на место выезжали государственные инспекторы и брали на анализ образцы породы. Если качество и количество руды признавались удовлетворительными, одна-две деревни по соседству с месторождением освобождались от взимания налогов в компенсацию за вынужденные работы по обустройству шахт. С других разработок в это место присылали опытных специалистов и шахтеров, затем начиналась работа. Добывались серебро, медь, железо и даже золото. Для взрывных работ добывали селитру. Пули для оружия часто отливали на месте, рядом с залежами железа, и доставляли в столицу группами пеших янычар.

Земли феодалов давали крестьянству Анатолии средства к жизни. Они были поделены на наделы, сдававшиеся в аренду на долговременной основе семьям-арендаторам, которые поставляли феодалам во время войны вооруженных воинов. Надел мог наследоваться сыном арендатора или куплен за небольшую сумму близкими родственниками. Если подходящего наследника не находилось, надел передавался кому-либо еще. Теоретически, если предлагавшийся надел отвергался всеми крестьянами соседних деревень, он мог перейти постороннему, но деревни так крепко держались друг за друга, что земля редко попадала члену другой общины. На самом деле свободное передвижение не поощрялось, разве что за наделом, а существовавшие законы были направлены в целом на то, чтобы привязать крестьян к земле. Они закрепляли сложившийся обычай и способствовали его соблюдению.

Отдельный земельный надел измерялся площадью, которую можно было вспахать парой быков. На земельном участке трудились все члены семьи, и, поскольку первородство не давало никаких привилегий, после смерти главы семьи наследство делилось между всеми ее членами. Таким образом, хотя ответственность за ведение хозяйства переходила к старшему сыну, особенно в отношении поддержания родственников-иждивенцев, непосредственно земельный надел делился на участки, хозяйства мельчали и становились менее экономичными. Дочери получали половину того, что приобретали сыновья, и должны были селиться на участках, которые унаследовали. Ведение хозяйств на участках брали в свои руки мужья. Рассудив здраво, владельцы смежных земельных отрезков могли объединить свои наделы в более крупные и продуктивные хозяйственные единицы. Арендаторы были обязаны информировать своих феодалов о любых изменениях надела, но, если земля возделывалась надлежащим образом, если выплачивались все налоги и подати, землю никогда не отчуждали от семей. Если же арендатору не удавалось эффективно использовать надел, на него налагался штраф исходя из площади надела, и через три года земля подлежала конфискации.

В целях сбора налогов велся официальный, постоянно обновляемый реестр домашнего скота, урожая, ульев. Вследствие того что налоговые платежи осуществлялись деньгами, крестьяне, которых, кроме этого, больше ничего не связывало с городом, возили продавать свою продукцию торговцам на ближайшие рынки для последующего потребления ее горожанами. Порой, когда оплата налогов выпадала на неблагоприятное время, они были вынуждены идти даже на невыгодные сделки с торговцами, выдававшими им деньги авансом в ответ за обязательство поставок продукции после сбора урожая. Там, где феодалы поддерживали тесные связи с крестьянами, между сторонами возникали солидарность и взаимопонимание, там же, где налоги собирали в казну, никто не мог защитить права крестьян. Их эксплуатация могла непомерно усиливаться.

Большинство сельского населения жило в горных районах в удалении от дорог. Сообщение в этих районах было затруднено, а узы солидарности весьма непрочны. В результате деревенские общины существовали по принципу самодостаточности. Все сельскохозяйственные орудия, такие, как плуги, бороны и молотильные биты, производили дома и в основном из дерева. Стада коров и коз давали не только молоко и молочные продукты, которые вместе с выращивавшимися овощами и зеленью потреблялись крестьянами, но также шкуры, кожи, шерсть и волос. Все это тоже использовалось в домашнем хозяйстве для изготовления одежды и обуви, ткани для палаток, шерсти для ковров, седельных мешков и одеял. В каждом доме имелся ткацкий станок, и женщины, привыкшие к разнообразной тяжелой работе, занимались чесанием, прядением, ткачеством, отбеливанием и окраской. Мужчины заготавливали шкуры и кожи и изготавливали кожаные изделия, а также производили из дерева сельскохозяйственные орудия, ложки и кухонную посуду. Зимой стада скота паслись близ деревни в низине, летом их выгоняли пастись на полях, а пастухи, смотревшие за ними, оставались там на несколько месяцев, ночуя в небольших палатках или шалашах, приподнятых над землей на шестах, чтобы их продувал свежий ветерок.

Несмотря на многочисленность отар, овец держали главным образом для получения шерсти. Их мясо редко употребляли в пищу - обычно продавали живьем для жертвоприношения. Большая часть шерсти использовалась для выделки войлока - это было типично крестьянское ремесло. Шерсть растягивали на раме, пропитывали горячей мыльной водой и топтали. Процедуру повторяли несколько раз, пока не достигалась требуемая плотность. Вещи из войлока фактически делали навечно. Ковры и черные шатры кочевников, а также покрывала с декоративной вышивкой, которые изготавливали из шерсти, передавали по наследству как семейную реликвию. Из этой же шерсти делали бурки для пастухов и башлыки, необходимые во время пребывания на холоде высокогорья, длинные, до колен, бурки для кавалеристов, валенки, характерные шляпы дервишей-мавляви и десятки других вещей. Войлочные молитвенные коврики, украшенные вышивкой из шелковых и золотых нитей, пользовались особой популярностью в армии. Все армейские бани делали из этого материала, поскольку он не выпускал пар изнутри и не впускал холод извне. Даже султан и его высокопоставленное окружение пользовались шатрами, покрытие которых изготавливали из такой шерсти. Для них шатры покрывали парусиной, а изнутри подшивали шелком. Войлок ценили также за изолирующие свойства, в него паковали лед, который кололи на куски в горах, особенно на горе Олимп близ Бурсы, и постоянно отсылали летом в город с караваном мулов. Султанский дворец пользовался преимущественным правом получения льда, а то, что оставалось, продавали населению Стамбула и других городов в качестве средства охлаждения шербета и других напитков.

Курдючные овцы, которые давали масло для приготовления пищи и для масляных ламп, считались отборной частью отары. Их курдюк весил от 8 до 10 фунтов и больше. Самых больших курдючных овец даже возили на небольшой платформе на колесах, которую возило тягловое животное, потому что вес овцы был слишком велик и для нее самой и потому что ее курдюк мог пострадать, если бы волочился по земле. Очень бережно обращались с козами, дававшими знаменитый ангорский мохер. Козы, питавшиеся редкими пучками сухой травы, давали шерсть более высокого качества, чем те, что паслись на пастби-

цах с сочной зеленой травой. Коз часто мыли в проточной воде, а их прекрасную шерсть, касавшуюся земли, не стригли, а вычесывали тончайшими как шелк нитями. Женщины готовили из них пряжу для дальнейшей работы. Затем пряжу отправляли в Ангору, чтобы из нее производили ткань соответствующей окраски. Больше всего ценилась ткань зеленого цвета, которую предпочитал пророк, но пользовались большим спросом также ткани белого, оранжевого, бледно-голубого, фиолетового и серого цветов. Однако отличительной чертой этой ткани был волнистый рисунок, который появлялся из-за того, что ткань подвергалась сложному процессу вымачивания в воде после окраски.

Ткань с большими ровными волнами стоила весьма дорого, одежду из нее носили самые богатые и знатные люди.

Подобно городским обитателям, крестьяне относились к своим домашним животным бережно и благоразумно. Хотя за некоторыми животными охотились для пополнения запасов продовольствия, а других заставляли выполнять такую же монотонную тяжелую работу, какой занимались сами, к беззащитным существам никогда не проявляли ни малейшей жестокости. Даже самые бедные люди обращались с животными как с собственными детьми. Имелось много коневодческих хозяйств и великолепных ветеринарных врачей. С лошадьми обращались мягко, без окриков и битья, ночью укрывали одеялами. Владельцы лошадей относились к родословным своих питомцев с тем же вниманием, что и к особенностям их поведения. Особенно ценились кобылы, которых проверяли на устойчивость посредством быстрого спуска на них с крутых склонов, причем кобылы были подкованы сплошными, почти круглыми подковами, чтобы проследить, будут ли они спотыкаться. В ряде провинций широко употребляли кумыс, который изготавливали из забродившего кобыльего молока. Турки очень любили кошек, следуя примеру пророка, который сказал, что он скорее отсечет рукав своего халата, чем побеспокоит кошку, спящую на нем. В садах при мечетях и на улицах всегда было много кошек, которых кормили несколько вакфов. Даже к собакам турки относились по-доброму, хотя эти животные считались нечистыми и часто бродили в сельской местности целыми стаями. Пастушеские собаки были свирепы и одновременно преданы своим хозяевам, полностью им подчинялись и не знали страха. Чистокровные собаки стоили в семь-восемь раз дороже здорового мальчика-раба на рынке Стамбула, а отношения хозяина и собаки на отдаленных пастбищах были таковы, что они ели из одной тарелки. На собак надевали широкий кожаный ошейник с металлическими шипами. И не существовало дикого зверя или другой угрозы отаре, которую они не были бы готовы отразить. Мاستифов местной породы отпускали по ночам охранять армейские штабы, они были наилучшим средством устрашения потенциальных преступников.

Особенно любили аистов, которые гнездились на крышах мечетей и домов. Они без боязни ходили среди людей, уважавших птиц за добродетель, которой восхищались: ответственность перед сообществом себе подобных. Среди аистов безбоязненно селились небольшие птицы самых разных видов, а сами аисты кормили и оберегали своих старших особей, которые уже не могли о себе позаботиться. Осенью аисты терпеливо ожидали, когда соберутся все члены стаи, чтобы всем вместе взмыть вверх на большую высоту и организованно отправиться по строго намеченному маршруту в Африку. В ходе перелета выделялись часовые для охраны стаи во время передышек на земле. Тех аистов, которые были уже не способны совершить вместе со стаей долгий перелет в южные страны, кормили и оберегали сами турки.

Дома большинства крестьян напоминали норы на склонах холмов. Склон холма подрезался так, чтобы иметь вертикально расположенную плоскую поверхность, а затем изнутри холма выгребали землю для образования комнаты. Извлеченную из холма землю использовали для постройки стен и крыши передней дома так, чтобы он выступал из склона холма, но вскоре эта земля зарастала травой, просматривался лишь вход в дом. Траву щипали телята, а на крыше, покрытой дерном, играли дети. Самой заповедной частью дома

была женская половина. К основному помещению спереди примыкало стойло для скота, где грелись животные зимними ночами. Очаг для приготовления пищи представлял собой огромный глиняный кувшин, частично вкопанный в пол главной комнаты, и топливом для нее служила смесь рубленой соломы и помета животных. Котел с варевом подвешивался цепью на перекладине над горлышком кувшина, а дым выходил не без труда через небольшое отверстие, пробитое вверху на передней стенке дома. Обстановка дома была скромной: несколько ковров и стеганых одеял, кожаные или вязаные сумки с запасной одеждой и вещами. Все это развешивалось на стенах или складывалось в углах. Пол покрывали килимами, представлявшими собой коврики, плетенные из шерстяных полос того же типа, что шли на изготовление седельных сумок. Полосы, сшитые вместе в соответствии с требуемой шириной, отличались цветами светлых тонов и традиционными местными узорами. В кладовке, помещавшейся с одной стороны дома, находился бак для приготовления бузы, а также кувшины для хранения зерна и прочих продуктов. Внутреннее помещение большинства домов, сколь бедно оно ни выглядело, как правило, было чистым, особенно там, где хранилась или готовилась пища.

Члены семьи ели сидя на корточках или на полу, скрестив ноги. Их пища состояла главным образом из хлеба с солью, а также черемши, лука и чеснока или репы, пастернака и огурцов, кислого молока, сыра, свежих или сушеных фруктов. Баранина или курятина с рисом считались деликатесными блюдами и подавались на праздники, так же как пироги, сладкий напиток шербет, виноградный сок, вода, разбавленная медом или сахаром.

Большинство семей выращивали на своих земельных участках все необходимые овощи, часть которых запасали на зиму. Осень была напряженным временем, когда делали необходимые заготовки на предстоящие месяцы. Женщины готовили брикеты из соломы и навоза в качестве топлива. Массивными палками они выбивали горох из шелухи, носили домой зерно с урожайных полей. Зерно рассыпали на земле для обмолота, - этим занимались бык или пара ослов, двигаясь снова и снова по кругу и таща за собой молотилку. Она представляла собой платформу из деревянных досок, в которую рядами вставляли камни с острыми краями, рассекавшими шелуху на зернах. Иногда на платформу садились мальчик или девочка, чтобы утяжелить ее, но не переутомить тягловых животных. Затем зерно просеивали через большие сита и бросали по ветру, чтобы освободить от мякины. Муку издавна мололи на ветряных мельницах, однако при Сулеймане Великолепном был введен способ помола жерновами, вращаемыми упряжкой лошадей. Этот способ быстро распространился в империи.

Хотя формально Анатолия считалась мусульманской провинцией, религиозные верования в ней не носили ортодоксального характера, а многие обычаи сохраняли очевидные следы их доисламского происхождения. Вдобавок к языческим пережиткам в ряде районов провинции пользовались сильным влиянием религиозные секты. Так же как и в городах, приверженцы ордена Бекташи и в сельской местности были обязаны своей популярностью учению, раскрепощавшему и внушавшему оптимизм; целые деревни объявляли себя сторонниками этого учения. Повсюду распространилось влияние ордена Мавляви. В начале года, 10 мухаррама, в ряде районов, в шиитских деревнях, в атмосфере ритуального траура разыгрывали экзальтированные представления на тему мученичества Хусейна, сопровождавшиеся исступленными танцами и самобичеванием цепями до крови.

Некоторые из наиболее соблюдаемых ритуалов сочетали религиозные элементы с древними обычаями. Вот пример. Первые 40 холодных дней зимы каждый год уносили жизни стариков и слабых здоровьем, затем следовали 50 дней, лишь немногим менее холодных и смертоносных, а после этого все выжившие начинали готовиться к празднику благодарения и радости. Они приносили жертвы, раздавали милостыню, молились во спасение, а затем отмечали конец суровых холодов празднествами. Эти встречи проходили главным образом в цеховых комнатах, в это время ели всевозможные сладости, особенно сладости из абрикосов, лимонов и крема, рис, подслащенный виноградным сахаром, разные виды халвы, приготовленной либо на основе манной крупы, либо на основе смеси кунжута и меда,

пили бузу из проса. Торжественный момент состоял во внесении в комнату огромного медного подноса, на котором громоздилась горка муки, окруженная у основания сахаром. Вокруг подноса становились 10-12 кондитеров, вымывших руки и закативших рукава. Держа руки на груди и совершая глубокий поклон при каждом упоминании имени пророка, они шептали гюльбанк - обращение к Господу, - завершая его звучным «ху-у-у». После девяти ударов по барабану «ху-у-у» повторялось, и снова звучали удары по барабану. Затем под песни, музыку и шутки они погружали руки в муку, замешивали в нее сахар и приготавливали из смеси этакую сахарную тянучку, которой угощались все присутствующие. В канун весеннего праздника совершали очищающий ритуал перепрыгивания через костер, а также вытаскивали наудачу из кувшина небольшие сувениры и раздавали их окружающим под декламацию соответствующих стихов.

В сельской местности развлечений было немного, и жители деревень творили их сами почти исключительно в виде местных танцев и незатейливых спектаклей, в которых женские роли играли мужчины. Они сопровождали развлекательными мероприятиями такие семейные торжества, как дни рождения, обрезания и женитьбы, так же как смену времен года и циклов сельскохозяйственных работ, как в течение года, так и по случаю. Это сопровождалось сбором продуктов во время хождения от дома к дому - иногда под музыку и танцы - для подготовки к празднику, в котором принимала участие вся деревня. К подобным развлечениям относился также вызов дождя, когда юноша или девушка, облаченные в камуфляж из листьев, танцевали у какого-нибудь дома, а его обитатели брызгали им на голову воду. По случаю спаривания баранов с овцами парень, обвешав себя вокруг пояса колокольчиками, молча танцевал на деревенских улицах и останавливался у каждого дома, где ему давали продукты для предстоящего праздника. В конце сезона дождей парни с горящими факелами в руках под музыкальное сопровождение скрипки пели и танцевали перед домами, порой бросая в двери жилищ горящий факел - символ солнечного тепла. Другие празднества посвящались окончанию сбора урожая, зимнему солнцестоянию, сопровождаемые танцами на тему смерти и воскрешения, которые символизировали пробуждение природы. В ряде районов провинции проводились сезонные ярмарки, имевшие давнюю традицию. Поскольку крестьянам для участия в ярмарках приходилось преодолевать большие расстояния, они редко длились менее трех дней, а часто неделю и более. Большие скопления людей во время ярмарок охранялись подразделениями солдат, отряженных властями. Помимо продажи продовольствия и разных изделий ремесленников, характерной особенностью ярмарок были танцы и театральные представления.

Местный танец являлся не только частью народного творчества в данном регионе, но также наиболее важным способом демонстрации деревенского искусства. Если лучший танцор деревни видел, что его превосходят в искусстве танца, он уступал свое почетное звание более искусному танцору. Танцы были весьма разнообразны, иногда люди становились цепочкой, иногда - в линию или полукругом, держась за руки или прижимаясь друг к другу плечами. Ряд танцев исполняли солисты или группы, но отдельно друг от друга. Мужчины и женщины танцевали раздельно, в тех же местах, где устраивали - обычно это были члены одной семьи - совместные танцы, танцоры никогда не прикасались друг к другу и нередко пользовались палкой или платком. Обычно в этих случаях надевали свои лучшие наряды: женщины - подвенечные платья с серебряным поясом и подвеской из золотых монет на голове, мужчины - в расшитых коротких курточках, с богато украшенными кинжалами за поясом, в шароварах, стянутых под коленями. Танцоры надевали обувь из мягкой кожи. Женщины повязывали на свои маленькие шляпки шарф или вуаль - с непокрытой головой на людях было появляться неприлично, - мужчины надевали небольшие тюрбаны.

Танцы сопровождало пение самих танцоров или аудитории. Чаще всего они исполнялись под аккомпанемент резких звуков свирелей и громкий стук больших цилиндрических барабанов, обычно с перевязью через плечо; на них гибкой палочкой в левой руке и более массивной палкой с набалдашником в правой руке отбивали ритм. Использовали и другие

музыкальные инструменты: примитивные дудки, цилиндрические барабаны меньшего размера для игры в помещениях, барабаны из глиняных горшков, горлышко которых обтягивалось овечьей кожей, тамбурины - обычно для сопровождения танцев женщин, литавры - для ритуальных танцев, обычные деревянные ложки и кастаньеты. Некоторые танцы имитировали поведение животных: ухаживание журавлей - священных птиц для древних турок, приближение орла к добыче, схватку благородного льва со свирепой гиеной, клоунаду с верблюдом, которого изображали два танцора в верблюжьих шкурах; другие - имитировали явления природы, например течение воды или раскачивание тополей. Были еще танцы, изображавшие повседневные сцены из домашней или деревенской жизни, например выпечку хлеба, работу ткача или мытье головы. Исполнители время от времени прохаживались среди зрителей, и все это завершалось зажигательной пляской в знак благодарности или приглашения к аплодисментам. Однако наиболее популярными были танцы с оружием и такие, которые изображали битвы или подвиги, - они всегда отличались особой энергетикой и нарастающим темпом. Часто танец заканчивался прыжком через костер, например когда деревенскую невесту вели в ее новый дом.

Были распространены и религиозные танцы. Дервиши-мавляви с детства учились вращаться, удерживаясь пальцами ног у вбитого в пол гвоздя и двигаясь вокруг этой воображаемой оси. Дервиши начинали свой «вращательный» танец, сложив руки на груди и держа пальцами за плечи, после короткого вращения они разбрасывали руки в стороны. Правую поднимали выше уровня плеча раскрытой ладонью вверх - она была открыта для получения небесных благ, левую опускали до земли, чтобы они, пронизав тело, вернулись в природу. Два концентрических круга вращения танцоров символизировали движение небесных тел, периоды вращения отражали последовательную смену времен года. Представители секты Алави тоже танцевали во время церемоний религиозного характера. Иногда мужчины и женщины исполняли танец сообща, медленно двигаясь и не прикасаясь друг к другу. Возглавлял это действо глава секты.

Танцы бытовали повсеместно и имели древнюю традицию, идущую со времен язычества, включали элементы давно забытых ритуалов по изгнанию нечистой силы и поклонению силам природы. Исламские запреты в основном игнорировались крестьянством и даже провоцировали, являлись своего рода вызовом. Изолированность многих деревень, отдаленность способствовала сохранению характерных черт и преемственность форм танца. Когда во время экспансии группы турок осели на Балканах, они приносили с собой прочные традиции танцевальной культуры, влияющие на этот вид искусства в Восточной Европе.

Кроме крестьян-арендаторов, в Анатолии проживал ряд племен и национальных меньшинств. Юрюки составляли, видимо, наибольшую группу коренного населения, с родственными племенами и различными обычаями. Они вели главным образом кочевой образ жизни, скопления их черных шатров встречались в Анатолии почти повсеместно. Каждое племя возглавлял предводитель, ответственный перед центральными властями. Племена говорили на разных диалектах турецкого языка. Некоторые из них придерживались шиитского направления в исламе, другие - суннитского, третьи вовсе не исповедовали никакой из официально принятых религий. Одни племена получили название за цвет шерсти или какие-нибудь отличительные признаки своих отар, например племя Белой овцы или племя Черных коз; иных именовали по названию места проживания предков. Юрюки были пастушескими племенами, хотя помимо скотоводства они занимались заготовкой дров и древесного угля. Некоторым из них власти давали определенные поручения, такие, как транспортная перевозка грузов по маршруту их сезонных кочевий в стране. Когда племена гнали свой стада с зимних на летние пастбища, им не разрешали останавливаться на одном месте более трех дней или посягать каким-либо образом на вакуфные и феодальные земли. За их передвижениями следила стража, которая немедленно пресекала любую попытку нарушить закон. Племена платили налоги, и главным образом в натуральном виде - поставками шерсти. В начале осени ее доставляли губернатору провинции из мест, которые племя

выбирало для летних стоянок, однако учитывая, что кочевники нигде не селились надолго, постоянных налогов они не платили. Однако они подлежали набору на военную службу, от которой иногда откупались полностью, иногда частично.

Зимой кочевники вели полуоседлый образ жизни. Вместо установки шатров, которые могли вместить несколько поколений одной семьи, они строили хижины из тростника и прутьев. Внутри шатра или хижины свои высокие деревянные седла они укладывали в виде оборонительной стенки, которую днем подпирали скатанные матрасы, служившие постелями ночью. Предметы обстановки отличались простотой, их легко перемещали. В каждом домашнем хозяйстве имелась маслобойка из козлиной шкуры, ткацкий станок для изготовления килимов и тканей, несколько кружек, деревянных тарелок и ложек, а также пара медных казанов в качестве фамильных ценностей, иных предметов быта было совсем мало. Бродячие лудильщики паяли прохудившуюся металлическую посуду, ремонтировали сбрую или другие металлические предметы, а платой за услуги были сыр и масло в количестве, которое мог перевезти мул. Пища самих кочевников была довольно скудна: молочные продукты да лаваш, испеченные в медных противнях на топливе из соломы и навоза. Однако эти люди славились большим гостеприимством.

Жены кочевников имели отдельные шатры и свои занятия. Например, две или три из них ухаживали за козами или овцами, другая присматривала за верблюдами, третья обеспечивала воду и топливо, четвертая делала масло и сыр, пятая занималась ткачеством. Хотя юрочки предпочитали жениться на одноплеменницах, бывало, что похищали женщин других племен, когда не хватало своих. Свадебные обряды отличались простотой: устраивали праздничную трапезу с добавлением к повседневной пище мяса, обычно баранины, проводили ритуал обмена платками. Женщина рожала много детей, но значительное число их умирало в младенчестве.

В племенах бытовало многоженство, но статус женщины поддерживался довольно высоко, и, хотя они не носили чадры, моральные нормы строго соблюдались.

Обрезание, если оно вообще практиковалось, совершалось представителями других религиозных сект, порой даже евреями, и проводилось за несколько дней до празднования этого события, на него приглашали ходжу, скорее по традиции, и платили ему символическую сумму, как если бы именно он совершал этот акт. Впрочем, обрезание не считалось в исламе религиозным обрядом. Часть плоти, удалявшаяся при обрезании, так же как плацента при родах, выпавшие зубы или отрезки ногтей, старательно уничтожали, поскольку они могли нанести большой вред своему владельцу как возможный объект колдовства.

Суеверия играли большую роль в жизни кочевников. Захоронения производились близ священных деревьев, росших вдоль путей кочевья. Проходя мимо такой могилы, кочевники бросали на нее несколько камней из каменной груды, высившейся около дерева. К ней добавляли новые камни, к ветвям дерева или соседних кустов привязывали лоскутки тканей или деревянные ложки.

Большая христианская община Анатолии состояла в основном из представителей греческой православной церкви. Многие из них жили сообществами, сохранившимися со времен существования Византии, и пережили все турецкие нашествия. Несмотря на падение Византии, христиан Малой Азии в большинстве случаев не обращали насильно в ислам, если они не представляли опасности. Они приносили османам большую выгоду как плательщики более высоких налогов. Бывали случаи, когда христиане добровольно принимали ислам, чтобы избежать ограничений, которым подвергались немусульманские народности. С другой стороны, там, где происходило обращение в мусульманскую веру, христианство исповедовали тайком. Руководство православной греческой общиной осуществлял патриарх в Стамбуле. Патриарх и епископы выбирались из высшего слоя духовенства, дававшего обет безбрачия, однако деревенские священники, обслуживавшие насущные религиозные потребности крестьян, как правило, были неграмотны, забиты и не пользовались большим уважением. Им разрешалось жениться. Поскольку у деревенских священни-

ков часто было много детей, обеспечение которых требовало затрат, они зависели в значительной степени от подношений паствы и сильно бедствовали. В тех деревнях, где христиане и мусульмане жили бок о бок, в среде простых крестьян наблюдалось, как это часто бывает, смешение культов. Греки Анатолии отличались веселостью, отходчивостью и оптимизмом. В отличие от своих турецких соседей они были весьма активны. Манеры и обычаи греков не претерпели больших изменений со времени существования Византийской империи.

Хотя еврейские общины существовали в Малой Азии с византийских времен, а может быть, и с более ранних времен, турецкие евреи были главным образом сефардами - беженцами, спасавшимися от испанской инквизиции. Они говорили на диалекте испанского языка, используя иврит только во время религиозных церемоний. В 1666 году один из них, Саббатай Зеви, открыто исповедовал ислам и провозгласил себя в Солониках мессией. Его последователи фактически тоже стали отступниками и жили как турки, но втайне оставались иудеями, встречались скрытно в домах без окон для совершения религиозных обрядов и в брак вступали только с еврейками. Эти денме, то есть «обращенные», внушали подозрения как евреям, так и мусульманам. Лишь немного евреев жили вне городов, большинство из них практиковали как медики в городах.

Цыган, бродивших небольшими таборами по Анатолии, мусульмане презирали, а первые платили им той же монетой. По городам и деревням ходили мужчины-дрессировщики, развлекавшие зрителей ручными медведями и обезьянками, а также женщины - предсказательницы судьбы. Цыгане владели искусством приготовления лекарств и снадобий из трав и растений. Их маленькие дочки танцевали и пели на свадьбах и вечеринках, такие развлечения пользовались большим спросом у местного населения. Цыгане-мужчины были искусными коневодами, мастерами работы по металлу, однако оставались бедными и бесправными людьми. Религиозные и традиционные праздники были у них немногочисленны.

Из Анатолии пути вели в столицу и другие крупные города, а оттуда в восточные регионы империи. Это были узкие мощеные дороги в три фута шириной, что позволяло проехать всаднику. По обеим сторонам дорог тянулись пути, по которым двигались караваны верблюдов и мулов, везших провизию из провинций в Стамбул, стада домашних животных, подгоняемые пастухами, армейские подразделения.

Они были многочисленны и снабжены всем необходимым, поскольку в зонах военных действий противник использовал тактику выжженной земли, не оставляя преследующим его правительственным силам ни жилья, ни пропитания, ни фуража. Продовольствие и снаряжение офицеров везли на мулах и верблюдах, каждому кавалеристу придавалась вьючная лошадь, груженная продовольствием, одеждой, постельными принадлежностями и тканью для шатра, которую вели на поводу. Снаряжение солдат везли на телегах. Когда султан выезжал из военного лагеря, то нередко мог увидеть строй солдат, чьи лошади погибли в бою. Они стояли на обочине дороги с седлами на головах. По усмотрению султана им выделялись средства для покупки новых лошадей.

Караваны торговцев отличались друг от друга по размерам. Их прибытие строго регулировалось, чтобы упорядочить доставку товаров, не переполнить ими рынок, что, в свою очередь, могло бы повлиять на цены. Ряд караванов прибывал по строго установленному графику: каждую неделю двигались караваны лошадей и верблюдов между Стамбулом и Измиром, каждые три месяца - между столицей и Грузией; два раза в год прибывали караваны из Басры, три-четыре - из Алеппо, шесть-десять раз - из Персии. Время пути каравана разнилось в зависимости от его величины, скорости самых медленно передвигающихся вьючных животных, состояния дорог в различные времена года. Таким образом, караван из Измира шел в столицу десять - двадцать дней, из Персии - два-три месяца. В жарких странах они двигались в ночное время, когда жара спадала, стремясь добраться до караван-сарая на заре. Утренняя звезда называется по-турецки «жерван-киран» - «разрыв в ка-

раванном строе», - это слово означало временное нарушение порядка следования людей и животных. Остановки бывали и в крупных городах, где порядок следования каравана мог изменяться, случались и на дороге по прохождении 20-25 миль, что составляло дневную норму, в соответствии с этим и располагались вдоль дорог караван-сарай.

Придорожные караван-сарай, будучи порой центрами притяжения маленьких окрестных деревень, предлагали гостям в своих укрепленных стенах безопасный и надежный ночлег, а также разнообразные услуги. Путешественники, паломники, торговцы и почтовые служащие - фактически все, кто находился в пути, могли здесь отдохнуть, за исключением военных на марше, которые разбивали свой лагерь. Вход в караван-сарай представлял собой двойные деревянные ворота, укрепленные железными плитами. В одной из створок ворот была калитка, через которую по одному проходили гости, в то время как смотритель ворот, проживавший у входа, следил за всеми, кто входит и выходит. В более скромных караван-сараях было трудно получить отдельную комнату. Двор в центральной части предназначался для животных и грузов. К стенам, окружавшим двор, примыкала платформа высотой в три фута и шириной в четыре фута с установленными на ней печками. Там селились постояльцы, в одиночку или группами. На печках у стены они готовили себе еду, спали на коврике, используя седла в качестве подушек, а накидки - в качестве одеял. У ног стояли на привязи вьючные животные, которые совали свои морды на платформу в надежде получить лакомый кусочек хлеба или репы.

Однако крупные, удобные караван-сарай предоставляли путникам отдельные комнаты с печками, а также спальни, ванны и туалеты. Во дворе стояли на привязи животные, под арками и сводами вдоль стен находились камеры хранения для грузов, багажа и фуража, рядом под купольной крышей с отверстиями для света и вентиляции находились зимние стойла для животных. В местностях с жарким климатом можно было подняться по лестнице на плоскую крышу, где по вечерам ужинали постояльцы, перед тем как отправиться в дальнейший путь со своим караваном. В центре двора или в одной из боковых комнат помещалась небольшая мечеть, у входа в караван-сарай - кофейня, ремонтная мастерская, кузня и конюшни.

Большинство прекрасных старых одноэтажных караван-сараяев, отделанных шлифованными камнями, сохранилось с XIII века, то есть эксплуатировались они сотни лет. Более поздние караван-сарай, эпохи правления Османов, обычно располагались в городах, чаще всего строились в два этажа, были кирпичными или каменными, с оцинкованной крышей. На нижнем этаже помещались лавки, кладовые и маленькая мечеть, на верхнем - жилые комнаты. В крупных городах, стоявших на пересечении важных дорог, встречались порой хорошо оборудованные гостиницы, которыми пользовались губернаторы провинций, военачальники, высокопоставленные правительственные чиновники, совершавшие поездки с особыми поручениями. Опекавшиеся вакфами, эти гостиницы предоставляли в дополнение к удобным номерам и другим услугам вечерний стол, обычно на большом деревянном подносе подавали блюда с пловом. Его готовили из перловки или риса с тушеным мясом, подавали также лаваш, а иногда сотовый мед.

Глава 9

О ПРОВИНЦИИ

Основные принципы управления провинциями первоначально утвердились в Румелии и Анатолии, но ряд других территорий, приобретенных в ходе расширения границ империи, представляли собой более крупные и менее управляемые образования. Во всяком случае, следует иметь в виду различие между мусульманскими странами, подпавшими под власть Османов, и христианскими, завоеванными в ходе борьбы с неверными. В мусульманских

землях Азии власть Османов в целом носила символический характер и почти ничего не изменила в сложившейся там системе управления. С другой стороны, управление христианскими землями осуществлялось более жестко, хотя и разрешалась свобода в отправлении культов христианами и самоуправление, при условии уважения законов, действовавших на таких территориях, и уплаты установленных для них налогов. В основном от покоренных христианских стран требовались признание над собой власти мусульман и воздержание от непочтительности или вражды. Им также вменялось в обязанность развлекать и содержать за свой счет мусульманских чиновников или путешественников, следовавших через их территории, и, конечно, поставлять солдат-новобранцев. Взамен османские власти гарантировали христианам сохранность жизни, имущества и права исповедовать свою религию.

В ряде христианских стран, особенно на Балканах или в Восточной Европе, приход турок означал улучшение жизни населения, особенно развитие торговых путей, поскольку по суше и рекам они вели до самой столицы империи, Стамбула. Кроме того, ликвидировались владения многих феодалов, а распределение их земель среди крестьянского населения вызывало их благодарность и желание мирно сосуществовать. Таким образом, между турками и населением этих стран складывались хорошие отношения. Во многих сельских регионах смена власти не повлекла почти никаких изменений, жизнь продолжалась в соответствии с традициями проживавших там народов. Деревенский глава, священник, кузнец, старая знахарка, готовившая лекарства из растений и занимавшаяся магией, сохраняли свою роль в жизни деревенской общины.

Помимо континентальной Греции и ее островов, деревень в Малой Азии, поселения греков были разбросаны по всей территории империи. Они устраивались в стороне от местных деревень и всегда демонстрировали особую приверженность своим обычаям и верованиям. Повсюду встречались следы поклонения христиан и своим языческим богам в их чрезвычайно суеверном отношении к горам, водам и всем явлениям природы, а в празднованиях дней христианских святых, проводившихся на деревенских ярмарках, было что-то отличное от ортодоксальной веры. Паломники, приходившие издалека посетить гробницу святого, часто останавливались на ночлег в церкви. Их подношения в виде мелких золотых монет, прилипавших к щекам статуи Девы Марии, расценивались бедными священниками, смотревшими за гробницей, как щедрые дары. Празднования христианских дат, семейных и традиционных торжеств сравнительно мало различались в разных районах, и почти все демонстрировали до некоторой степени смесь религиозного благоговения и суеверного страха. При родах мать и ребенок считались столь уязвимыми для воздействия злого духа, что их не оставляли наедине, пока младенца не окунали в купель при крещении и таким образом не делали неуязвимым. Покойников хоронили, горюя и плача, было принято даже привлекать профессиональных плакальщиц. Через 40 дней устраивали на могиле поминальную трапезу с зажженными свечами, чтобы помолиться за душу, отошедшую в иной мир. Через три года останки покойного эксгумировались, кости помещались в склеп. Определенные религиозные установления, такие, как Великий пост, строго соблюдались, особенно женщинами. В четверг перед Пасхой хозяйка готовила сладкие куличи и красила вареные яйца, обычно в красный цвет, по яйцу для каждого члена семьи и одно-два сверх того. Все это она брала с собой в церковь для освящения. Вечернее пятничное богослужение проводилось в обстановке особой торжественности как один из самых святых дней православного календаря. Оно предусматривало зажжение священником свечи от лампы, горящей перед иконой, и передачу ее ближайшим участникам религиозной церемонии, которые, в свою очередь, передавали свечу другим прихожанам. Пламя символизировало воскрешение Христа. В Пасхальное воскресенье семья ела сладкие куличи и яйца, оставшиеся откладывали в запас, хранили в течение года и использовали для исцеления болезней, поскольку считалось, что они, освященные в церкви, обладают магической силой. Другие религиозные и традиционные праздники отмечались богатым застольем и танцами. Наиболее популярным праздником были именины святого Георгия - день, знаме-

новавший начало весны. Христиане ели свежее мясо, так как по традиции до этой даты в течение года не забивали ни одного барашка.

Греческие крестьяне жили за счет овцеводства и земледелия, насколько позволяла местная почва. Женщины выходили замуж в возрасте 12-13 лет, работали на земле, шили и вязали, но обычно не принимали участия в севе и сборе урожая. Среди островных греков было много ныряльщиков за губками. Они пользовались таким приемом: заполняли рот маслом, ныряли на большую глубину, затем выпускали масло пузырями, которые в темноте служили как прозрачные линзы. Греки были бесстрашными моряками, многие жили ловлей рыбы, хотя внезапные штормы Эгейского моря представляли большую опасность для небольших судов.

Жизнь греческих крестьян была суровой и трудной, но они оставались бодрыми и энергичными людьми, веселыми до безрассудства, обладавшими чувством юмора и чести, правда подверженными сменам настроения.

Албанцы, напротив, отличались суровостью и непреклонностью характера. Они жили в небольших унылых городках с убогими улочками и лавками, даже двухэтажные дома богатых людей выглядели мрачными и аскетичными. Крепости местных правителей уединенно стояли в горах, открытые всем ветрам. Деревни представляли собой ряд бедных хижин. Хижина была почти без мебели, состояла из жилой комнаты и кладовки, сады обносили высокой стеной. В каждой деревне имелась общая молотильная площадка, на которой топтали зерно лошади. И мужчины и женщины отличались необыкновенной смелостью; те и другие принимали участие в кровавых разборках, индивидуальных и семейных, иногда между целыми кланами и даже деревнями. Женщины пользовались уважением, но, даже приняв мусульманскую веру, не надевали чадру. Строго соблюдались нормы морали: люди, замеченные в прелюбодеянии, немедленно карались смертью. Большая часть браков заключалась между представителями одного клана, а некоторые горные племена были настолько дерзки, что совершали рейды на мусульманские деревни и похищали там женщин. В таких случаях потерпевшая сторона после выражения показного негодования обычно соглашалась на урегулирование отношений за соответствующую оплату. Албанцы боялись только сверхъестественных явлений и жили в суеверном страхе перед невидимыми силами. Они верили, что все болезни проистекали от дурного глаза и что тени приобретали реальное существование для осуществления злого умысла. Путники помещали камни на развилках дорог и в дуплах придорожных деревьев, чтобы умилостивить беспокойных духов. Таким образом они получали возможность продолжать путь в безопасности, особенно в горах. Совершалось много ритуалов с огнем, когда сжигали дрова для умиротворения древних богов. Клялись «небом и землею», «горами и равнинами», «солнцем и лунной», подбором камня «по весу». Искусства и литературы в письменном виде у албанцев не было, но имели хождение длинные эпические повествования о племенной жизни, их пели зимними вечерами, сидя у костра. Мужчины были главным образом солдатами, торговцами, дровосеками или пастухами. Женщины, помимо ведения домашнего хозяйства, выпечки хлеба, сбивания масла, варения пива, вязания, ткачества и выполнения десятка других работ, занимались земледелием. Орудия труда были очень простыми. Браки в семье устраивали женщины, они лучше ориентировались в степени родства и в качествах возможного кандидата для брака. Они подбирали невест для сыновей, достигших брачного возраста, и устраивали все предварительные сделки, например по оплате приданого. Затем устраивали свадьбу, невесту вводили в дом семьи жениха, включая тем самым в число членов патриархальной семьи. Как и в Греции, похороны сопровождали громким плачем. Мужчины шли около носилок с покойником до места захоронения, женщины следовали позади. Тело покойника укладывали на голую землю и сверху помещали каменную плиту, окружающие прощались с ним, рыдая и в отчаянии катаясь по земле. Затем вносили блюдо вареной пшеницы с сухофруктами и специями для поминальной трапезы, и тогда все замолкали. Когда представитель племени умирал вдали от дома, поминальную трапезу ус-

траивали без церемонии захоронения; близкие родственники в знак траура надевали вывернутое наизнанку верхнее платье.

Болгары в городах жили так же, как и греки, однако в деревнях чувствовали себя более вольготно. Женщин уважали, и они работали наравне с мужьями и отцами, замуж в слишком юном возрасте не выходили. Молодого супруга не обязывали жить под крышей отчего дома, а позволяли строить свой на земле отца, хотя он, разумеется, продолжал работать на родителя. Дома получше строили из камня, семьи победнее сооружали каркас из жердей, которые переплетали прутьями и обмазывали с двух сторон толстым слоем глины, а также из смеси коровьих лепешек и соломы. Стены белили, а крышу в виде арки, выдававшуюся над входом, покрывали соломой или, случалось, черепицей. В доме были общая комната с большой печкой, спальни и кладовки. Земляной пол покрывали толстыми, набитыми шерстью матрасами, на которых члены семьи сидели, ели, а ночью спали. В углу комнаты дома вешали икону, а перед ней лампадку, на полки ставили кувшины и тарелки. В доме имелись ткацкий станок и прялка. В углах дома сваливали тюки с постельными принадлежностями и одеждой. Домашний скот и фураж держались вне жилого дома, под навесом или на участке, огороженном плетнем. В жилищах было чисто, и хотя люди и вели скромный и экономный образ жизни, не были лишены некоторого достатка и удобств. Их пища состояла в основном из ржаного хлеба, фасоли и продуктов птицеводства, а по праздникам ели свинину и баранину, сладкий домашний пирог и вино. Работы было много: помимо ухода за животными и земледелия, болгары выращивали кусты роз и собирали их лепестки, из которых производили знаменитую эссенцию и розовую воду. В урожайные годы собирали виноград, а когда сельскохозяйственные заботы несколько убавлялись, наступал сезон свадеб. Родители покупали для своих сыновей жен. Когда семьи заключали взаимоприемлемую сделку, невесту, одетую в подвенечное платье, расшитое узорами и украшенное монетами, отец вел в дом жениха в сопровождении родственников и друзей. Все ехали верхом на лошадях. На свадьбу созывали всю деревню. В отличие от греков, которые веселились в зависимости от настроения, болгары были готовы плясать в любое время под звуки песен или волюнок. К смерти они относились с фатализмом, на похоронах вели себя сдержанно. Женщины тоже выражали скорбь, но более заботились об опрокидывании горшков и сковородок вверх дном, чтобы отходящая душа покойника не укрывалась в них и потом не бродила по дому. Покойника обряжали в лучшую одежду и укладывали головой на подушку, набитую землей. На грудь клали икону, а вокруг гроба - цветы. Приходили друзья, чтобы проститься, принести цветы и свечи с посланиями, которые покойник должен был передать их умершим родственникам. Все это привозили к краю могилы на телеге, запряженной быками, где после поминальной трапезы с хлебом и вином тело покойного раздевали, заворачивали в саван и помещали в гроб. Женщины возвращались домой для уборки и удаления всяких признаков беспокойной души. Обязательные священные дни года соблюдались неукоснительно, и с особой скрупулезностью Великий пост, по завершении которого с большим воодушевлением праздновалась Пасха. Но, как и в Греции, в каждой деревне имела старая мудрая женщина, чье влияние значительно превосходило авторитет деревенского священника.

Валахи занимались почти исключительно пастушеством. Зимой они жили в горных деревнях, иногда в жилищах, наполовину врытых в землю и прикрытых соломой, выглядевших неким подобием навозных куч, иногда устраивались на деревьях, где размещали стога сена, чтобы уберечь их от бродячих животных. В остальные времена года они кочевали общинами вместе со своими стадами. Женщины ухаживали за домашними животными, чесали шерсть и готовили пряжу, вязали и занимались ткачеством. Когда им случалось спуститься с гор в бедные, небольшие города, они продавали свои изделия на местных рынках, а на выручку покупали грубо сделанные ювелирные изделия из серебра, которые не только использовались как украшения, но и были своеобразной формой накопления богатства.

Для валахов и многих других балканских народов жизнь была монотонной: раннее пробуждение, тяжелый труд и скудная еда. Жизнь менялась только тогда, когда они предавались скромным развлечениям в обстановке всеобщего ликования, которых ожидали с нетерпением. В худшем случае рутинная жизнь нарушалась прибытием чиновников из Стамбула для набора мальчиков в армию, который воспринимали как большое горе. Многие области страдали также от ненасытных янычар, которые требовали от несчастных крестьян обеспечения всем необходимым, когда останавливались у них на постой и во время возвращения из военных походов; кроме того, янычары нагло домогались «платы за зубы» - износ зубов во время еды. Обычно же крестьяне занимались сезонными работами на земле. Их орудия и способы производства были примитивны и традиционны, но позволяли обеспечить всем необходимым себя и свой скот.

Дома освещались плохо. День начинался рано, проходил в тяжких трудах, а после ужина ничего не оставалось, как ложиться спать. Гигиена была тоже на примитивном уровне, но суровая жизнь закаляла, пища же, хотя и скудная, была здоровой. Во всяком случае, сколько-нибудь сносная медицинская помощь отсутствовала, и большинство крестьян считали привычку надеяться только на себя с изрядной долей фатализма.

Каждодневную рабочую одежду шили обычно из бурой грубошерстной ткани, зимнюю - из овечьих шкур. Мужчины носили поверх грубой рубахи до колен куртки из шерсти или кожи, а также широкие штаны, стянутые у лодыжек. Женщины надевали поверх юбок со сборками, длиной до икр, куртки, часто ходили босыми или в тяжелых грубых башмаках. Однако выходную одежду шили из тканей, окрашенных в светлые, яркие цвета, обшивали тесьмой, разукрашивали вышивкой. Ее надевали на свадьбу или на праздники, которые различались не только в разных странах, но и в разных областях. По традиции такую одежду ревностно берегли и с гордостью наследовали.

В азиатской Турции армяне составляли самую большую христианскую общину. Гора Арарат, к которой, по легенде, пристал Ноев ковчег, находилась на земле предков армян. Подобно грекам, у армян представители высшего духовенства связывали себя обетом безбрачия, как и бедствовавшие представители духовенства, рангом пониже, а также и вдовцы. Армянские церкви в городах снаружи декорировали прекрасной резьбой по камню, изображая деревья и животных, библейских персонажей и аллегорические сцены. Их жилища были мрачны и безрадостны: крестьяне жили в лачугах, вырытых на горных склонах, а более зажиточные люди - в домах, сложенных из глиняных кирпичей. Стены покрывали побелкой, а деревянные, иногда резные потолки красили. Армяне надевали несколько платьев яркой окраски, числом побольше или поменьше в зависимости от сезона, хотя некоторые из армян носили одежду, как у малоазиатских турок, когда селились в городах, чтобы торговать. Армянки имели репутацию опрятных, чистоплотных и предприимчивых женщин. Они пряли пряжу и ткали материю для домашних изделий, особенно славилась плотная шелковая парча с цветными узорами и прекрасный белый войлок, а старые женщины умели изготавливать апельсиновую и розовую воду, а также варенье.

Семьи жили патриархально, под одной крышей сосуществовали представители трех-четырёх поколений. Хотя детей любили и даже баловали, в семье поддерживалась строгая дисциплина. Браки заключались, когда девушке обычно было 20 лет, развод исключался. Свадьба длилась несколько дней. Важной персоной в это время становился деревенский цирюльник, который в первый день свадьбы все утро брил жениха в присутствии его друзей, сопровождая это шутками и байками. Когда гости решали, что процесс слишком затянулся, дарили цирюльнику немного денег, и он завершал свою работу, подавая сигнал, что пора одевать жениха. Затем группа мужчин шла в дом невесты, неся кривые турецкие сабли в знак того, что девушка похищается из дома против ее воли. Там после обмена приветствиями между представителями двух семей невесте завязывали глаза и вели в церковь, которую ее подруги украсили гирляндами цветов. После религиозной церемонии жених и невеста принимали участие в свадебном обряде под пение и разбрасывание зерна и мелких монет. Невеста с серебряной тарелкой на голове, обвязанной длинной лентой из шел-

ка малинового цвета, открывала празднество танцем с отцом. Невесте разрешалось впервые выйти к колодцу через 40 дней после свадьбы, это служило поводом для маленького празднества в кругу женщин. До тех пор пока девушка не родила мальчика, она носила красную шерстяную вуаль. Ей разрешалось общаться только с теми членами семьи, которые были младше ее по возрасту, и говорить с мужем только в присутствии его родителей и только с разрешения патриарха. Как и в случае с греками, когда рождался ребенок, его и мать не оставляли одних ни на минуту из-за боязни сглаза, пока новорожденный не был крещен.

Хотя природный ум позволял некоторым армянам успешно вести дела в турецком обществе в качестве банкиров и торговцев, большинство из них были крестьянами и пастухами в сельской местности, бережливыми и трудолюбивыми, законопослушными и расчетливыми, налогами их облагали, как и представителей других христианских общин. Однако мирные по натуре, они всегда враждовали со своими соседями - курдами.

С целью эффективного налогообложения племени курдов исчислялись шатрами, в каждом из которых проживали от пяти до двадцати человек. Образ жизни кочевых курдов определялся наличием пастбищ. Мужчины охраняли домашний скот, главным образом овец, и кочевали по стране, передвигаясь из одного водоносного района в другой, в то время как женщины занимались всеми другими необходимыми делами. Животные слишком много значили для курдов, чтобы их забивали на мясо. Пища состояла из плова, приготовленного из дробной пшеницы, молочных продуктов: молока, сыра и кислого молока, масла, которое сбивали в овечьей шкуре, помещавшейся горизонтально у ног. Молодые женщины катали бурдюк взад и вперед. Когда племя кочевало, мужчины шли впереди, погоняя домашний скот, женщины следовали за ними на волах. Чадры не носили, были бесстрашны и хорошо знали свои обязанности. На привале они сами разбивали себе палаточный лагерь, сами выбирали себе мужей или убегали из племени с избранниками, если разрешения на брак не получали, что случалось, впрочем, редко. Они были заняты во всех сферах жизни племени: когда приходил сборщик налогов, мужа отсылали его к своим женам, а те проявляли чудеса сообразительности: прятали облагавшиеся налогом товары в местах, которые сборщик налогов не решался досматривать, встречали его требования пронзительными возгласами и бранью. Мужчины семьи стояли рядом, пожимая плечами, и говорили: «Видите, что нам приходится выносить?!» В своих взаимоотношениях, однако, курды были в высшей степени достойны и порядочны. Любое нарушение племенных обычаев и этических правил немедленно и строго каралось. Среди курдов многоженство не было принято, разводы встречались крайне редко. Помолвка отмечалась трапезой, на которой жениха представлял его брат или ближайший родственник. Затем следовали танцы, на которых присутствовали возможно большее число соплеменников, - так готовилась почва для следующего брака.

Имелись также оседлые курды, чьи поселения представляли собой рынки для кочевников. Их простые, одноэтажные, квадратные дома строились из кирпичей, высушенных на солнце, и покрывались смесью глины и соломы, плоская крыша на стропилах укрывалась камышом и землей. Основным помещением считался холл, открытый спереди и использовавшийся летом для еды и ночлега. Бедняки спали на плоских крышах своих мазанок. Как ни странно, бедняки были даже более законопослушны. Чем беднее они были, тем более аккуратно оплачивали все необходимое, а для оплаты расходов по свадьбе было достаточно их устного соглашения в присутствии имама.

Среди курдов попадались представители необычной религиозной секты, называвшиеся язиды. Они верили, что Бог доверил управлять миром семи ангелам, главным из них был падший ангел, имя которого запрещалось произносить вслух. Это был изгнанный из рая, но затем раскаявшийся ангел. Его слезы за 7000 лет погасили пламя ада. Язиды отрицали существование зла. Но вследствие того, что поклонялись они не Аллаху, а иной силе, верующие мусульмане считали их поклонниками дьявола. Хотя мусульмане презирали

язидов, иногда советовались с духовниками этой секты, поскольку верили в их сверхъестественные способности.

Теоретически принципы землепользования в арабских провинциях империи были весьма просты: часть земель была передана вакфам, другая часть находилась в собственности основных владельцев, сдававших землю в пользование мелким арендаторам, которые платили основному владельцу подати и могли быть согнаны с арендованного участка только в случае неуплаты податей. На практике правила землепользования были крайне запутанными, а права и обычаи разных областей значительно различались. Эти права и обычаи составляли часть гибкой системы управления в Османской империи, традиции которой редко нарушались, попытки модернизировать систему были обречены на провал.

Крестьяне арабских провинций вели убогую, забитую жизнь и весьма бедствовали. Они подвергались феодальной эксплуатации задолго до османского завоевания, их покорность в трудных условиях существования дополнялась апатией, развившейся от постоянного недоедания. Обрабатывавшиеся крестьянами земли постоянно разоряли кочевники-бедуины, которые совершали свои набеги или требовали денег за гарантии сохранности урожая и домашнего скота. Полуоседлые бедуины насильно отбирали лучшие пастбища, отводили арыки для своих нужд и даже грабили урожаи других деревень, если им не удавалось собрать свой из-за участия в войнах. Методы обработки земли были крайне примитивны, частью из-за недостатка стремления совершенствовать старые способы хозяйствования, поскольку любые новации воспринимались с подозрением как средство усиления их эксплуатации, а частично из-за глубоко укоренившейся неспособности расстаться с какими бы то ни было обычаями.

Жизнь деревни основывалась на самообеспечении и самоуправлении. Связи деревень с центром ограничивались выплатой налогов. Главный шейх каждой деревни или руководящая группа действовали как магистрат или арбитраж либо вводили справедливый закон, который принимался без возражений. Каждая деревня располагала одним-двумя лавочниками и горшечниками, несколькими ремесленниками, изготовлявшими или ремонтировавшими орудия труда или предметы повседневного пользования. Кроме того, деревня выделяла средства имаму на мечеть и кораническую школу, цирюльнику и плотнику, охранникам, стерегшим урожай и зернохранилища и предупреждавшим о приближении бедуинских мародеров, а также патрулировавшим ирригационные каналы и границы деревенского хозяйства. Сыновья наследовали ремесла отцов, дочери, по возможности, выходили замуж за ремесленников цехов, к которым принадлежали отцы. Члены каждой общины были тесно связаны друг с другом, а отношения между деревенскими общинами или кочевыми племенами редко бывали добрососедскими. Связи с центром осуществлялись через шейхов. Скота выращивалось немного. Арендаторы более крупных земельных участков имели несколько быков для пахоты и других полевых работ. Когда им надо было доставить свои товары на рынок, они нанимали бедуинов с верблюдами. Своим большим влиянием бедуины были обязаны тому, что фактически были исключительными поставщиками этих животных, которые, в свою очередь, были главными выючными животными в торговых караванах. Крестьяне владели одним-двумя ослами, иногда несколькими козами для получения молока и изготовления бурдюков. Голуби были важным источником даровой пищи и помета, который старательно собирался для удобрения полей, поскольку навоз, смешанный с соломой, использовался как топливо и был слишком ценным для того, чтобы им удобряли поля. Главные отрасли хозяйства, в которых использовался главным образом труд крестьян, - это производство хлопка, холста и других тканей. Производство шелка служило причиной развития нескольких вспомогательных ремесел, таких, как крашение, вышивание и изготовление кисточек и прочих аксессуаров.

Производился также первичный материал для матрасов и ковров, масло и продукты из масла, мыло, сода и свечи, сахар-рафинад и меласса, соль, селитра, нашатырь и, кроме того, для потребления в стране и на экспорт - зерно, корм для скота, овощи и фрукты. В большинстве регионов собирали по два урожая в год, а в некоторых даже по три, но крес-

тьяне, находившиеся в феодальной зависимости, не имели от этого выгоды. Их пища состояла из хлеба, молока, соленой рыбы, овощей и маленьких яиц полуголодных кур. Одевались в платье наподобие комбинезона, сверху - шерстяная накидка, на голове - бурнус. Женский труд был тяжелее мужского. Женщины мололи зерно для выпечки хлеба, носили воду, порой издалека, готовили брикеты из навоза для отопления, выполняли полевые работы. Приготовления к женитьбе были просты: женщине достаточно было сказать без свидетелей: «Передаю себя тебе». Не требовалось никакого брачного соглашения или сертификата. Это делало положение женщины весьма ненадежным, а жены, не приспособленные к тяжелому труду, жили под постоянной угрозой развода. Моральные установки были чрезвычайно строги: если женщина оказывалась неверной, ее семья чувствовала себя более униженной, чем муж. Стороны быстро договаривались убить неверную, либо изрубив ее на куски, либо утопив с привязанным к шее камнем.

Бедуины считались одной из самых воинственных народностей. Кроме выращивания верблюдов и земледельческих занятий, они пасли огромные смешанные отары овец и коз и поставляли на местные рынки шерсть, баранину, сыр и верблюжий волос, а также тростник, щелочь, продукты сельского хозяйства, но преобладало в их занятиях участие в междоусобных войнах. Соперничество за пастбища или водные источники, обида из-за действительных или надуманных личных оскорблений - любой повод мог ввергнуть целые племена в кровопролитную войну, в которой не было места малейшим проявлениям религиозной терпимости или гуманности, так же как учету экономических или политических последствий. Распри между семьями, группировками и племенами приобретали исключительное значение и преобладали над личными предпочтениями или моральными принципами. Турецкие власти оказывались неспособными водворить порядок среди бедуинских племен и защитить в достаточной степени их жертв. Случалось, им удавалось убедить племена охранять за плату торговые пути вместо грабежа. Ведь только бедуин мог справиться с бедуином. Для охраны ряда путей, ведущих к Мекке, на определенных племенных вождей возлагалась ответственность за безопасность паломников, проходивших через территорию, которая контролировалась этими племенами. За это их поощряли правительственными должностями или освобождением от налогов. Однако в целом бедуины так же враждовали с турецкими властями, как и между собой.

Не только бедуины доставляли властям беспокойство. Постоянным источником их тревоги были друзы Палестины, Сирии и Ливана, так же как туркмены Северной Сирии и курды Восточной Турции. Многие из этих племен, то ли из-за недоступности мест их проживания, то ли в силу привычек, а иногда из-за необузданного характера, считали себя абсолютно свободными. Они считали, что должны сохранять преданность только своим вождям. Постановления центральных турецких властей либо до них не доходили, либо игнорировались. Османы оставались достаточно мудрыми и достаточно сдержанными, чтобы убедить этих непокорных людей платить налоги. Правовые нормы и наказания в отношении них почти не действовали, большинство соплеменников жили по собственным простым правилам. В соответствии с ними убийство каралось смертью, то есть за убийство свободного человека отнимали жизнь у другого свободного человека, за убийство раба отнимали жизнь у другого раба, за убийство женщины отнимали жизнь у другой женщины. Иногда убийца платил деньги наследникам за кровь погибшего, которые распределялись между членами семьи согласно законам наследования. Ответственность за внесение выкупа за кровь лежала на всем племени или семье, на этой основе осуществлялась также компенсация за нанесенные увечья и раны. Так, за отсечение руки платили половину суммы, причитавшейся за убийство, за отсечение пальца одну десятую этой суммы. За похищение ценной вещи отрубали правую руку, за повторную кражу - левую ногу, за третью кражу - левую руку, за четвертую - правую ногу. За похищение скоропортящихся продуктов никаких наказаний не предусматривалось. Для доказательства факта прелюбодеяния требовалось четыре очевидца; если вина женщины была доказана, ее до смерти побивали камнями. За непреднамеренное убийство требовалось освобождение раба-мусульманина и

выплата компенсации семье покойного. Если убийца не располагал возможностью освободить мусульманина, то должен был поститься в течение двух месяцев. Признавалось право человека убивать в целях самозащиты или защиты своего имущества.

В целом центральная власть не злоупотребляла принуждением, правление осуществлялось относительно справедливо, но, поскольку центр находился далеко, а некоторые губернаторы этих провинций оказывались слабыми или коррумпированными, создание эффективной системы управления империей было почти безнадежной задачей. Невозможно было наладить удовлетворительные отношения с племенами: они противились любым попыткам утверждения власти центра, если они не сопровождались применением грубости и насилия, если же соплеменники замечали в политике центральных властей недостаток либерализма или великодушия, то без колебаний устраивали мятежи. Хотя по закону владеть стрелковым оружием разрешалось лишь военнослужащим регулярной армии и феодалных ополчений, племена находили многочисленные источники получения такого оружия контрабандным путем. Кроме того вооружения, которое продавали непосредственно солдаты султанской армии за наличные деньги, процветала торговля оружием, которую вели феодалы и государственные чиновники. Они сговаривались о продаже зерна иностранцам в обмен на поставки оружия, которое перепродавали на внутреннем рынке, назначая двойную или тройную цену за каждый мушкет. При этом закон нарушался дважды, поскольку, помимо ограничений на владение оружием, существовал запрет на продажу зерна за рубеж.

Сталкиваясь с такой воинственностью племен, разумные турецкие правители, если им не удавалось натравить одно племя на другое, занимали нейтральную позицию в отношении междоусобиц и завоевывали авторитет посредством строительства или ремонта каналов, караван-сараев и культовых сооружений. На главных магистралях, особенно вдоль дорог, ведущих к священным городам Мекке, Иерусалиму и Хеврону, они строили укрепленные караван-сарай, которые не только давали надежные убежища паломникам и торговцам, но также представляли собой военные опорные пункты, хотя и ограниченной мощи. Иногда вблизи караван-сараев, а порой на пересечении дорог в малонаселенных районах страны они основывали поселения, которые состояли из семей перемещенных туда из соседних деревень. Поселения включали от 40 до 200 земельных участков в зависимости от условий безопасности. Этим жителям вменялось в обязанность патрулирование окружающей местности, а некоторые из новых деревень становились ядрами малых городов, в которых постепенно строились здания государственных учреждений и создавались постоянные рынки. Административное управление в таких отдаленных районах не отличалось эффективностью.

Не все племена были мятежными: татары, мусульмане, пришедшие с юга России, происходили от монголов. Они кочевали вместе со своими стадами и, подобно юрюкам Анатолии, выполняли определенные обязательства перед центральными властями. Это были спокойные, обязательные, рассудительные люди, бережливые и предприимчивые, хотя очень неопрятные в одежде и еде: они употребляли в пищу большое количество прогорклого бараньего жира. Летом они кочевали главным образом в Северной Персии и Восточной Турции и, помимо ухода за овцами, содержали большое число пчелиных ульев в виде деревянных колод. Их стойбища, часто располагавшиеся среди древних развалин или вокруг заброшенных гробниц, охраняли свирепые псы. На зиму эти племена строили из тростника и глины небольшие простые двухкомнатные хижины. В хозяйстве использовали искусно выделанные изделия из дерева. Излюбленным развлечением было слушать легенды о народных героях и исторических событиях - они были потомками золотоордынцев, а предком их был сам Чингисхан. Их женщины и мужчины прекрасно владели искусством верховой езды, а одним из обычаев их брачной церемонии был отъезд на лошади невесты, покрытой алой вуалью, из родительского дома в сопровождении подруг. Жених тоже верхом в сопровождении своих друзей выезжал встречать невесту, и с того момента, как кавалькады замечали друг друга, сближались в полной тишине, до тех пор пока жених, пос-

читавший, что приблизился на достаточное расстояние, бросал без предупреждения невесте яблоко или апельсин. В ту же минуту начиналась погоня: жених разворачивался на лошади кругом и мчался домой, его преследовала невеста со своим окружением. Если преследователи настигали жениха до того, как он достигнет своего шатра, то незадачливый всадник был вынужден распротиться со своим конем, седлом и одеждой, за которую он платил выкуп серебряными монетами. Когда невеста подъезжала к шатру жениха, сопровождавшие девушки окружали ее и делали вид, что просят ее не спешиваться. Между тем члены семьи жениха скакали на лошадях вокруг девушек, сопровождавших невесту, призывая ее сойти на землю и одарить их свадебными подарками. В конце концов свадьба завершалась пиршеством и танцами.

Оседлое население городов восточных провинций было более доступно влиянию центральных турецких властей, однако оно оказывалось большей частью косвенным путем. Население делилось на небольшие, почти автономные общины, каждая со своей мечетью, баней, рынком и входными воротами на территорию проживания. Районы проживания общин были разделены большими базарами, рассекавшими город. Ответственность за патрулирование стражей городских районов несли ага местного подразделения янычар и смотритель рынков. Как и на прочей территории Турции, инспекторы рынков играли важную роль в поддержании общественного порядка. Они ходили по улицам вслед за должностным лицом с весами, а за ними группа исполнителей наказаний и прочих помощников. В магазинах и на рынках проверяли точность весов, цены на товары. Иногда они останавливали покупателей, чтобы справиться у них о сделанной покупке, и в случае обнаружения дефекта провинившегося продавца наказывали на месте, как правило, поркой.

Как и в Турции, в ее владениях значение ремесленных гильдий невозможно переоценить. Благодаря этому самые робкие подданные империи могли играть определенную роль в социальной и даже политической жизни своего цеха. Шейхи, представлявшие гильдии в отношениях с властями и отвечавшие за сбор налогов, также поддерживали порядок и дисциплину. Даже гильдию воров обязывали через ее шейха удовлетворять претензии потерпевшей стороны, если ее жалоба заслуживала вмешательства властей.

Случалось, что группы людей различались профессионально, местом происхождения, религией, но каждая из них была крепко спаянной и объединяла верных и надежных членов. Образовывались порой организации для проведения общественных мероприятий, например религиозных праздников, выставок на время процессий, проходивших по случаю таких торжеств, как вступление на престол нового султана, мобилизации населения на защиту города в случае чрезвычайной обстановки. Однако муниципальные учреждения отсутствовали, а к спонтанным образованиям между упомянутыми группами людей власти относились с большим подозрением.

Городские бедняки ютились возле лавок или в халупах, сложенных из необожженных кирпичей, которые обмазывали глиной. Сверху на стропила укладывали пальмовые ветви и покрывали их смесью глины и соломы. Отдельное семейное жилище состояло из одной-двух комнат, где проживали и спали члены семьи, а также кухни и отхожего места. У дальней стены напротив входа помещалась печь, на которой жильцы спали зимой. Из мебели были один-два матраса, несколько глиняных сосудов и ручная мельница для зерна, с помощью которой каждый день приготавливали муку для выпечки хлеба. Обычно условия жизни в городе были чуть лучше сельских, где крестьяне находились под гнетом феодалов, а некоторые семьи так нуждались, что продавали своих детей или оставляли их у дверей мечети, обычно перед пятничной молитвой, в надежде, что какие-нибудь благочестивые люди возьмут их к себе, пусть даже временно. Многие женщины работали служанками или трудились на другой работе за небольшую плату. Если они меньше мужчин, а одевались в лохмотья.

Дома посolidнее строились так, чтобы их окна не выходили на помещения соседей, и летом многие люди спали на плоских крышах или на верандах, обычно сооружавшихся при входе в главную комнату и открытых для прохладного ветерка. В состоятельных ис-

ламских семьях мужчина мог иметь до четырех жен и некоторое число младших жен в дополнение к служанкам. Все они жили в гареме. В мужской половине дома проживали все члены семьи мужского пола, черные и белые рабы и, если владелец дома был очень богатым человеком, евнухи. Белые рабыни обычно служили в домах крупных турецких чиновников. Богатые рабовладельцы местного уровня предпочитали девушек, называемых ими «абиссинками», цвет кожи которых был светло-коричневым или бронзовым и которые обладали приятной внешностью. Эти девушки при всей своей привлекательности отличались неважным здоровьем и часто вскоре заболевали туберкулезом. Их стоимость, как правило, колебалась от одной трети до одной десятой от стоимости белой девушки-рабыни. На покупку рабынь давался трехдневный срок, в течение которого девушка проживала на женской половине дома покупателя, а дамы гарема определяли ее пригодность: не чихает ли, не скрипит ли зубами, не разговаривает ли во сне - все эти причины были достаточными для возврата девушки продавцу. Чернокожих рабов использовали на тяжелой работе, женщины стоили дороже мужчин, хотя те рабы, которые не переболели оспой, ценились дешевле, поскольку не обладали иммунитетом против этой болезни. Во владениях империи с рабами обращались не так деликатно, как в метрополии. Многие из рабов-детей испытывали такие муки на пути из Африки через пустыню и по течению Нила в Нубии и Верхнем Египте, что не выдерживали и бросались в реку.

В городах, как и в провинции, люди вставали рано и после утренней молитвы завтракали, ели лаваш, яйца, сыр или кислое молоко, иногда бобы, прокипяченные с вечера в глиняном горшке, который зарывался по горлышко в горячую золу. Затем мужчины выезжали по делам, обычно верхом на ослах или мулах и часто в сопровождении погонщиков, которые старались расчистить им путь на узкой улочке, размахивая длинной палкой - предупреждая о необходимости разойтись. Впрочем, даже эти меры предосторожности часто не спасали всадника от падения с седла из-за толчка крупногабаритного груза, который вез на себе какой-нибудь проходивший мимо верблюд. Эти животные вели себя непредсказуемо, к тому же среди мусульман существовал принцип: погонщик, державший верблюда на поводу, нес ответственность, если животное наносило удар передними ногами, но если задними ногами, то не винили никого. Дневное время в лавке или конторе проходило в разговорах с покупателями, другими лавочниками или коллегами, в потягивании кофе и курении, неспешном ведении дел. Люди, не занятые работой, ходили в гости или баню, возвращались домой для легкого обеда, после которого уединялись в своих покоях, чтобы их никто не потревожил. Немногие люди бодрствовали слишком долго после ужина, следовавшего за вечерней молитвой, тогда дома освещались лампадками, заполнявшимися маслом, в которое погружался фитиль из хлопка, закрученный вокруг соломины. Лампадки светили слабо, и через два или три часа после заката все дела завершали. Естественно, в небольших городах жизнь была проще. Основная деятельность - прикладное искусство и ремесла, работа главным образом по дереву или металлу, но спрос на предметы роскоши был невелик, таланты мало поощрялись.

Стиль одежды представителей высших сословий в провинциях мало отличался от того, которого придерживались горожане метрополии: длинные шаровары, рубашка, платье с поясом, кафтан, сверху надевали нарядный кафтан и тюрбан на голову. В холодную погоду носили еще и черный шерстяной плащ, который накидывали и на голову. Представители низших сословий носили широкие шаровары, длинную рубашку с широкими рукавами - летом из голубого полотна или хлопка, зимой из шерсти коричневого цвета, - распахнутую от шеи до талии, пояс красного или белого цвета, тюрбан из грубой хлопковой ткани поверх фетровой шапочки. Как и во всех мусульманских странах, в Османской империи тюрбаны различались в зависимости от секты или статуса. Характерная одежда учителей внушала то уважение, которого требовала их профессия, прохожие просили у них короткой молитвы или благословения, а на базаре лавочники не торговались с учителями, а брали с них предлагаемую сумму. Преподавателя одного из таких крупных университетов,

как Аль-Азхар в Каире, часто посещали сыновья богачей, двум или трем из них он позволял служить себе в обмен на передачу опыта и знаний.

Женщины из богатых сословий носили просторные рубашки и широкие шаровары, перевязанные вокруг бедер и под коленями, длинный приталенный кафтан, который спереди застегивали на пуговицы и подпоясывали квадратной шалью со складками. На голове женщины носили фетровую шапочку и тюрбан, обвязывая все это платком, расшитым узорами, на ноги надевали тапки для дома и для выхода на улицу. Как верхнюю одежду женщина носила платок из плотной толстой ткани, который свешивался от уровня глаз до ступней, а поверх этого набрасывала широкое покрывало, черное, если она была замужем, и белое - если нет, скрывавшее ее почти целиком. Волосы заплетали во множество тонких маленьких косичек - от 11 до 25. Число косичек всегда было нечетным, в каждую вплетали три короткие шелковые ленточки черного цвета с золотистыми узорами. Глаза густо подкрашивали черной краской, а руки и ноги украшали мазками хны. Многие женщины носили на подбородке и других местах татуировки в виде голубых или зеленых крапин. Женщины из низших сословий носили шаровары, рубашку, закрывавшую лицо накидку и плед и по возможности больше дешевой бижутерии - им очень нравились тяжелые ножные браслеты, которые при ходьбе позвякивали, но которые воспринимались религиозными людьми как вызывающие и вульгарные.

Население восточных провинций империи составляли отнюдь не одни мусульмане. В Палестине обитали большие общины евреев, часть из них - коренные жители, другие - беженцы из Испании и Португалии, спасавшиеся от религиозных преследований. Они занимались главным образом торговлей и текстильным ремеслом, часто подвергались вымогательствам и принуждению со стороны коррумпированных чиновников, которые заставляли их трудиться по субботам, в священные дни, - перевозить навоз. Этнические группы самаритян тоже считались евреями, и с ними также обращались недостойным образом за «недостаточную покорность». Печальный факт состоял в том, что отдаленность от центральных властей в Стамбуле, а также распространившаяся коррупция оказывали нередко дурное воздействие на чиновников турецкого правительства.

Самую большую христианскую общину составляли копты Египта. Язык богослужений и Библии коптов свидетельствовал об их происхождении от древних египтян, уровень их жизни был несколько выше, чем у мусульман. Значительные поселения христиан имелись в Ливане и Палестине. Кроме того, большие группы паломников-христиан ежегодно посещали святые места, и это являлось настолько важной статьей дохода, что святыни поддерживались в хорошем состоянии, и само стамбульское правительство принимало меры, когда они приходили в упадок. Многие из этих мест посещали также мусульмане, которые почитали такие иудейские святыни, как гробницы Давида в Иерусалиме и Моисея возле Мертвого моря, гробницы патриархов в Хевроне, а также могилы Ионы, Лота и многих других пророков. В список мусульманских святынь были включены также место упокоения Девы Марии в Иерусалиме, церковь в Вифлееме. Но основным местом паломничества была скала, на которой, по преданию, Авраам собирался пожертвовать своим сыном, а позднее здесь остановился после своего мистического ночного путешествия пророк Мухаммед. По соседству со скалой расположена мечеть Аль-Акса. Посещение этих святых мест чуть уступало по значению паломничеству в Мекку и Медину, но такие путешествия представляли собой длительные и трудные предприятия, паломникам приходилось обеспечивать себя в пути всем необходимым, впрочем, они не отказывались по возможности и от некоторых выгодных предприятий. Большинство верующих совершали паломничество, руководствуясь набожностью и чувством долга, но немалое число ходило по разным странам, осуществляя по пути торговые сделки в городах и деревнях. Путники двигались в сопровождении охраны, во-первых, потому, что не платили мзды за покровительство местных племен, а во-вторых, потому, что стремились избежать на каждом шагу уплаты налогов. Приятными исключениями для них были более спокойные и мирные турецкие провинции, встречавшиеся по пути.

Но было много и других провинций. В зените могущества империи ее народы и земли были столь многочисленны и многообразны, что не поддавались сколько-нибудь строгому учету.

Сулейман Великолепный любил называть себя «...султаном султанов Востока и Запада, Государем, рожденным в месте счастливого стечения Римской, Персидской и Арабской империй, гордостью Земли и времен; Господином Средиземноморья и Черного моря, прославленной Каабы и озаренной Медины, благородного Иерусалима и трона Египта, этого раритета эпохи, провинции Йемен, Адена, Саны и Багдада, обители благопристойности, Басры и Аль-Хасы, городов Нуширвана, территорий Алжира и Азербайджана, кипчакских степей и татарских земель, Курдистана и Луристана, совокупности таких стран, как Румелия, Анатолия, Караман, Валахия, Молдавия, Венгрия и многих других могущественных империй и земель султан и падишах...».

Словарь турецких названий, встречающихся в тексте[1]

- Ага* - 1) титул военачальника; 2) высокопоставленный чиновник, глава департамента.
- Ахи* - член социально-религиозного братства.
- Базар* - открытый уличный рынок.
- Бедестен* - крытый рынок для дорогих товаров.
- Бекташи* - неортодоксальный дервиш.
- Буза* - напиток из ячменя и проса.
- Вакф* - имущество, не облагаемое налогом и неотчуждаемое, предоставленное в виде дара или по завещанию благотворительным или религиозным учреждениям.
- Великий визирь* - глава правительства султанской Турции.
- Гарем* - женская половина дома.
- Гаремлык* - женские покои.
- Гюльбанк* - декламация обращения к Богу, молитва за султана.
- Девширме* - набор на военную службу юношей среди покоренных народов.
- Дервиш* - член религиозного мистического ордена суффистов (направление в исламе).
- Джами* - большая соборная мечеть.
- Джинн* - многоликий дух огня в мифологии и фольклоре мусульман.
- Диван* - 1) совещательный орган, состоящий из высших сановников; 2) учреждение по судебным делам.
- Земзем* - священный колодец и источник ключевой воды в Мекке.
- Имам* - глава местной общины мусульман, который руководит богослужением в мечети.
- Ислам* - религия мусульман, вероучение изложено в Коране.
- Кааба* - мечеть в Мекке, имеющая форму куба, святыня и место паломничества мусульман.
- Кадий* - судья, рассматривающий дела на основе мусульманского права (шариата).
- Каик* - узкое и длинное легкое гребное судно.
- Калфа* - главная служанка.
- Кальян* - устройство для курения, в котором табачный дым очищается, проходя через сосуд, наполненный водой.
- Канун* - закон, установленный султаном.
- Караван-сарай*, см. Хан.
- Каратегез* - марионеточный театр теней, названный по имени главного персонажа.
- Килим* - коврик.
- Коран* - священная книга ислама.
- Курбан-Байрам* - праздник жертвоприношения.
- Мавляви* - танцующий дервиш.
- Махалля* - квартал, район.

Медресе - религиозная школа при мечети.
Мехтер - официальный оркестр.
Мечеть - небольшой мусульманский храм.
Миллет - религиозная община.
Минарет - башня мечети, с которой муэдзин созывает мусульман на молитву.
Минбар - кафедра проповедника.
Михраб - ниша в стене мечети, указывающая направление Мекки.
Мусульманин - лицо, исповедующее ислам, последователь пророка Мухаммеда.
Муфтий - высшее духовное лицо у мусульман, имеющий право решать религиозно-юридические вопросы, давать разъяснения по применению шариата.
Муэдзин - служащий мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву.
Османы - 1) династия, происходящая от Османа; 2) население Османской империи.
Падишах - 1) титул турецких султанов (с конца XV века); 2) титул монархов в восточных странах.
Паша - титул военных и гражданских сановников.
Пекмез - виноградная патока.
Плов - блюдо из риса.
Рамадан - девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого соблюдается строгий пост от восхода до заката солнца.
Сельджуки - турецкая династия, предшествовавшая в Анатолии османам.
Семалык - мужская половина дома.
Сераль - дворец.
Сипахи - феодальная кавалерия.
Смотритель Мекки - верховный представитель дома Пророка.
Сунниты - представители направления в исламе, составляющие большинство мусульман, которые почитают Али как третьего халифа, но не считают, что халифат наследуется лишь по его линии. Наряду с Кораном признают сунну - мусульманское священное предание, содержащее рассказы - хадисы - о Мухаммеде, а также его высказывания.
Тандыр - столик над печкой, покрываемый одеялом.
Тугра - монограмма султана.
Улемы - мусульманские богословы и правоведы.
Фатиха - первая сура (глава) Корана.
Хаджи - почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку или Медину, что считалось подвигом благочестия.
Халва - сладость, приготовленная на основе кунжута или манной крупы и меда.
Халиф - титул государя, преемник пророка Мухаммеда.
Хаммаль - носильщик.
Хаммам - баня.
Хан - 1) титул феодального правителя; 2) склад, гостиница для путников.
Хафиз - человек, помнящий текст Корана наизусть.
Ходжа - учитель.
Чарши - крытый рынок.
Шариат - совокупность юридических и религиозных норм, основанных на Коране.
Шейх - старейшина, глава религиозного ордена или гильдии.
Шейх-уль-ислам - главный муфтий империи.
Шиты - представители направления в исламе, сторонники которого признают только Коран и считают, что наследование духовной и светской власти от Пророка идет по линии его зятя Али.
Эзан - призыв к молитве.
Юрюк - кочевник.
Янычары - привилегированная пехота в Турции, состоявшая из солдат-рабов, первоначально рекрутировавшихся из юношей покоренных народов.

Примечания

1

Слова, разъясненные в тексте, в настоящий список не включены.

Title Info

genre: sci_religion

author: Рафаэла Льюис

title: Османская Турция. Быт, религия, культура

Annotation

В книге рассказывается об истории, культуре, административном устройстве, религиозных представлениях и быте османов. Вы сможете познакомиться с полным перечнем религиозных правил и обязанностей, определявших повседневную жизнь турков.